

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2015. Vol. (15). Is. 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Krinko Evgeny – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor-in-Chief)

PhD Vlaskina Nina – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr. Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr. Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr. Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google Scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation
Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 08.10.15.
Format 21 × 29,7.
Offset paper. Offset printing.
Typeface Georgia.
Accounting sheets 6,9.
Printing sheets 8,7.
Circulation 500 copies. Order № 15

© Russkaya Starina, 2015

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2015. № 3 (15). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Джанжугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в: **CrossRef** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic Scientific Library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google Scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом «Исследователь»» –
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 08.10.15.
Формат 21 × 29,7.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 6,9. Усл. печ. л. 8,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 15

© Русская старина, 2015

CONTENTS

Relevant Topic

- Three Stages of “Political Banditry” in the Territory of Kalmykia (1918–1927)
Utash B. Ochirov 156

Articles and Statements

*The Great Patriotic War in the Official Documents
and Eyewitness Memories*

- Images of the Family in Stalingrad Children's Memories
Evgeny F. Krinko 168
- Changes in Civil and Criminal Legislation of the USSR during the Great Patriotic War
Alexandr V. Brovar 180
- The Problems of Construction of the Stalingrad Defensive Line in 1941–1942
Maxim V. Medvedev 187

*The Cossacks of the Southern Russia
in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries*

- Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part III
Alexey A. Volvenko 194
- Organization of the Village Self-Government as the Basis of the Cossack Daily Life
(The Case of the Kuban Cossack Host)
Elena V. Godovova 208

Casus: The History of Russia in the Small Peas

- The Everyday Leisure Practices of the Kuban Cossack Host Officers
in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries
Aleksandra V. Gayvoronskaya 218

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 156–167, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.156
www.ejournal15.com

Relevant Topic

UDC 94(470.47)

Three Stages of “Political Banditry” in the Territory of Kalmykia (1918–1927)

Utash B. Ochirov

Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
8, Ilishkin Street, Elista
358000 Republic of Kalmykia
Dr (History), Associate Professor
E-mail: utash@elista.ru

Abstract

The article analyzes the peculiarities of the growth of so-called political banditry in the territory of Kalmykia in the period from 1918 to 1927. In the beginning of the paper, the author analyzes the validity of the term “political banditry” and comes to the conclusion that although this term is not ethically perfect, being marked by a negative connotation, another term to define the phenomenon is hard to find. Analyzing the development of “political banditry” in the territory of Kalmykia from 1918 to 1927, the author comes to the conclusion that the phenomenon appeared only since the beginning of the Civil war and has experienced three stages in its growth.

The first stage (1918 – beginning of 1919) was associated mostly with the Red Army and with banditry of some Red Army units arrived from other regions, which in terms of chaos and impunity during the first year of the Civil war went too far in not separating requisition and mobilization – lawful from the point of view of the Soviet government – from outright robbery and violence. Some of them were declared criminals by the Soviet power and destroyed by the Red Guards.

The second stage (1919–1920) is associated with the invasion of the White Guards in the Lower Volga region. Regular troops conducted their operations in the outskirts of Kalmykia, the steppe became an arena for action of small mobile groups, mostly White Guards or the people who considered themselves as such. A significant part of these units had an “insurgent band” origin, consisted of Kalmyks, dissatisfied with the Soviet government and was supported by the Whites, both materially and financially. However, in the second half of 1919, the Soviet government with considerable effort, managed to reverse the mood of the population in their favor. After the defeat of the White Army, a significant part of the “gang” laid down their arms in exchange for Amnesty and the insurgent movement in Kalmykia was destroyed.

The third stage (1921–1927) of “political banditry” in the territory of Kalmykia, as well as throughout Russia, belonged to the “green” movement, which could be joined either by White officers, or Red commanders. It was caused by the reaction of the population to the economic policy of the “war communism”, and then to the excesses of local authorities in carrying out of the NEP (the New Economic Policy), which were superimposed on the harsh conditions of the mass

famine of the early 1920s. After overcoming the crisis and the beginning of the growth of economic well-being of the Kalmyk settlements and communities, the strengthening of the Soviet-party apparatus and law enforcement agencies, the “insurgent band” stopped being supported internally, and by 1925 the “political gangsterism” was completely eliminated. The last remnants of the gangs were destroyed in 1927.

Keywords: history of Kalmykia, law enforcement authorities, Civil war, new economic policy, “political banditry”.

Введение

Явление «политического бандитизма» было крайне характерно для Гражданской войны. В некоторых трудах, посвященных истории «политического бандитизма» в 1920-е гг., это явление даже обозначалось термином «малая гражданская война» [1]. Разумеется, для освещения «политического бандитизма» периода 1918–1920 гг. этот термин не подходит. Не стоит забывать о том, что аналогичные акции проводились как до начала революции 1917 г. (например движение «лесных братьев» на территории Латвии в период первой русской революции или восстание под руководством А. Иманова и А. Джангильдина в Казахстане в период Первой мировой войны), так и после завершения «малой гражданской войны» 1920-х гг. (кулацкие восстания начала 1930-х гг. или «повстанчество» в горах Кавказа).

На территории Калмыкии «политический бандитизм» существовал в период с 1918 по 1927 гг. и никогда не анализировался комплексно, в целом. Как правило, «повстанчество» первой половины 1920-х гг. рассматривалось в отдельности от аналогичных процессов Гражданской войны [2]. Для советской историографии Калмыкии такого явления, как «красный политический бандитизм», не существовало вовсе, хотя в работах советских специалистов по данному периоду (например А.И. Наберухина) приводились сведения о бандах подобного рода [3].

Основной целью данной статьи является комплексное изучение «политического бандитизма», освещение его развития в контексте политических и военных событий периода Гражданской войны и НЭПа, разработка его периодизации и обоснование хронологических рамок, раскрытие тактики «политических банд» и особенностей их действий в условиях Калмыцкой степи.

Материалы и методы

Статья написана на основе различных источников, в том числе документов и материалов, хранящихся в фондах различных архивов: Российского государственного военного архива (далее – РГВА), Национального архива Республики Калмыкия (далее – НАРК), Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее – НА КИГИ РАН). Кроме того, использовались воспоминания руководящих работников Калмыкии как из неопубликованных рукописей [4], так и опубликованных очерков или мемуаров [5–8]. История «политического бандитизма» в Калмыкии в 1918–1927 гг., как упоминалось выше, никогда не являлась предметом специального исследования историков, но ряд сведений об этом явлении был извлечен из работ специалистов по истории Калмыкии в указанный период и по истории «политического бандитизма» в других регионах России [9–11]. При проведении исследования применялись общенаучные (объективность, научность, историзм) принципы и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы. Например, в РГВА были найдены данные разведки 11-й армии о развитии «бандитизма» в Калмыкии и аналогичные сведения из трофейных коллекций в тот же период, что позволило сопоставить их и провести сравнительный анализ.

Обсуждение и результаты

В современной историографии термин «политический бандитизм» до сих пор не имеет устойчивого и точного определения, что свидетельствует как о сложности этого явления, так и о недостаточной его изученности. Некоторым авторам не нравится данный термин, поскольку слово «бандитизм» несет негативную окраску, чаще ассоциируется с криминалом, организованной преступностью, а не со специфической формой политической борьбы,

однако подобрать слово или словосочетание, более точно отражающее это явление, пока не удастся. Например, Е.Ф. Жупикова отмечала, что, «осознавая все несовершенство и историческую неточность термина “бандитизм”, несущего в себе однозначно негативную оценку... неправомерно “соединяющего” и уравнивающего их и тем самым значительно упрощающего сущность движения, отказаться от термина или “переименовать” его теперь вряд ли правомерно. Вероятно, следует употреблять его... не в оскорбительном значении слова, заключая термин в кавычки, или заменять его более нейтральным (тоже не безупречным) словом “повстанчество”» [12].

Однако термин «повстанчество» или производные от него следует признать и вовсе неудачными, поскольку они неточно отражают суть явления. Во-первых, «политические банды» могли комплектоваться не из местных жителей-повстанцев, а прибывать из других регионов и в некоторых случаях вообще не имели поддержки населения. Во-вторых, движения «повстанцев» в период Гражданской войны иногда перерастали стадию восстания и превращались в регулярные части, соединения и даже объединения, как это было, например, в восстании на Дону весной 1918 г., Ижевско-Воткинском восстании 1918 г., Вешенском восстании 1919 г. и т.д. [13]. Поэтому в данной статье мы будем использовать традиционный термин «политический бандитизм» и производные от него, беря их в кавычки. Термин «повстанчество», или «бандповстанчество», также взятый в кавычки, будет использоваться ограниченно и только по отношению к группам, состоявшим из местных жителей.

Под «политической бандой» понимается устойчивая автономная вооруженная группа людей, тесно связанных между собой политическими идеями и совершающих нападения или иные насильственные противоправные акты против государственных и общественных учреждений, групп людей (общин, сел) и отдельных лиц. Здесь следует учесть, что в условиях Гражданской войны акции, считающиеся противоправными одной из воюющих сторон, с точки зрения противоположной стороны были вполне законными, и таковые к «политическому бандитизму» относиться не должны. Кроме того, географические условия (широкие степные пространства, малая степень заселенности) обусловили активное использование тактики, схожей с действиями уголовных банд скотокрадов: стремительные и внезапные рейды небольших по численности мобильных групп кавалерии. К тому же от ударов «бандповстанцев» страдали в основном не войсковые части, а тыловые структуры и местные органы власти, в результате чего действия нападавших в значительной степени сводились к грабежам и захвату продуктов и имущества. Важно понимать, что в условиях хаоса и путаницы Гражданской войны регулярные войска, «политические банды» и уголовные банды могли использовать одни и те же методы и осуществлять идентичные акции, поэтому отделить «политический бандитизм» от действий уголовников или армии иногда бывает довольно сложно. Рассмотрим несколько примеров с территории Калмыкии.

Зимой 1918–1919 гг. белые разгромили на Северном Кавказе 150-тысячную 11-ю армию РККА. Остатки этого объединения, скопившиеся в районе Святого Креста и Кизляра (общей численностью примерно 25 тыс. человек), дойти до Астрахани могли только через территории Эркетеневского и Яндыко-Мочажного улусов. Ко всему прочему среди красноармейцев разразилась эпидемия тифа, и в условиях нехватки гужевого транспорта, вьючных животных, еды, перевязочных материалов и прочего они начали массовые реквизиции в калмыцких общинах, не особо следя за соблюдением законодательства (оплатой, выдачей расписок и т.д.). Войдя в раж, красноармейцы начали откровенно мародерствовать, совершать убийства и изнасилования. Председатель Эркетеневского улусного исполкома В.И. Елин докладывал, что после отступления 11-й армии: «Печальную и жуткую картину представляет теперь собою приморская часть улуса: по дорогам, озерам, берегам моря трупы людей, лошадей, поломанные повозки, обломки взорванных автомашин и ни одной живой души вокруг; бежали все, кто куда мог; степная часть улуса немногим лучше приморской, разве только тем, что здесь есть люди, обнищавшие до последней степени... теперь во всем улусе, в разных углах, едва ли наберется 2–3 помещения, хоть сколько-нибудь пригодных для жилья» [14]. Однако губернские власти не только не стали бороться с этой вакханалией, но и потребовали от местных калмыцких

властей предоставления дополнительных транспортных средств, животных и т.д., объясняя произошедшие эксцессы тяжелыми условиями военного времени.

Другой пример. Летом 1918 г. атаман Манычского улуса зайсанг Гаря Балзанов, бежавший в степь после провала Астраханского восстания в январе 1918 г. и находившийся на нелегальном положении, подымает мятеж и организует отряд «повстанцев», который совершал налеты на местные органы советской власти. Окруженный красноармейскими отрядами, отряд был вынужден покинуть свой улус и соединился с 3-й Кубанской казачьей дивизией, в состав которой его включили как регулярную часть – Манычский калмыцкий полк [15]. Однако в отличие от кубанских частей, имевших какую-то поддержку от родных станиц, этот полк имел самое минимальное снабжение и был вынужден добывать пропитание себе и своим лошадям тотальными «реквизициями» у местных крестьян [16]. Однако командование белых также оправдывало эти грабежи условиями военного времени. В 1919 г. Манычский полк есаула Балзанова вернулся в родной улус, пополнился и выделил из своего состава два полка (3-й и 4-й Манычские калмыцкие) для Астраханской казачьей дивизии. Оставшиеся силы использовались как мобильный отряд казачьей администрации Манычского улуса, который боролся с налетами красных партизан. Однако с точки зрения красных, например разведотдела 11-й армии РККА, этот отряд именовался «бандой ротмистра Бальзамова» [17].

Третий пример. В начале 1919 г. в Нижнем Поволжье был сформирован партизанский отряд РККА под командованием Д.П. Жлобы – бывшего командира Стальной дивизии, расформированной после беспримерного 400-верстного рейда по тылам белых. Кавалеристы раскассированного соединения, узнав о назначении своего бывшего начдива, массово дезертировали из кавбригады О.И. Городовикова (входившей в кавдивизию Б.М. Думенко) и перебежали к своему «батюшке Жлобе» [18]. «Вождизм» и «партизанщина» в то время были распространенными явлениями, и за этот акт дезертиры наказания не понесли. Партизанский отряд совершал рейды в тылы белых через территорию Калмыкии (в Арзгир, Сальский округ), причем в условиях отсутствия своего тыла находился на «подножном корму», т.е. жил за счет грабежей местного населения. Летом 1919 г. отряд Жлобы был развернут в 1-ю Партизанскую кавбригаду Конно-сводного корпуса Думенко, которая в марте 1920 г. при взятии Екатеринодара «отличилась» резней гражданских калмыков, бежавших к морю из Сальского округа и Манычского улуса. После этого командование РККА развернуло бригаду в 20-ю кавдивизию. Лишь летом 1920 г., когда это соединение понесло большие потери в боях с Врангелем и проявило неустойчивость, по приказу Оки Городовикова 20-я кавдивизия была расформирована и обращена на пополнение других соединений 2-й Конной армии. Как видно, советское руководство списало на условия революционного времени даже акты дезертирства и откровенного этноцида, осуществленного по национальному принципу (вернее по расовому, фенотипическому).

Исходя из вышеизложенного, «политическим бандитизмом» в данной статье считаются противоправные действия лишь тех групп, которые не были санкционированы военным или гражданским руководством белых и красных. При этом «политические банды» от откровенно уголовных, которых на территории Калмыкии в те годы побывало немало, отличались тем, что обосновывали свою деятельность политическими мотивами. Однако политический спектр этих групп не был однозначно двуцветным. Наряду с красными и белыми «политическими бандами» в Калмыцкой степи действовали «зеленые банды» или отряды, сочетающие разные «цвета» (бело-зеленые или красно-зеленые). Были даже «политические банды», созданные белогвардейскими офицерами, а затем перешедшие под контроль бывших красноармейцев, но продолжающие борьбу с советской властью. В связи с этим интересно отметить характеристику спектра «политического бандитизма» на Северном Кавказе, данную Н.В. Вороновичем – одним из лидеров «зеленого движения» в этом макрорегионе. Он делил повстанцев на три группы: 1) подлинные «зеленые» из местных жителей (крестьян и казаков); 2) «махровые» или «шкуринцы», заброшенные извне и руководимые врангелевцами; 3) «бандиты» из числа красноармейцев-дезертиров и деклассированных элементов [19]. Нечто подобное, но со своей спецификой мы можем зафиксировать и на территории Калмыкии в период 1918–1927 гг. Проанализировав процесс развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии

в указанный период, мы можем вычлени́ть три периода, в каждом из которых прева́лировала одна из «красок» указанного спектра.

- 1) 1918–1919 гг. – красные «политические банды»;
- 2) 1919–1920 гг. – белые «политические банды»;
- 3) 1921–1927 гг. – зеленые «политические банды».

До революции 1917 г. на территории Калмы́кии «политические банды» отсутствовали, имелось несколько малочисленных уголовных банд, занимавшихся в основном скотокра́дством. Географические условия (широкие степи, малая плотность населения) давали возможность малочисленным бандам укрыться, но в то же время препятствовали увеличению их численности. Кроме того, власти еще с конца XIX в. ввели запрет на хранение огнестрельного оружия у калмыков [20], что, с одной стороны, ограничивало возможности усиления боеспособности и огневой мощи банд, с другой стороны, оставило законопослушное население безоружным перед бандитами. Впрочем, численность банд была невелика, и органы местной власти успешно противостояли им силами улусной полицейской стражи.

С началом революции 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. Улусные зарго и полицейская стража оказались распушены. Вместо последней предполагалось создать улусную народную милицию, однако средств на ее обучение и вооружение не дали. Председатель ЦИК по управлению калмыцким народом Б.Э. Криштафович обращался в Петроград с просьбой о выделении на 200 милиционеров 150 маузеров и 75 наганов с патронами (по 200 штук на ствол) и даже нашел где-то средства на оплату, но поддержки не получил [21]. Криминогенность в Калмыцкой степи начала возрастать. В селах Калмы́кии появились большие группы вооруженных дезертиров, которые частично начали собираться в никому не подчиняющиеся отряды самообороны. При этом некоторые группы дезертиров мало заботились о соблюдении законности, и провести грань между отрядами самообороны и уголовными бандами было весьма затруднительно. Во многом благодаря этому летом 1917 г. в ЦИК по управлению калмыцким народом победу одержали сторонники оказывавания калмыков [22]. Улусные атаманы начали активно формировать казачьи сотни из калмыков и изыскивать оружие для них в основном за счет покупки у дезертиров. Например, за 200 рублей «николаевскими» или три овцы давали карабин. Манычский атаман Г.Д. Балзанов вспоминал, что ему удалось даже выменять на пару годовалых бычков пулемет системы Кольта [23].

По мере нарастания гражданского противостояния отряды самообороны начинают втягиваться в боевые столкновения друг с другом, причем географические условия степи обусловили активное применение партизанской тактики. В степи начинают действовать отряды, руководствующиеся в своей деятельности политическими мотивами. Кульминацией противостояния стал Астраханский казачий мятеж 12–24 января 1918 г. В Калмы́кии установилась советская власть, но народная милиция в 1918 г. так и не была сформирована. Мало того, некоторые красногвардейские отряды, присланные в улусы для восстановления законности и порядка, сами начали скатываться к бандитизму. Так, в июле 1918 г. в северные улусы Калмы́кии «для раскрытия контрреволюции, организации всеобщего обучения и агитации» был направлен отряд члена Астраханской краевой коллегии Льва Татищева. Практически сразу отряд занялся массовыми грабежами, вымогательствами, изнасилованиями и убийствами. Среди погибших оказался багши Дунду-хурула – одного из наиболее известных в Калмы́кии, что возмутило верующих калмыков. Базируясь в имении Б. Талтаева, Л. Татищев при помощи местных уголовников организовал кампанию по арестам богачей, у которых пытками вымогали золото и ценности. После Малодербетовского улуса отряд выдвинулся к Багацохуровскому улусу, «в панике разбежавшемуся перед ним». На его перехват пришлось выслать отряд Павла Бочкарева, который арестовал грабителей. Татищева осудили и расстреляли [24–25]. Однако вскоре поступили донесения о том, что сам Бочкарев проводит обыски, ведет «поиски золота в Калмыцкой степи» [26].

Ряд других красногвардейских отрядов, присылаемых в улусы с целью реквизиций или мобилизаций, также действовал методами, которые мало отличались от грабежей. Например, в августе 1918 г. Яндыко-Мочажный улусный исполком сообщил, что городофорпостинские красноармейцы производят обыски в Батутовском аймаке, «отбирают

деньги вплоть до 20 рублей и меньше», отмечены «прямые грабежи» (т.е. уже не замаскированные под реквизицию). Один из руководителей Яндыко-Мочажного исполкома врач С.-Г. Хадылов в те дни писал: «...планомерная работа <...> Советской власти нарушена постоянными набегами вооруженных банд, совершающих ограбление с массовыми убийствами мирных жителей, а также агитацией среди темной массы, что грабежи и убийства производятся красноармейцами. <...> Жизнь бедного калмыка положительно замерла, они боятся выезжать на коренной свой заработок – рыбный лов. <...> Ночуют постоянно в камышах, простуживаются и болеют целыми поселками» [27].

Председатель Икицохуровского улусного исполкома сообщил, «что улус является объектом произвола, насилия и грабежей со стороны отрядов красноармейцев или под видом их разных банд» Краснощекова (из Доно-Ставропольской дивизии Григория Колпакова), Артема Река (из войск Степного фронта), Гальковича (из Ставрополя), Садыкова (из Астрахани). Однако больше всего терроризировал улус Арнольд Большой, который, мобилизовав калмыков 11 возрастов без санкции Астраханского губвоенкомата, стал накладывать на общины контрибуции в 10 тыс. руб., реквизировать лошадей, захватывать заложников, избивать людей. Телеграмму от РВС Северо-Кавказского военного округа (в который тогда входили, помимо прочих, И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов) с требованием прекращения «мобилизации» он проигнорировал [28]. Позже секретарь Калмыцкого исполкома Ф.И. Плюнов с ужасом вспоминал: «Предоставленная сама себе Калмыцкая степь являлась объектом произвола, личного усмотрения, внимания разного рода проходимцев и преступников» [29]. Ситуацию осложнили и уголовные банды, в том числе прибывающие из-за пределов Калмыкии. Так, Эркетеневский улус только за октябрь 1918 г. потерял из-за их набегов имущества и скота на 200 тыс. руб. В бандах, производивших грабежи, было от 25 до 75 человек (караногайцы, черкесы, русские). На 2-м съезде Советов калмыцкого народа вопрос о формировании народной милиции был формально решен [30], но реализовать это решение не удалось.

В мае – июне 1919 г. на территорию Калмыкии вторглись деникинцы, занявшие почти все улусы. Основную роль при этом играли повстанческие отряды, которые стали возникать по всей степи. Этот период можно считать началом второго этапа «политического бандитизма». Некоторые из них выделялись из состава частей Белой армии (например Манычского полка Гаря Балзанова), другие формировались самостоятельно, при финансовой и материальной помощи белых. Так, в поселке Дика Яндыко-Мочажного улуса богач Б.Т. Бюбеев во время торжественной встречи генерала Д.П. Драценко получил 40 винтовок для нового отряда [31]. За короткий период почти вся территория Калмыкии оказалась занята белогвардейскими войсками и вновь сформированными отрядами. На территорию Манычского улуса вернулся Гаря Балзанов, который начал формировать новые части. Малодербетовский и Багацохуровский улусы контролировались отрядами Малодербетовского атамана Ордаша Босхомджиева. По оценке разведчиков 11-й армии РККА, общая численность этих отрядов в октябре 1919 г. достигла 1500 сабель при 7 пулеметах и 1 пушке. Наиболее крупным и активным отрядом был отряд Дорджи Онкорова. В центре Калмыцкой степи, в Икицохуровском и Харахусовском улусах, действовала группа отрядов под общим командованием помощника астраханского атамана по калмыцкой части Сереб-Джаба Тюменя [32–33]. Эти отряды не имели устойчивой структуры, их численность постоянно менялась в зависимости от поставленных задач и наличия материальных и людских ресурсов. Большинство калмыков не имели боевой подготовки, были плохо вооружены и одеты, почти не имели обуви, хотя некоторые из них имели пулеметы и 3-дюймовые орудия [34–35].

Во второй половине 1919 г. политика советской власти по отношению к калмыкам заметно изменилась. Советские и партийные работники признали, что они «на Калмыцкую степь обращали мало внимания и, возможно, только поэтому белогвардейцы так легко ее заняли» [36]. В течение нескольких месяцев Совнарком РСФСР предпринял ряд шагов, направленных на то, чтобы переломить ситуацию. Вышли «Воззвание к трудовому калмыцкому народу» В.И. Ленина от 22 июля 1919 г., декреты от 24 июля и 15 октября 1919 г. по защите экономики калмыцкого народа [37]. Были предприняты серьезные шаги по усилению агитационной работы в улусах, занятых белогвардейцами. Начала работать калмыцкая народная милиция под руководством Мухары Мунянова. Все эти меры в итоге

привели к тому, что настроения в Калмыцкой степи стали меняться в пользу советской власти. Во время отступления Кавказской армии в Малодербетовском улусе появились повстанческие отряды, атаковавшие белогвардейцев [38]. В результате многие из казаков и калмыков сдались в обмен на обещанную амнистию.

Однако некоторые белокалмыцкие отряды продолжили борьбу, и зимой 1919–1920 гг. «политический бандитизм» в Калмыцкой степи достиг своего пика. Отряды братьев Окона и Манджи Шануновых (северные улусы), братьев Хойче, Шургучи, Сангаджи и Санзыра Менгетеевых (центральные улусы), Бовы Тегусова, Очира Багальданова (восточные улусы), Джалга Улюмджиева, Шара Нохаева, Кости Бондаренко (приморские улусы) и др. буквально терроризировали местные Советы. «Эти банды великолепно знали условия жизни своих сородичей, <...> располагали замечательно точными и верными сведениями о движениях и намерениях тех отрядов, которые оперировали против них. Они имели органическую связь с населением благодаря присутствию среди него <...> своих родственников, сочувствующих и подкупленных ими лиц» [39]. При этом «политические банды» могли достигать значимых успехов. Например, в конце 1919 г. отряд Бовы Тегусова в упорном и продолжительном бою разгромил Хошеутовскую улусную сотню, среди погибших оказались улусный военком Камышев и двое членов улусного исполкома. Представитель КалмЦИКа Вадим Мергасов попал в плен и был казнен. Через несколько месяцев «шайка» Тегусова была разбита отрядом Кюкя Эльдеева, который вскоре погиб во время налета на Лагань «банды» Сычева (400–500 сабель при 8–10 пулеметах) [40–41]. Для борьбы с «политическим бандитизмом» стали брать заложников, активно формировать новые улусные сотни и отряды. В конце концов почти все «банды» либо были уничтожены, либо распались, сдавшись по амнистии [42–43].

Однако в конце 1920 – начале 1921 гг. в Калмыкии отмечается новая волна «политического бандитизма», связанная с реакцией населения на экономическую политику военного коммунизма. Эту волну мы можем классифицировать как начало третьего этапа. Социально-экономическую ситуацию серьезно обострил голод в Поволжье. И калмык-скотоводы, и русские земледельцы, почти дотла разоренные конфискаторами Гражданской войны, в условиях голода начала 1920-х гг. не смогли улучшить свое благосостояние. Продразверстка и даже продналог, введенный в рамках НЭПа, для них оказались неподъемным грузом. Неудивительно, что в улусах вновь активизировалось «повстанчество». Следует заметить, что «политические банды» этого этапа, в отличие от предыдущих, в значительной степени состояли из представителей разных национальностей.

«Зеленое» движение активно развивалось и в соседних регионах, поэтому «бандповстанцы» могли прибывать в Калмыкию из Ставропольской губернии, Донской области и даже с Украины. Список отрядов «зеленых», длительное время действовавших на территории Калмыкии («банды», проходившие транзитом, здесь не учтены), приводится ниже.

Таблица 1

«Политические банды» в Калмыкии в 1921–1927 гг.

<i>Лидер</i>	<i>Время создания</i>	<i>Район действия</i>	<i>Примечание</i>
Дараган	август 1920 г.	южные улусы	сдалась в июне 1922 г.
Маслаков Г.	конец 1920 г.	западные улусы	разгромлена в июле 1921 г.
Шануновы	начало 1921 г.	северные улусы	разгромлена в начале 1922 г.
Московченко	конец 1922 г.	Ремонтненский улус	разгромлена в 1923 г.
Черномазов	прибыла из Ставропольской губернии		нет данных
Леляев Л.	начало 1923 г.	Манычский улус	сдалась добровольно
Очаев О.	начало 1923 г.	вся область	разгромлена в 1927 г.
Андрианов	апрель 1923 г.	западные улусы	разгромлена в мае 1923 г.
Цекиров Д.	весна 1924 г.	приволжские улусы	разгромлена в 1925 г.
Амхаев			сдалась весной 1925 г.
Басангов К.	март 1925 г.	восточные улусы	разгромлена в 1926 г.

Следует отметить, что среди зеленых встречались как бывшие красные командиры, так и белые офицеры. Например, самой крупной «политической бандой» этого периода являлся отряд Г. Маслакова – бывшего комбрига 1-й Конной армии, заместителя Б.М. Думенко и С.М. Буденного, кавалера двух орденов Красного Знамени. Сам отряд возник в начале 1921 г. после мятежа 19-го кавполка 4-й кавдивизии на территории Таврии. После этого «банда Маслака» прорвалась к Дону, наладив по пути сотрудничество с Махно, а оттуда перешла в Калмыкию, где захватила Элисту, расстреляв большую группу сотрудников и чиновцев. Бои с этим сильным отрядом, вооруженным пулеметами, для властей Советской Калмыкии и Ростовской области представляли серьезную проблему. В конце концов, при помощи отряда 80-й бригады Московченко в июле 1921 г. «банду Маслака» разгромили, но вскоре «бандитом» стал и сам Московченко. Ряд банд был составлен бывшими белогвардейцами, например, братьями Шануновыми и Менгетеевыми, которые в конце 1920 г. сложили оружие в обмен на амнистию, но после первых реквизиций в рамках военного коммунизма вновь взялись за оружие.

Были банды, пережившие в своем развитии эволюцию. Например, в августе 1920 г. белогвардейские есаулы Бочалов и Степанченко сформировали в Оргакиновском аймаке отряд, но позже ее возглавил буденновец И.М. Дараган, кавалер ордена Красного Знамени. В июне 1922 г., действуя в районе села Янушевского, они захватили в плен одного из лидеров Советской Калмыкии А.М. Амур-Санана. Антон Мудренович оказался на грани гибели, но, сконцентрировав свою волю и проявив блестящие ораторские способности, он стал уговаривать «зеленых» сдаться под амнистию ВЦИК. Дараган, не доверяя ему, все же послал гонцов. Большую помощь оказал и командарм 1-й Конной С.М. Буденный, хорошо помнивший Дарагана по прежней службе и потребовавший от местных властей обязательно сохранить своему соратнику жизнь. В конечном итоге ВЦИК по просьбе калмыцких властей и Буденного амнистировал всю банду в 75 человек, что способствовало в какой-то мере стабилизации ситуации [44].

В конце 1922 г. – начале 1923 г. была отмечена новая вспышка «политического бандитизма», связанного с перегибами при расчете продналога на местах (рассчитывали по максимально возможным значениям, что для разоренных войной сельчан было непосильным бременем). Однако в 1925 г., когда НЭП стал давать первые плоды и благосостояние жителей Калмыкии начало расти, «бандповстанчество» пошло на спад. Некоторым «бандам» удалось пережить начало индустриализации, но в 1927 г. был разгромлен даже отряд неуловимого Озона Очаева, ставший последней «бандой» на территории Калмыкии постреволюционного периода.

Выводы

Анализируя процесс развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии в 1918–1927 гг., автор приходит к выводу, что это явление возникло здесь лишь с началом Гражданской войны и в своем развитии пережило три этапа.

Первый этап (1918 – начало 1919 гг.) в значительной степени ассоциировался с красными и был связан с бандитизмом некоторых красноармейских отрядов, прибывших из других регионов и в условиях хаоса и безнаказанности первого года Гражданской войны перешедших грань, отделяющую законные с точки зрения советской власти реквизиции и мобилизации от откровенных грабежей и насилия. Некоторые из них советской властью были объявлены «политическими бандами» и разгромлены другими красновардейцами.

Второй этап (1919–1920 гг.) связан с вторжением белых в Нижнее Поволжье. Регулярные войска вели свои операции на окраинах Калмыкии, а сама степь стала ареной для действий маленьких мобильных отрядов, большей частью белогвардейских или считавших себя таковыми. Значительная часть этих отрядов имела «бандповстанческое» происхождение, состояла из калмыков, недовольных советской властью, и поддерживалась белыми как материально, так и финансово. Однако во второй половине 1919 г. советская власть, приложив значительные усилия, сумела переломить настроения населения в свою пользу. После поражения Белой армии значительная часть «банд» сложила оружие в обмен на амнистию, а само «бандповстанческое» движение в Калмыкии было разгромлено.

Третий этап (1921–1927 гг.) «политического бандитизма» на территории Калмыкии, как и во всей России, относился к «зеленому» движению, в состав которого могли входить как белые офицеры, так и красные командиры. Он был вызван реакцией населения сначала на экономическую политику военного коммунизма, а затем на перегибы местных властей при проведении НЭПа, которые наложились на тяжелые условия массового голода начала 1920-х гг. После преодоления кризиса и с началом роста экономического благосостояния калмыцких поселений и общин, укрепления советско-партийного аппарата и правоохранительных органов на местах внутренняя подпитка «бандповстанцев» прекратилась и к 1925 г. «политический бандитизм» был ликвидирован. Остатки последних банд были уничтожены в 1927 г.

Примечания:

1. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. Т. 1. М.: Академия исторических наук, 2007. С. 115.
2. Бадмаева Е.Н. О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участия в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.
3. Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1968. 148 с.
4. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13.
5. Борисов Т. Калмыкия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.–Л.: Госиздат, 1926. 97 с.
6. Глухов И.К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань: Калмиздат, 1927. 113 с.
7. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1979. 447 с.
8. Маслов А.Г. Страницы былого. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1962. 156 с.
9. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 234 с.
10. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах...
11. Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии...
12. Жупикова Е.Ф. О численности повстанческих сил Северного Кавказа в 1920–1925 гг. // Белая гвардия. Альманах. № 6. Антибольшевическое повстанческое движение. М.: Посев, 2002. С. 177.
13. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 171, 222 и др.
14. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 174–174об.
15. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 350б–36.
16. Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М.: Астрель, 2003. С. 483.
17. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 7.
18. Очиров У.Б. От казака (рядового) до генерал-полковника: военная биография О.И. Городовикова // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 3. С. 42–43.
19. Воронович Н. Зеленые (На Северном Кавказе в 1921 году) // Последние новости (Париж). 1922 г. 25 января. № 545.
20. ГАРФ. Ф. Р-102. Д-2. Оп. 54. Д. 15. Ч. 11. Л. 1.
21. НАРК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
22. Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2006. С. 163–180.
23. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 3.
24. Маслов А.Г. Страницы былого... С. 62.
25. НАРК. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 17. Л. 66.
26. Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и Гражданская война в Калмыкии... С. 83.
27. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 96.
28. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90.
29. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 87.
30. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 8. Л. 21.
31. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции... С. 29.
32. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 42, 110–111.
33. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4–7, 11, 240б.
34. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 131.

35. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 40б.
36. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 44. Л. 7.
37. К истории образования Автономной области калмыцкого народа: сб. документов и материалов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1960. С. 60–63.
38. Маслов А.Г. Страницы былого... С. 87.
39. Борисов Т. Калмыкия... С. 87.
40. Глухов И.К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии... С. 42.
41. Маслов А.Г. Страницы былого... С. 122–124.
42. Глухов И.К. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии... С. 42.
43. Борисов Т. Калмыкия... С. 18–19.
44. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын... С. 229–240.

References:

1. Zhupikova E.F. Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920-1925 godakh // Akademiya istoricheskikh nauk. Sbornik trudov. T. 1. M.: Akademiya istoricheskikh nauk, 2007. S. 115.
2. Badmaeva E.N. O deyatelnosti razlichnykh formirovaniy po borbe s sovetskoj vlastyu i uchastii v nikh krestyanstva v Kalmykii v 1921–1924 gg. // Vestnik KIGI RAN. Vyp. 18. Elista: APP “Dzhangar”, 2003. S. 156–164.
3. Ivanko N.I., Naberukhin A.I., Orekhov I.I. Velikiy Oktyabr i Grazhdanskaya voyna v Kalmykii. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1968. 148 s.
4. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13.
5. Borisov T. Kalmykiya. Istoriko-politicheskiy i sotsialno-ekonomicheskij ocherk. M.–L.: Gosizdat, 1926. 97 s.
6. Glukhov I.K. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Kalmykii. Astrakhan: Kalmizdat, 1927. 113 s.
7. Amur-Sanan A.M. Mudreshkin syn. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1979. 447 s.
8. Maslov A.G. Stranitsy bylogo. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1962. 156 s.
9. Borisenko I.V., Goryaev A.T. Ocherki istorii kalmytskoj emigratsii. Elista: APP “Dzhangar”, 1998. 234 s.
10. Zhupikova E.F. Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920–1925 godakh...
11. Ivanko N.I., Naberukhin A.I., Orekhov I.I. Velikiy Oktyabr i Grazhdanskaya voyna v Kalmykii...
12. Zhupikova E.F. O chislennosti povstancheskikh sil Severnogo Kavkaza v 1920–1925 gg. // Belaya gvardiya. Almanakh. № 6. Antibolshevitskoe povstancheskoe dvizhenie. M.: Posev, 2002. S. 177.
13. Volkov S.V. Beloe dvizhenie. Entsiklopediya Grazhdanskoy voyny. SPb.: Izdatelskiy dom “Neva”; M.: OLMA-PRESS, 2003. S. 171, 222 i dr.
14. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 174–174ob.
15. GARF. F. R-5881. Op. 2. D. 238. L. 35ob–36.
16. Eliseev F.I. S Kornilovskim konnym. M.: Astrel, 2003. S. 483.
17. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 7.
18. Ochirov U.B. Ot kazaka (ryadovogo) do general-polkovnika: voennaya biografiya O.I. Gorodovikova // Vestnik KIGI RAN. 2014. № 3. S. 42–43.
19. Voronovich N. Zelenye (Na Severnom Kavkaze v 1921 godu) // Poslednie novosti (Parizh). 1922 g. 25 yanvarya. № 545.
20. GARF. F. R-102. D-2. Op. 54. D. 15. Ch. 11. L. 1.
21. NARK. F. R-10. Op. 1. D. 4. L. 5.
22. Ochirov U.B. Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.). Elista: ZAO R NPP “Dzhangar”, 2006. S. 163–180.
23. GARF. F. R-5881. Op. 2. D. 238. L. 3.
24. Maslov A.G. Stranitsy bylogo... S. 62.
25. NARK. F. R-46. Op. 1. D. 17. L. 66.
26. Ivanko N.I., Naberukhin A.I., Orekhov I.I. Velikiy Oktyabr i Grazhdanskaya voyna v Kalmykii... S. 83.
27. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 96.
28. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 90.
29. NA KIGI RAN. F. 4. Op. 3. D. 13. L. 87.
30. NARK. F. R-3. Op. 2. D. 8. L. 21.
31. Borisenko I.V., Goryaev A.T. Ocherki istorii kalmytskoj emigratsii... S. 29.
32. NARK. F. R-24. Op. 1. D. 82. L. 42, 110–111.
33. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 4–7, 11, 24ob.
34. NARK. F. R-24. Op. 1. D. 82. L. 131.
35. РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 40б.

36. NARK. F. R-24. Op. 2. D. 44. L. 7.
37. К истории образования Автономной области калмыцкого народа: сб. документов и материалов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1960. С. 60–63.
38. Maslov A.G. Stranitsy bylogo... S. 87.
39. Borisov T. Kalmykiya... S. 87.
40. Glukhov I.K. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Kalmykii... S. 42.
41. Maslov A.G. Stranitsy bylogo... S. 122–124.
42. Glukhov I.K. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Kalmykii... S. 42.
43. Borisov T. Kalmykiya... S. 18–19.
44. Amur-Sanan A.M. Mudreshkin syn... S. 229–240.

УДК 94(470.47)

Три этапа «политического бандитизма» на территории Калмыкии (1918–1927 гг.)

Уташ Борисович Очиров

Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, Элиста, улица Илишкина, 8
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: utash@elista.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии в период с 1918 по 1927 гг.

В начале статьи автор анализирует правомерность использования термина «политический бандитизм» и приходит к выводу, что хотя данный термин этически не совершенен, поскольку изначально несет в себе негативную окраску, однако иной термин для определения изучаемого явления подобрать невозможно.

Анализируя процесс развития «политического бандитизма» на территории Калмыкии в 1918–1927 гг., автор приходит к выводу, что это явление возникло здесь лишь с началом Гражданской войны и в своем развитии пережило три этапа.

Первый этап (1918 – начало 1919 гг.) в значительной степени ассоциировался с красными и был связан с бандитизмом некоторых красноармейских отрядов, прибывших из других регионов и в условиях хаоса и безнаказанности первого года Гражданской войны перешедших грань, отделяющую законные с точки зрения советской власти реквизиции и мобилизации от откровенных грабежей и насилия. Некоторые из них советской властью были объявлены «бандитами» и разгромлены другими красногвардейцами.

Второй этап (1919–1920 гг.) связан с вторжением белых в Нижнее Поволжье. Регулярные войска вели свои операции на окраинах Калмыкии, а сама степь стала ареной для действий маленьких мобильных отрядов, большей частью белогвардейских или считавших себя таковыми. Значительная часть этих отрядов имела «бандповстанческое» происхождение, состояла из калмыков, недовольных советской властью, и поддерживалась белыми, как материально, так и финансово. Однако во второй половине 1919 г. советская власть, приложив значительные усилия, сумела переломить настроения населения в свою пользу. После поражения белой армии значительная часть «банд» сложила оружие в обмен на амнистию, а само «бандповстанческое» движение в Калмыкии было разгромлено.

Третий этап (1921–1927 гг.) «политического бандитизма» на территории Калмыкии, как и во всей России, характеризовался деятельностью «зеленого» движения, в состав которого могли входить как белые офицеры, так и красные командиры. Он был вызван реакцией населения сначала на экономическую политику военного коммунизма, а затем на перегибы местных властей при проведении НЭПа, которые наложились на тяжелые условия массового голода начала 1920-х гг. После преодоления кризиса и с началом роста

экономического благосостояния калмыцких поселений и общин, укрепления советско-партийного аппарата и правоохранительных органов на местах внутренняя подпитка «бандповстанцев» прекратилась и к 1925 г. «политический бандитизм» был ликвидирован. Остатки последних банд были уничтожены в 1927 г.

Ключевые слова: история Калмыкии, правоохранительные органы, Гражданская война, НЭП, «политический бандитизм».

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 168–179, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.168
www.ejournal15.com

Articles and Statements

The Great Patriotic War in the Official Documents and Eyewitness Memories

UDC 94(47)

Images of the Family in Stalingrad Children's Memories

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr. (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

There is a large number of studies on the Battle of Stalingrad. However, the fate of the Stalingrad children is not analyzed enough. The paper conveys the image of a family in memory of the children of Stalingrad. This research is based on the results of the survey conducted in 2014–2015 among Volgograd inhabitants, witnesses of the Battle of Stalingrad in childhood and adolescence. The family largely determined the fate of the Stalingrad children. The structure and composition of the family have been changed. During the Battle of Stalingrad adult care, firstly care for children by the parents, became the main condition of their survival. The life perception peculiarities significantly influence the memoirs of a certain person. The childhood as a rule is idealized as compared with the events of adult life.

Keywords: Great Patriotic War, Stalingrad, wartime childhood, family, memories, oral history.

Введение

Сталинградской битве, считающейся началом коренного перелома в Великой Отечественной войне, посвящено немало исследований и мемуаров. По подсчетам Д.А. Белова, к 2012 г. общее количество всех публикаций, включая различные исторические источники, превысило 4000 наименований [1]. В большинстве из них рассказывается о ходе и результатах сражения, героизме советских воинов, роли отдельных участников, частей и соединений в победе над врагом. Значительный опыт разработки проблемы позволил создать фундаментальный энциклопедический труд [2]. В то же время в истории Сталинградской битвы остается немало неизученных аспектов. Только в последние годы появились первые работы, рассказывающие о трагедии гражданского населения города [3].

Однако судьба детей Сталинграда все еще недостаточно исследована. Между тем тема военного детства в современной историографии приобретает все большую актуальность [4]. При этом особое значение имеет использование источников личного происхождения, прежде всего устных, – проведение опросов среди детей как последней категории прямых свидетелей и очевидцев военных событий. Обращение к ним позволяет не только раскрыть механизмы адаптации детей к чрезвычайным условиям военного времени, но и выявить особенности формирования и дальнейшей трансформации памяти о войне у детей и подростков.

Материалы и методы

В основе исследования лежит историко-антропологический подход, позволяющий выяснить, как реагировал мир детства на чрезвычайные условия военного времени, охарактеризовать особенности повседневной жизни детей и детского восприятия войны. Главным источником стали материалы проведенного в 2014–2015 гг. в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны» (руководитель – доктор исторических наук М.А. Рыблова) опроса среди жителей Волгограда, переживших Сталинградскую битву в детском и подростковом возрасте. Всего было записано 264 интервью детей военного Сталинграда, являвшихся непосредственными свидетелями событий того времени и на сегодняшний день остающихся основными трансляторами памяти о Великой Отечественной войне. Результатом проведенных опросов стало издание двух сборников воспоминаний: «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города» [5] и «Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города» [6]. В первый сборник вошло 114, а во второй – 56 текстов воспоминаний. Полные записи интервью хранятся в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

Обсуждение и результаты

Семья – самый ранний по происхождению и один из самых главных по выполняемым функциям и месту в жизни человека социальный институт – играет особенно важную роль в первичной социализации ребенка. Под влиянием политических, экономических и социокультурных процессов в годы советской власти существенно эволюционировали формы и практики семейной жизни, ее материальные и духовные основы [7–11]. Многие респонденты начинали рассказ с обстоятельств своего происхождения, и их воспоминания позволяют проследить эволюцию семьи на конкретных семейных историях. Большинство упоминало о том, что прежде, в старших поколениях, их семьи были многодетными: «Так вот, дед нарожал 15 человек детей. Не все они по тем временам выжили, сохранилось трое сыновей, сохранилось четверо или пятеро дочек, и все они потихонечку уходили к своим мужьям» [12]; «В семье было 14, вот по памяти я так, 16 человек детей. В живых остались не все, но многочисленный род. Сейчас остались только троюродные. И связи уже меньше, конечно» [13]; «Бабушка родила четырнадцать детей, но четверо остались живы, моя мама среди них младшая» [14].

К началу Великой Отечественной войны в СССР преобладали простые (двухпоколенные) семьи из супругов и детей. Сократилось количество совместно проживавших родственников и детей, вследствие постепенного снижения рождаемости и все еще остававшейся достаточно высокой, хоть и постепенно снижавшейся на протяжении всего предвоенного периода детской смертности. В 1939 г. советская семья состояла в среднем из 4,1 человека. Постепенно сокращалось количество крупных семей, в которых насчитывалось 5 человек и более, – в 1939 г. они составляли 35 %. Многодетные семьи сохранялись в основном в сельской местности [15].

Немало опрошенных детей Сталинграда происходило из многодетных семей. В.Н. Романцову вспоминается «тетушка, у которой было шесть детей» [16]. По словам З.Н. Овчинниковой, у ее мамы из многодетной крестьянской семьи было еще два брата и четыре сестры. Она сама также родилась в многодетной семье: «Пожились мои родители в 1917-м году, но тут начался переполох, папа дома почти не бывал, а мама только и знала, что рожала да хоронила детей. Кормить было нечем, вот они и умирали.

Из семерых детей остались в живых только трое – моя старшая сестра Юля, брат Григорий и я» [17].

Среди респондентов преобладали горожане в первом поколении, а в составе населения Сталинграда к началу Великой Отечественной войны доминировали выходцы из села. Если в конце XIX в. в Царицыне проживало всего 55,2 тыс. человек, то к началу войны – уже более 450 тыс. человек. Резкое увеличение численности городского населения за четыре десятилетия – в восемь с половиной раз – было обусловлено его превращением в важнейший индустриальный центр Нижнего Поволжья, на заводы и фабрики которого устремились сельские жители: «И вот мама приехала сюда еще девушкой. Я хорошо не помню, по-моему, когда началось строительство всех этих заводов. Из села же раньше не выпускали просто так. Справки давали, у меня справка сохранилась, ей дали, что она такая-сякая, и вот она приехала сюда. И здесь она познакомилась с папой: те приехали, она приехала, и они познакомились. И поженились» [18].

Структура и состав семьи постепенно менялись, а вместе с ними и соответствующие представления. Если в самом начале XX в. наличие 10–15 детей в семье не представляло собой исключительного явления, то в 1940-х гг. такое количество встречалось крайне редко, а большими считались уже семьи, имевшие свыше трех детей: «У нас была большая семья, две бабушки. К началу Сталинградской битвы у нас в семье было трое детей» [19].

Изменилась и система проживания: в сельской местности, особенно в небольших хуторах, выделившиеся из общей семьи родственники нередко селились на той же или на соседней улице, а то и в соседних домах, что позволяло поддерживать между собой тесные отношения. В отдельных кварталах бывших рабочих поселков, вошедших со временем в черту города, также сохранялся подобный принцип совместного расселения родственников. Здесь совместно решались все значимые хозяйственные вопросы, не говоря уже о таких общих событиях, как свадьба или похороны, на которых присутствовали даже дальние родственники. Совместно воспитывались и дети, особенно близкие по возрасту: «Они – сестры – все жили рядом, двор ко двору. Как она говорит, на одной печке воспитывались. Вот эти ее троюродные дяди, тети, все вместе воспитывались» [21]; «Мы жили на Спартановке, первая улица от Волги – улица Апатитова. Наш огород выходил уже к Волге. И на этой улице жили в основном все наши родственники: мамыны три брата и две сестры. Вот все жили на этой Апатитовой улице. Их выселили, когда строили Тракторный завод» [22].

В дальнейшем, в условиях городской планировки и нараставшей остроты жилищного вопроса, дети, как правило, проживали отдельно от родителей, если такая возможность, конечно, существовала: «Мы жили сначала у бабушки, а потом прямо перед войной построили свой дом, по тем временам большой дом считался. В этом доме мы жили» [23]. Порой и родители отселялись от выросших детей, имевших собственные семьи, предпочитая избегать лишних разногласий с ними: «А бабушка <...> с зятем – с моим отцом – не ладила. И говорит: “Ой, Маруся, я хочу себе отдельно купить. Мне какую-нибудь маленькую-маленькую”. И мама ей купила там избушку» [24].

Во многих воспоминаниях приводятся описания хороших взаимоотношений между отдельными членами семьи, особенно между родителями и детьми. Наряду с традиционными примерами материнской любви («Мама всю любовь отдавала нам» [25]) нередко говорится и о проявлении нежных чувств отцами по отношению к своим детям и женам, нехарактерном для крестьянских и казачьих семей: «Папа нас всех очень любил, и за всю свою жизнь я ни разу от него не слышала грубого слова. Нас с сестрами ни разу пальцем никогда не тронул, хотя Витьке доставалось. Папа очень любил маму, и я думаю, что он стал примером для наших мужей. Папа всегда приносил маме первые весенние цветы. Он школу полностью закончил только после войны, но был очень грамотный, начитанный, эрудированный» [26].

Нежные чувства супругов переносились на их отношение к детям, создавая комфортную психологическую обстановку в семье для всех ее членов, наполненную чувством любви и уважением к личности взрослого и ребенка. Подобный стиль взаимоотношений между супругами, родителями и детьми отражал формирование в советском обществе новой семейной модели, в основе которой лежали личные чувства членов семьи. Детоцентризм был одним из ее главных составляющих: взрослые стремились

проводить как можно больше времени с детьми, общаться с ними, развивать и воспитывать: «Детей баловали очень, они были “пупом земли”. Знаю, что трехколесный велосипед, санки были у нас. Каждые выходные мы ходили на Волгу купаться всей семьей» [27]. Если позволяли доходы, не жалели средств на приобретение книг, игр и игрушек, спортивных орудий и снарядов для детей. Но даже если их и не было, атмосфера семейного тепла и уюта создавала необходимые условия для нормального развития личности ребенка: «В 1942 году мне было 10 с половиной лет. <...> Я считаю, что мы жили счастливо. Мы не были богатыми людьми, но мы были счастливыми, просто тем, что мы дружно жили, что у нас все было хорошо, что я училась... Я особенно хорошо помню, как меня принимали в пионеры, как я гордилась, что на мне красный галстук – частица красного знамени» [28].

Подобные взаимоотношения складывались в основном в верхних и средних слоях горожан – в семьях советских служащих, интеллигенции, командного состава армии и флота. Не последнюю роль в их возникновении сыграл поворот в семейной политике от либерализации брачно-семейных отношений, присущей первым годам советской власти, к укреплению семьи как важнейшей ячейки общества в 1930-х гг. [29].

В то же время в семьях многих рабочих, в основной своей массе выходцев из села, сохранялись более строгие, патриархальные подходы к воспитанию детей, а также уважительное отношение к родителям, которых называли в традиционной крестьянской манере на «Вы»: «Вы знаете, в каждой семье к детям по-разному относились, как и сейчас. Вот у нас в семье было заведено как-то строго, что ли, я не знаю. Строго сказать – нет. Ну как-то почитали маму; чтобы на маму что-то сказать... Во-первых, мы на “Вы” почему-то называли всегда, на “ты” назвать – это было, ну очень грубо что ли как-то. Не знаю. Как-то нас четверо было детей. И я младшая была, и старшие вот как-то надо мной тряслись. И вообще было заведено, что старших надо слушаться» [30]; «Родители, конечно, никто нас не баловал. Мама тоже работала. Она работала на Сталинградском тракторном заводе крановщицей. Поэтому все свободное время мы были предоставлены себе. Ну в то время было как-то, что друг за другом следили соседи, по дому, по квартире или еще как. Тогда было другое время. Нас воспитывали, чтоб мы не хулиганили, не шумели, уважали старших» [31].

У занятых тяжелым физическим трудом родителей не оставалось ни времени, ни сил на организацию досуга и отдыха детей. Сказывались и невысокие доходы таких семей, вынуждавшие искать источники дополнительных заработков. Поэтому дети в них наделялись обязанностями наравне со взрослыми. В годы Великой Отечественной войны круг этих обязанностей расширился: детей посылали отоваривать хлебные карточки и пасти скот, они воспитывали младших братьев и сестер, выполняли различную работу по дому, саду и огороду: «В 1941-м году детство мое кончилось, так как приехала сестра с двумя детьми, и мне поручили за ними присматривать, но я была в семье младшая, одна, старшие разъехались, мне не хотелось за ними смотреть» [32]; «Мама продала все соленья. На эти вырученные деньги купили корову. И детство у меня прошло, у меня была обязанность пасти эту корову. И задание такое: идешь пасти корову, дается 2 мешка. Надо нарвать сена: один мешок и второй мешок» [33].

Многие дети Сталинграда, судя по их рассказам, накануне и во время войны поддерживали тесные связи и с другими родственниками – проживавшими отдельно от них бабушками и дедушками, дядями и тетями: «Ну, во-первых, бабушка нас снабжала оладушками или пирожками испеченными, варениками, чтобы мы в школе после второго урока пообедали» [33]; «Помню хорошо, как мы ходили к бабушке, там у нее садик был. Очень хорошо помню дядю, папиного младшего брата. Он лежал в Садовой, в госпитале, и мы к нему ездили» [34]; «Я жила с бабушкой в основном: мама-то работала, папа на Финскую ушел, потом на Отечественную ушел» [35]. Само расширение круга общения ребенка имело положительное значение для его социального и психологического развития.

Значительно реже бывшие дети Сталинграда рассказывали о семейных неурядицах, разногласиях между родителями, вызванных их пагубными привычками. Порой такие конфликты завершались разводами и распадом семей: «А папу я не помню, как мама рассказывала, он был такой повеса. Я должен был в сентябре родиться, а ей сказали, что он гуляет. А гуляет, был друг, причем туберкулезник, там двое детей, и он ходил туда. И она из роддома ушла к своим. А жили за Домом офицеров, здесь. Она из Центрального роддома

ушла к родителям, и все, больше они не сошлись, хотя он приходил, просил прощения. Но у него там четверо или пятеро детей еще родилось. Я вот не знаю, служил он, не служил. Я про отца мало что знаю» [36]. К разводу могло привести и различие взглядов на жизнь: «Мама рано разошлась с мужем, с моим отцом Егором Яковлевичем. Сам он уроженец Сталинградской области. Теперь я бы могла сказать, что это был человек из семьи с хорошим достатком. Плохо знаю жизнь семьи отца – мама не рассказывала. Но психология была, я бы сказала, какая-то собственническая. Если, например, мама решила купить самовар – это был скандал. Самовар для чего? Для интерьера, для того чтобы встретить гостей. Встреча гостей, родственников, день рождения мамы, например, пригласить на чаепитие, чтобы было культурно. Мама ощущала эту необходимость культурного обихода в семье. Это тоже скандал. Если мама купила вилки, чтобы мы руками не ели, ну, например, чтобы вареники не доставать руками из общей чаши или тарелки, – это тоже скандал. И мама решила развестись» [37].

Естественно, что дети в случае разводов обычно становились на сторону тех родителей, с которыми оставались дальше жить. В то же время семейные конфликты, а тем более разводы, утрата возможностей полноценного общения с одним из родителей, заставляли детей переживать психологические стрессы и испытывать определенный дискомфорт: «И вот так я был лишен отца своего. А хотелось, возраст когда наступил, хотелось мужского общения. Был отчим один, который не разрешал мне звать его папой» [39].

Встречаются в воспоминаниях бывших детей Сталинграда и упоминания о совершавшихся родственниками абортах, запрещенных в то время. Видимо, поэтому их причины связываются не с собственными проблемами семьи, а с предчувствием предстоящей войны, что придает им более патетический смысл: «А еще до войны жена моего брата и моя сестра, видно, уже слышали о надвигающейся войне, сделали аборт. Раньше это было запрещено, и от подпольных абортотворцев многие умирали, вот и жена моего брата умерла и оставила пятерых детей. А у Астраханского моста много таких женщин хоронили. Ведь их, когда привозили на “скорой”, им сразу операцию не делали, а сидел следователь и спрашивал, у кого это женщина сделала аборт, но никто, конечно, не признавался. И многие умирали» [40].

Впрочем, семейную идиллию порой разрушали не только внутренние проблемы, но и политические события, происходившие в стране: коллективизация и раскулачивание, борьба с инакомыслием и массовые репрессии в атмосфере всеобщей подозрительности, когда человека могли арестовать и посадить по доносу собственного родственника: «А брат сводный, дядя Петя, он по 37-й статье попал. Он был бухгалтером в колхозе, там все друг друга знают. И кто-то из родственников (когда мы в 57-м году с мамой ездили, это он рассказывал) его спросили: “Что, Петро, какие виды на урожай?” А он: “Да какие виды на урожай, ты видишь – засуха. Плохо будет”. Все! Тот донес. Утром пришли, его арестовали и все. И как вредителя, как ярого пропагандиста против советской власти, против колхозов, его по 37-му году...» [41].

Превратившись в один миг из человека, занимавшего хорошую должность и имевшего соответствующий социальный статус, в осужденного «врага народа», такой родственник оказывался опасен для своей собственной семьи, обычно разрывавшей с ним прежние отношения. Узнать о его судьбе, восстановить родственные связи удавалось, как правило, только через два десятка лет, в период «оттепели», если он, конечно же, еще оставался жив к тому времени: «А дядя, то, что я знаю, это – не было никаких сообщений о нем, нельзя было вести никакой переписки. <...> И он боялся сообщать, чтобы на нас не повлияло это. Но вот приехал человек, и там, в Михайловке, родственникам рассказал, говорит, он боится, вы сами езжайте, сейчас другое время. И я после 4-го курса с мамой, пять дней мы туда добирались поездом с пересадками» [42].

Наряду с родственниками, немаловажную роль в жизни детей Сталинграда накануне и во время Великой Отечественной войны играли соседи. Во многом этому способствовал порожденный коммунальной квартирой особый коммунальный быт [43–44]. Проживавшие в соседних комнатах и, казалось бы, ничем более не связанные между собой люди вникали во все обстоятельства чужой для них жизни, порой превращаясь из ее очевидцев в прямых участников. В воспоминаниях детей Сталинграда часто говорится о том, что соседи фактически выполняли функции «замещения» родителей, находившихся на работе,

в вопросах воспитания детей. «Наверное, то, что в коммуналке жили, что войну пережили, у нас вечно дома был проходной двор, и с Ленинграда мамина сестра с дочкой жили, потом бабушкин младший брат и еще кто-то, никому не отказывали. Никогда никакого недовольства не было, доброта людская была. Соседи всегда угощали друг друга, когда бабушка, например, была на работе, то Таню брала к себе соседка. Когда соседки не было дома, то бабушка ее детей брала. Все это было в порядке вещей. Мы жили после войны небогато, но всегда делились всем. Столы собирались по праздникам, все соседи за ними сидели» [45].

Непосредственно в период Сталинградской битвы забота взрослых, в первую очередь, родителей о детях, особенно самых маленьких, стала самым главным условием их спасения. Родители готовы были защищать детей даже ценой своей жизни, например, заслоняя их собой от падавших осколков. В нужный момент они, как никто другой, могли успокоить, обогреть, накормить, подсказать правильные решения и предотвратить неверные шаги. Уже сам факт существования рядом близкого и родного человека служил для ребенка немаловажной поддержкой на фоне всеобщего ожесточения и массовой гибели людей. «А 23 августа, когда началась бомбежка, мы попали под эту бомбежку. С мамой шли из центра города, тогда трамваев не было еще, и вот где-то в районе Областной больницы, за Рокоссовского, началась бомбежка. И начали бомбить Даргору. Это было что-то ужасное – все пылало, все горело! Ужас просто! И вот мы с мамой шли вдоль забора. Мама нас закрыла с сестренкой, мы до дома так доползли и все. Вот так вот помним эту бомбежку» [46]; «Я – к деду в цех. Света нет, деда нет там, страшно, воеет сирена. Я под верстак залез и сидел, дрожал, пока тревога прошла. Дед пришел, я его обнял, он такой с бородой, деда я очень любил. Вот это первая память о войне» [47]; «Смотришь в глаза матери и бабушки, и вот только на них смотришь, все, как они реагируют – и ты так» [48].

В то же время наличие детей для самих взрослых создавало немало трудностей в условиях начавшегося сражения. В частности, именно с этим был связан отказ от эвакуации части сталинградцев, имевший затем самые трагические последствия. «В эвакуацию наша семья не попала. Все мы остались, все мы были в оккупации. Потому что все с детьми. <...> А что мама с четырьмя, тетушка – с шестью сделает? Да ничего. Куда она их, утка, поведет сзади? Поэтому мы и остались» [49]. Однако и дети были готовы встать при необходимости на защиту своих родителей, резко реагируя на замечания и оскорбления в адрес любимого человека: «У папы был наш русский командир, но он так грубо с ним обращался, а папа был больной, у него с легкими не в порядке было. Однажды этот командир и говорит мне: “Твой папа лодырь!” – и ногой его ударил. А я такая дурочка была, взяла и кинулась на него драться, вцепилась в глаза» [50].

Воспоминания содержат немало примеров того, как родственники объединялись в Сталинграде в целях совместного выживания. Это давало возможность получить материальную и психологическую помощь других членов семьи. Проявления подобной солидарности имели несомненное положительное значение не только для дальнейшего развития семейных взаимоотношений, но и для воспитания детей. «И жили вместе, тетя, братик двоюродный, бабушка, мама, я, дед – вот встретили войну. Тетя, когда забрали дядю, она пришла к нам» [51]; «И в войну как-то выживали, поддерживали друг друга. Взрослые приходили и между всеми делили, но в первую очередь, конечно, кормили детей. У нас в этом плане все было благополучно» [52].

Дети, оставшиеся без родителей и без поддержки других родственников, имели немного шансов на выживание в ходе Сталинградской битвы. Так, после гибели тети В.Н. Романцова осталось шестеро детей: «Кому они нужны и что, чего... Ну половина умерло, мама не могла содержать детей. Там двоих взяли с Мамаей...» [53]. Прибывшие в эвакуацию родственники порой рассматривались как дополнительная обуза в условиях снижения общего уровня жизни в годы Великой Отечественной войны. Естественно, что отказ в помощи вел к ухудшению дальнейших отношений с ними, а память об этом сохранялась и после войны. Отправившаяся в эвакуацию с семьей С.М. Лопаева сообщает, что первоначально в Ленинске их «родственники встретили плохо». Но далее она указывает на помощь со стороны других родственников: из Ленинска семья отправилась в Царев, «где жила мамина бабушка» [54].

В.Н. Романцова мама отвезла к своей сестре. Уже на месте прибытия выяснилось, что условия жизни и у нее оказались далеко не самыми лучшими. Но они позволили выжить и не погибнуть под вражескими бомбами и снарядами: «В 1943-м она нас везет в Астраханскую область к сестре. Тут потому, что жить негде было. К сестре приехали, там кухня саманная, вот, жили. Не жили, а существовали. Есть нечего, дров нет. Ужас! Ужас! Но все равно в школу ходили» [55]. Родственники помогали возвращавшимся в Сталинград семьям после его освобождения: «Приехали в Сталинград, а жилья-то нет у нас. Пошли по родственникам и поселились у Кравцова Николая Степановича – это мамин старший брат. Он жил вместе с сыном. Потом прибежали другие наши родственники, Зеленские, и позвали нас к себе жить. Переночевали мы у них. Потом мы перешли жить в летнюю кухню к тете Кате. <...> Мы жили за счет родственников, они с нами куском делились, мы у них жили» [56].

В целом многие дети Сталинграда связывают выживание в самый тяжелый период своей судьбы с помощью родных, близких, соседей. Сам дух коллективизма, взаимовыручка и взаимная поддержка, проявленные в экстремальных условиях военного времени, впоследствии стали предметом особой гордости детей Сталинграда: «А взаимопомощь между соседями, родственниками – не то слово! Взаимная поддержка, помощь одного человека другому, коллега – коллеге, сосед – соседу. Укреплялись эти соседские отношения, потому что входила одна семья в положение другой семьи. <...> Мы помогали и чужим, и близким, соседям, а сколько было эвакуированных! <...> Мы очень сильно помогали другу» [57].

Отмеченный коллективизм проявлялся не только в буднях, но и в праздниках. По мнению исследователей, официальные празднества в СССР «служили инструментом для популяризации политических целей и манипулирования людьми. Но они также были одним из каналов, через которые политика режима проводилась в жизнь» [58]. В воспоминаниях респондентов отразились проявления советской праздничной культуры в Сталинграде и утрата прежней роли религиозных праздников в жизни их семей: «Праздники были в основном советские в нашей семье: День физкультурника, 1 Мая, 7 Ноября. Мы выходили к Баррикадам, именно внизу собирались эти колонны, там демонстрировали физкультурники свое искусство. В парке потом гулянья были до позднего вечера. Елка проводилась только для детей, дни рождения, в парке какие-то праздничные дни, например День Военно-воздушного флота, тогда прыгали с парашютом. Парашюты были, у нас в Британском парке был ослепительно белый из шелка, а вот на “Красном Октябре” напротив того места, где сейчас плавательный бассейн “Искра” бывший, он был желто-оранжевого цвета. На Волге около Дома техники проходили День Военно-морского флота и речного флота. А вот Пасху, Рождество и Покров до и во время войны в семье во всей нашей родне не отмечали» [59].

С начала Великой Отечественной войны в советской праздничной культуре произошли определенные изменения, в частности приведшие к отказу от прежних массовых форм празднования и украшений домов, улиц и площадей [60–62]. Тем не менее большинство респондентов говорят о том, что праздники отмечались и во время войны. «А праздники были. Даже во время войны. Вот в Николаевке была война, но привезли какую-то елочку, украсили какими-то бумажными игрушками. Для всех детей это сделали. Даже подарки какие-то давали, например, кусочек сахара. В каждой школе после войны были елки, потом 1 Мая, 7 Ноября – это обязательно» [63].

В первую очередь, это объяснялось потребностью в празднике, особенно важной как средство психологической разгрузки для детей в экстремальных условиях военного времени. Это понимали и их родители, стремясь воссоздать для них праздничную атмосферу даже в самых, казалось бы, тяжелых условиях. Так, при освобождении советскими войсками станицы Обливской эвакуированные сталинградцы вместе с местными казачками «пошли по немецким квартирам», и мама В.И. Мамонтова принесла елку. Это вызвало неподдельное чувство радости у мальчика и сохранилось в его памяти как одно из наиболее ярких впечатлений военного детства, несмотря на годы. Данное чувство совершенно не разделяла бабушка, как взрослый человек, ориентированный на решение практических задач: «И бабушка говорит: “Ой! Все умные люди барахло таскают, а ты елку!”. А потому, что красиво! Елка настоящая, не сосна. А на ней какие-то “ляпсики” цветные приколоты,

пластмассовые что ли: зеленые, красные, синие – какие-то штучки такие. И так нам было празднично! Скоро Новый Год! Бабушка говорит: “Лучше бы одеяло принесла”» [64].

Впрочем, некоторые респонденты утверждают, что они вообще не отмечали праздники во время Великой Отечественной войны. Это объясняется тяжелыми условиями жизни, нехваткой средств или просто отсутствием соответствующей традиции: «А праздников мы не отмечали. Не могло во время войны такой сложнейшей, это не могло быть. Могло быть только словесно. Валя, Маша, Галя, Петя, поздравляем тебя с днем рождения, здоровья» [65]; «Праздники никакие не отмечали. Я только в 16 лет узнала, когда у меня день рождения» [66]; «Вот такая жизнь жестокая была, ужасная. Даже про праздники никакие не вспоминали...» [67].

Выводы

Рассказы бывших детей Сталинграда представляют собой уникальный комплекс источников, в котором отразилась эволюция семьи и ее роль в жизни юного поколения накануне и во время Великой Отечественной войны. Особую ценность придает им массовый характер, позволяющий говорить о высокой степени репрезентативности собранного и записанного материала. По всей вероятности, это самый крупный опрос не только среди детей Сталинграда, но и вообще среди детей военного времени, проведенный за последние годы одним коллективом на сравнительно небольшой территории за относительно короткий срок. Но при обращении к данным текстам необходимо учитывать, во-первых, особенности восприятия человеком своей прожитой жизни, вследствие которых детские годы, как правило, идеализируются, изображаются в более ярких красках и тонах, чем события последующей взрослой жизни. Во-вторых, перенос в прошлое респондентом своих представлений о семейной жизни.

Рассматриваемые источники позволяют сделать выводы о постепенном сокращении количества детей и совместно проживавших членов семьи в довоенный период. Это соответствует общим тенденциям в развитии советской семьи, связанным с постепенным переходом от больших, многопоколенных и многодетных семей к двухпоколенным и малодетным. При этом менялись не только структура семьи, но и сам стиль семейных взаимоотношений: постепенно в среде интеллигенции, советских служащих и других высших и средних слоях складывалась чувственная модель детоцентристской семьи. Все большую роль в воспитании детей играл отец, а проявление эмоций по отношению друг к другу становилось не выходящим за рамки правил исключением, а нормой взаимоотношений супругов, родителей и детей. В то же время в рабочих семьях нередко сохранялись патриархальные отношения, а коллективные формы проживания в условиях господства коммунального быта существенно сокращали личное пространство, превращая соседей в прямых участников семейных событий, в том числе и в вопросах воспитания детей. Это стало новой советской городской традицией, поскольку в сельских семьях подобных «заместителей» родителям не требовалось вследствие наличия большого количества родственников.

В годы войны, особенно в период Сталинградской битвы, семейные отношения трансформировались, испытав новые вызовы времени. В частности, нередко происходило воссоединение родственников, поскольку совместное проживание давало им больше возможностей выживания. Без заботы родителей и других родственников о детях выжить в условиях сражения у них было немного возможностей. Сохранению семейных традиций, практик и форм семейной жизни способствовали не только общие тяжелые будни, но и совместные праздники, которые многие сталинградские семьи отмечали, несмотря ни на что, и в годы Великой Отечественной войны.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

Примечания:

1. Белов Д.А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов: материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград: Принт, 2013. С. 438.

2. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.
3. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 594 с.
4. Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
5. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.
6. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 360 с.
7. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М.: Наука, 1992. 140 с.
8. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. 418 с.
9. Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97.
10. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
11. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.– Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
12. Мамонтов Владислав Иванович, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 06.04.2012 // Дети и война... С. 28.
13. Кузнецов Борис Борисович, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 25.06.2014 // Дети и война... С. 67.
14. Михайлина Тамара Ивановна, 1932 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 31.05.2014 // Дети и война... С. 493.
15. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг... С. 72–77.
16. Романцов Виктор Никифорович, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 13.07.2014 // Дети и война... С. 53.
17. Овчинникова Зинаида Николаевна, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 28.04.2014 // Дети и война... С. 38.
18. Зайцева Нина Николаевна, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер К.К. Шутова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 12.03.2014 // Дети и война... С. 264.
19. Лопаева Светлана Михайловна, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 08.06.2014 // Дети и война... С. 18.
20. Кузнецов Борис Борисович... С. 67.
21. Васильева Лидия Ивановна, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Т.В. Нелин. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 28.03.2014 // Дети и война... С. 104.
22. Лопаева Светлана Михайловна... С. 18.
23. Захаровская Любовь Ивановна, 1930 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 15.04.2014 // Дети и война... С. 382.
24. Никогосян Раиса Андреевна, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 28.04.2014 // Дети и война... С. 241.
25. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 39.
26. Лопаева Светлана Михайловна... С. 20–21.
27. Лопаева Светлана Михайловна... С. 20.
28. Растова Людмила Васильевна, 1932 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.П. Рыбалкина. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 18.06.2014 // Дети и война... С. 497.
29. Кринко Е.Ф., Тажиудинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 87.
30. Захаровская Любовь Ивановна... С. 382.
31. Осадчий Геннадий Федорович, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Ф. Ахадова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 05.07.2014 // Дети и война... С. 424.
32. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 39.
33. Васильева Лидия Ивановна... С. 109.
34. Чулкова Мария Егоровна, 1927 г.р., х. Морозовка Кайсацкого района Сталинградской области. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 07.06.2014 // Дети и война... С. 80.
35. Лопаева Светлана Михайловна... С. 19.
36. Никогосян Раиса Андреевна... С. 241.
37. Кузнецов Борис Борисович... С. 68.

38. Чулкова Мария Егоровна... С. 81.
39. Кузнецов Борис Борисович... С. 68.
40. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 39.
41. Кузнецов Борис Борисович... С. 69.
42. Кузнецов Борис Борисович... С. 69.
43. Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991): дис... канд. ист. наук. СПб., 2000. 181 с.
44. Утехин И. Очерки коммунального быта. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 277 с.
45. Лопаева Светлана Михайловна... С. 22.
46. Шаталова Маргарита Геннадьевна, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 26.04.2014 // Дети и война... С. 94.
47. Кузнецов Борис Борисович... С. 70.
48. Кузнецов Борис Борисович... С. 74.
49. Романцов Виктор Никифорович... С. 58.
50. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 41.
51. Кузнецов Борис Борисович... С. 70.
52. Шаталова Маргарита Геннадьевна... С. 97.
53. Романцов Виктор Никифорович... С. 53.
54. Лопаева Светлана Михайловна... С. 19.
55. Романцов Виктор Никифорович... С. 55.
56. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 41, 42.
57. Чулкова Мария Егоровна... С. 89.
58. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 7.
59. Интервью с И.М. Суровой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко // Архив музея «Дети Царицына, Волгограда, Сталинграда».
60. Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 206–210.
61. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. С. 200–227.
62. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)... С. 317–320.
63. Лопаева Светлана Михайловна... С. 25.
64. Мамонтов Владислав Иванович... С. 36.
65. Романцов Виктор Никифорович... С. 57.
66. Печенникова Таисия Ивановна, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 14.03.2014 // Дети и война... С. 481.
67. Белкина Евангелина Борисовна, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Ю. Косова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 24.02.2014 // Дети и война... С. 205.

References:

1. Belov D.A. Kolichestvennyy analiz tendentsiy razvitiya otechestvennoy istoriografii Stalingradskoy bitvy // Stalingradskaya bitva v sudbakh narodov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2013 g. Volgograd: Print, 2013. S. 438.
2. Stalingradskaya bitva. Iyul 1942 – fevral 1943: entsiklopediya. 5-e izd., ispr. i dop. Volgograd: Izdatel, 2012. 800 s.
3. Pavlova T.A. Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoy bitve. Volgograd: Peremena, 2005. 594 s.
4. Krinko E.F. Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 4. S. 25–31.
5. Deti i vojna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 512 s.
6. Deti Stalingrada: 10 let posle vojny. Vospominaniya zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 360 s.
7. Evolyutsiya semyi i semeynaya politika v SSSR. M.: Nauka, 1992. 140 s.
8. Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki: v 3 t. T. 2. 1940–1959. M.: ROSSPEN, 2001. 418 s.
9. Rabzhaeva M.V. Istoriko-sotsialnyy analiz semeynoy politiki v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 6. S. 89–97.
10. Aralovets N.A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 gg. Tula: Grif i K, 2009. 304 s.

11. Verbitskaya O.M. Rossiyskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt). M.– Tula: Grif i K, 2009. 296 s.
12. Mamontov Vladislav Ivanovich, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Bondarenko. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 06.04.2012 // *Deti i voyna...* S. 28.
13. Kuznetsov Boris Borisovich, 1937 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Bondarenko. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 25.06.2014 // *Deti i voyna...* S. 67.
14. Mikhaylina Tamara Ivanovna, 1932 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.M. Reshetnikova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 31.05.2014 // *Deti i voyna...* S. 493.
15. Aralovets N.A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 gg... S. 72–77.
16. Romantsov Viktor Nikiforovich, 1934 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Falaleeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 13.07.2014 // *Deti i voyna...* S. 53.
17. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna, 1931 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer Yu.V. Smirnova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 28.04.2014 // *Deti i voyna...* S. 38.
18. Zaytseva Nina Nikolaevna, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer K.K. Shutova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 12.03.2014 // *Deti i voyna...* S. 264.
19. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna, 1937 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer Yu.V. Smirnova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 08.06.2014 // *Deti i voyna...* S. 18.
20. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 67.
21. Vasilyeva Lidiya Ivanovna, 1937 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer T.V. Nelin. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 28.03.2014 // *Deti i voyna...* S. 104.
22. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 18.
23. Zakharovskaya Lyubov Ivanovna, 1930 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.M. Reshetnikova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 15.04.2014 // *Deti i voyna...* S. 382.
24. Nikogosyan Raisa Andreevna, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer O.S. Terentyeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 28.04.2014 // *Deti i voyna...* S. 241.
25. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 39.
26. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 20–21.
27. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 20.
28. Rastova Lyudmila Vasilyevna, 1932 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer A.P. Rybalkina. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 18.06.2014 // *Deti i voyna...* S. 497.
29. Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945). Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2013. S. 87.
30. Zakharovskaya Lyubov Ivanovna... S. 382.
31. Osadchiy Gennadiy Fedorovich, 1934 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer D.F. Akhadova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 05.07.2014 // *Deti i voyna...* S. 424.
32. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 39.
33. Vasilyeva Lidiya Ivanovna... S. 109.
34. Chulkova Mariya Egorovna, 1927 g.r., kh. Morozovka Kaysatskogo rayona Stalingradskoy oblasti. Intervyuer Yu.V. Smirnova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 07.06.2014 // *Deti i voyna...* S. 80.
35. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 19.
36. Nikogosyan Raisa Andreevna... S. 241.
37. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 68.
38. Chulkova Mariya Egorovna... S. 81.
39. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 68.
40. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 39.
41. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 69.
42. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 69.
43. Gerasimova E.Yu. Sovetskaya kommunalnaya kvartira: istoriko-sotsiologicheskiy analiz (na materialakh Leningrada, 1917–1991): dis... kand. ist. nauk. SPb., 2000. 181 s.
44. Utekhin I. Ocherki kommunalnogo byta. 2-e izd. M.: OGI, 2004. 277 s.
45. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 22.
46. Shatalova Margarita Gennadyevna, 1938 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer O.S. Terentyeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 26.04.2014 // *Deti i voyna...* S. 94.
47. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 70.
48. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 74.
49. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 58.
50. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 41.
51. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 70.
52. Shatalova Margarita Gennadyevna... S. 97.

53. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 53.
54. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 19.
55. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 55.
56. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 41, 42.
57. Chulkova Mariya Egorovna... S. 89.
58. Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki. M.: ROSSPEN, 2009. S. 7.
59. Intervyu s I.M. Surovoy, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Bondarenko // Arkhiv muzeya "Deti Tsaritsyna, Volgograda, Stalingrada".
60. Shapovalov S.N. Rol i znachenie gosudarstvennykh prazdnikov v period Velikoy Otechestvennoy voyny // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. 2010. № 3. S. 206–210.
61. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2011. S. 200–227.
62. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)... S. 317–320.
63. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 25.
64. Mamontov Vladislav Ivanovich... S. 36.
65. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 57.
66. Pechennikova Taisiya Ivanovna, 1931 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Falaleeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 14.03.2014 // Deti i voyna... S. 481.
67. Belkina Evangelina Borisovna, 1934 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer A.Yu. Kosova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 24.02.2014 // Deti i voyna... S. 205.

УДК 94(47)

Образы семьи в воспоминаниях детей Сталинграда

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Сталинградской битве посвящено значительное количество разных исследований. Однако судьба детей Сталинграда недостаточно изучена. Статья посвящена образам семьи в памяти детей Сталинграда. Исследование опирается на результаты опроса, проведенного в 2014–2015 гг. среди жителей Волгограда – очевидцев Сталинградской битвы в детском и подростковом возрасте. Семья в значительной степени определяла судьбу детей Сталинграда. При этом структура и состав семьи постепенно менялись. Во время Сталинградской битвы забота взрослых, в первую очередь, родителей о детях стала главным условием их выживания. В воспоминаниях отразились особенности восприятия человеком своей прожитой жизни: детские годы, как правило, идеализируются по сравнению с событиями взрослой жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, военное детство, семья, воспоминания, устная история.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 180–186, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.180
www.ejournal15.com

UDC 94(47-57):34“1941/1945”

Changes in Civil and Criminal Legislation of the USSR during the Great Patriotic War

Alexandr V. Brovar

Donetsk National Medical University Named after M. Gorky
16, Ilyicha Avenue, Donetsk 83003
Dr. (History), Assistant Professor
E-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru

Abstract

The amendments introduced into the civil and criminal legislation during the Great Patriotic War due to the transfer of the USSR to martial war are considered in the paper. It is connected with the practical application and change of the legislation in critical conditions, which can be caused by the crisis phenomena for stabilizing situation in the society.

Keywords: Great Patriotic War, legislation, martial war, economic relations, German-fascist criminals, state secret, courts martial.

Введение

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа. Героическая борьба воинов на фронтах, партизанское и подпольное движение на оккупированной территории, самоотверженная работа в тылу в который раз доказали всему миру мужество и героизм нашего народа в отстаивании независимости своей Родины. События Великой Отечественной войны всегда вызывали повышенный интерес как у научного мира, так и у общественности. И сегодня интерес отечественных историков к исследованиям изменений в различных областях государственной, экономической, политической и социальной жизни в особенных условиях военного времени достаточно высок. Это связано с практическим применением и изменением законодательства в критических условиях для стабилизации ситуации в обществе. Необходимость подобных мер может быть вызвана различными кризисными явлениями. А сегодняшний мир отличается повышенным напряжением по многим направлениям, как военной, политической, экономической, так и геоклиматической нестабильностью. Данное исследование посвящено историческому аспекту изменений в области права, которые своей гибкостью и своевременностью помогли стабилизировать и выровнять критическую ситуацию. Построение и развитие любого правового государства невозможно без изучения мирового законодательного опыта и его реализации в сложных условиях, а тем более в условиях войны.

Материалы и методы

Основными источниками предлагаемого к обсуждению исследования выступают административно-правовые и законодательные акты военного времени, сборник законов СССР и указы Президиума Верховного Совета за период с 1938 по 1956 гг., а также научные

статьи и электронные ресурсы, находящиеся в открытом доступе. Работа выполнена с применением историко-ситуационного метода, который предполагает изучение исторических фактов в широких рамках хронологического периода и в контексте связанных с ними событий.

Обсуждение и результаты

Проблема изменений в отечественном законодательстве во время войны рассматривалась в монографии «Советское право в период Великой Отечественной войны» [1], частично в исследованиях В.М. Курицына [2], Б.В. Щетинина [3], Г.И. Петрова [4] и др. [5]. Однако общим недостатком этих работ является исключительно положительная оценка изменений в области права в военное время.

Объективная необходимость обороны страны и мобилизация всех человеческих усилий и ресурсов вызвали значительные изменения в системе советских правовых норм в двух направлениях: принятие новых законодательных актов во время войны и поправки и дополнения к уже существующему законодательству [6].

В этот период серьезным переработкам подверглось гражданское право – отрасль, которая непосредственно регулировала хозяйственную деятельность и имущественные отношения. Особенно отчетливо проявилась такая черта советского гражданского права, как фиксация принципа общности государственного имущества [7].

С целью увеличения выпуска военной продукции, организации перебазирования промышленности на восток страны, а позже и восстановления предприятий в районах, освобожденных от врага, часто происходило перераспределение основных фондов хозяйственных органов. Постановление Совнаркома СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» значительно упростило процедуры передачи предприятий, оборудования и использования материальных ресурсов, которые способствовали накоплению ресурсов военной промышленности других отраслей и развертыванию военного производства [8].

В условиях военного времени иногда трудно или невозможно было найти и установить владельца имущества, поэтому более актуальным был вопрос о бесхозном имуществе, а со временем о соответствующем юридическом оформлении трофейного имущества.

С целью закрепления перехода имущества в собственность государства были приняты постановление Государственного Комитета Обороны СССР (далее – ГКО) от 16 января 1942 г. «О сдаче трофейного имущества» [9] и утвержденное Совнаркомом СССР 17 апреля 1943 г. положение «О порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозного имущества». Ими предусматривалось, что учреждения, предприятия, организации и частные лица, в пользовании которых находилось такое имущество, должны были не позже чем в пятидневный срок сообщить об этом в соответствующие финансовые органы. Исполкомы областных советов депутатов трудящихся должны были обеспечить полный учет бесхозного, оставленного и выморочного имущества в течение двух недель со дня освобождения данной территории [10].

Для военного времени характерным было определенное сокращение сферы применения договорных отношений. В некоторых случаях отношения между юридическими лицами были вообще изъяты из гражданско-правовой отрасли и переданы административной сфере или заменены другими обязательственными отношениями [11]. Например, согласно постановлению Совнаркома СССР от 17 декабря 1942 г., обеспечение национальной экономики нефтью, углем, сланцами осуществлялось без заключения соглашений между хозяйственными органами, а только на основании плановых задач, нарядов-заявок и условий поставки. При этом укрепление экономической дисциплины обуславливало повышение уровня ответственности по гражданско-правовым обязательствам. Постановлением определялось, что сам по себе факт войны не является основанием для освобождения должника от взятых договорных обязательств, но, напротив, он значительно увеличивает выдвигаемые к нему требования, особенно если оно (обязательство) связано с выполнением плановых заданий. Только в случаях, когда вызванные войной обстоятельства делали невозможным выполнение условий соглашения, они могли считаться основанием отсрочки от ответственности. Устанавливалось принципиально важное положение, при котором на временно оккупированной территории

не прекращалось действие законов СССР: если заключенные в этот период договоры не соответствовали закону или нарушали интересы советского государства, они считались недействительными и не имели юридических последствий. Приостановление исполнения из-за чрезвычайных обстоятельств разрешалось только в отношении отдельных обязательств. Так, постановлением СНК СССР от 5 февраля 1943 г. было приостановлено взыскание задолженности денежных обязательств с государственных, кооперативных предприятий и организаций, расположенных на временно оккупированной территории страны [12].

Если имущество этих предприятий, учреждений, организаций, а также отдельных граждан во время оккупации было продано без согласия собственника не уполномоченными на это лицами, то оно возвращалось бывшим владельцам по решению суда, в соответствии с Гражданским кодексом СССР.

Были внесены определенные изменения и в жилищное законодательство. В частности, приостанавливалось делопроизводство по выселению из жилых домов лиц, мобилизованных в армию, а также членов их семей. 5 сентября 1941 г. СНК издал постановление, согласно которому во время войны за всеми лицами, которые находились в рядах Вооруженных сил, сохранялась их жилищная площадь. При этом часть жилой площади, которая приходилась непосредственно на военнослужащего, совсем освобождалась от оплаты, а для членов семьи предусматривалась льготная ставка платы за квартиру. Если жилищная площадь военнослужащего во время его отсутствия была кем-то занята, то по возвращении владельца временные жители должны были освободить ее. В случае же отказа они выселялись принудительно, в административном порядке, без предоставления жилья взамен. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 16 февраля 1942 г., рабочие и служащие предприятий и учреждений, эвакуированных на восток, получали жилищную площадь на новом месте жительства, а их бывшая жилплощадь переходила в подчинение местным органам власти и предоставлялась, прежде всего, рабочим и служащим предприятий обороны, которые остались на месте [13].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и завещанию» также внес некоторые изменения в порядок наследования имущества. Были введены две новые категории наследников: трудоспособные родители, братья и сестры. Были установлены три очереди наследников, в частности, к первой принадлежали дети, в том числе усыновленные; муж, жена, нетрудоспособные родители и другие нетрудоспособные лица, которые были иждивенцами (находились на содержании) покойного [14].

Была расширена и свобода завещания: каждый гражданин имел право завещать свое имущество или часть его одному или нескольким лицам из числа наследников по закону, а также государственным органам или общественным организациям. С первых дней войны также претерпело изменения и уголовное право в соответствии с требованиями военного времени. Уголовное законодательство этого периода характеризуется жесткостью, репрессивностью, расширением списка преступлений, за которые предусматривалась смертная казнь.

В начале войны, 22 июня 1941 г., вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», согласно которому в западной части СССР вводилось военное положение. Данный указ сразу же существенно изменил правовой режим, т.к. его пункты устанавливали, что за невыполнение приказов и распоряжений военных властей, а также за преступления, совершенные на территории, на которую распространялось военное положение, виновные несли уголовную ответственность согласно законам военного времени. Исключение составляли дела о преступлениях, совершенных против обороны, государственной безопасности и общественного порядка, которые передавались военным трибуналам [15].

Военная власть была наделена полномочием предавать суду военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и других преступлениях, предусмотренных уголовными кодексами союзных республик, если командование признавало необходимым это в условиях военного положения. Рассмотрение дел в военных трибуналах совершалось в соответствии с правилами, определенными постановлением «О военных трибуналах в районах боевых

действий». Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

Во время войны автоматически набирали силу те положения уголовного права, применение которых было предусмотрено только в случае объявления военного времени или военного положения и по которым были установлены гораздо более строгие наказания [16].

Военные трибуналы, в соответствии с вышеупомянутыми положениями, получили чрезвычайные полномочия. В отличие от обычного гражданского порядка, военные трибуналы на территориях, которые находились на военном положении, имели право заслушивать дела через 24 ч (а не после трех суток) после предъявления обвинения подсудимому, к тому же в составе только трех постоянных членов военных трибуналов, без привлечения к рассмотрению народных заседателей. Приговоры, вынесенные ими, приобретали силу с момента их оглашения и немедленно исполнялись. Такой порядок исполнения приговоров на территориях, которые находились на военном положении и в районах боевых действий, вводился совместным приказом наркома юстиции и наркома обороны с разрешения Совнаркома СССР. Казнь могла быть приостановлена на 72 ч только командующим фронта или армии с одновременным уведомлением об этом главного военного прокурора, который мог дать согласие на передачу дела на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. Если в течение этого срока не приходило сообщение о согласии, приговор исполнялся немедленно. Однако практика показала, что такая процедура рассмотрения дел и исполнения наказаний в отношении как военных, так и гражданских лиц из-за сложных условий нахождения в районах боевых действий фактически исключала пересмотр дел высшей инстанцией, а поэтому и отмену смертных приговоров.

С учетом этого указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1941 г. военным прокурорам и главам военных трибуналов фронтов было предоставлено право обжалования приговоров военных трибуналов, которые действовали в рамках конкретного фронта, а указом от 28 июля 1942 г. разрешалось участие народных заседателей в судебных заседаниях военных трибуналов [17].

В начале войны были утверждены законы, направленные на борьбу с преступностью, которая так или иначе угрожала военному потенциалу страны. Президиум Верховного Совета СССР принял несколько указов:

- 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» (тюремное заключение для виновных на срок от двух до пяти лет, если их действия не влекли за собой более тяжкого наказания);
- 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (наказание виновных как дезертиров лишением свободы на срок от пяти до восьми лет);
- 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» (предусматривающего уголовную ответственность за уклонение от мобилизации);
- 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» (предполагались наказания для государственных служащих до пяти лет лишения свободы, а в случаях, когда это привело или могло привести к нежелательным последствиям, до десяти лет; для физических лиц – до трех лет).

Ряд нормативных актов был направлен на защиту государственной собственности. Так, постановлением ГКО от 3 марта 1942 г. «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время» была усилена ответственность (вплоть до смертной казни) за хищение оружия, боеприпасов, продовольствия, обмундирования и другого военного имущества, а также его умышленное повреждение.

Постановлением ГКО от 16 января 1942 г. «О сдаче трофейного имущества» обязывали всех граждан, проживающих на освобожденной территории, сдать в 24-часовой срок все оставленное противником и подобранное оружие, боеприпасы и другое военное имущество, а также государственную собственность, присвоенную во время оккупации. Злостная не сдача такого имущества или вредительство квалифицировались, согласно

действовавшему Уголовному кодексу, как контрреволюционный саботаж. Наказание за совершение этого преступления предусматривало штраф до 3 тыс. руб. или лишение свободы на срок до 6 месяцев, а при наличии отягчающих обстоятельств – смертную казнь. В мае 1943 г. была установлена уголовная ответственность за незаконное награждение, а также присвоение орденов, медалей и других знаков отличия [18].

Особое место в законодательстве военного времени занимал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [19]. Указ предусматривал особые виды наказания: смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет [20]. Рассмотрение этих дел возлагалось на военно-полевые суды дивизий в армиях, а со временем и на военно-полевые суды механизированных, танковых и кавалерийских корпусов. Приговоры этих судов утверждались командирами дивизий (корпусов) и приводились в исполнение немедленно и публично; кассационному обжалованию и пересмотру в порядке надзора они не подлежали.

Однако стоит отметить, что по обвинению в государственной измене, пособничеству и сотрудничеству с врагом часто к уголовной ответственности привлекались лица, в действиях которых отсутствовал соответствующий состав преступления. Это относилось к техническому персоналу городских и сельских управ, учителям, работникам железных дорог, которые не успели эвакуироваться и остались на оккупированной территории, были вынуждены работать по специальности; молодежи, принудительно мобилизованной в дорожно-строительные части немецкой армии.

Наряду с применением суровых наказаний за тяжкие в условиях военного времени преступления, суды, учитывая опасность совершенного преступления и личность виновного, применяли условное осуждение, воспитательные трудовые работы, отсрочку исполнения приговора до окончания войны с обязательной отправкой таких заключенных в штрафные части действующей армии.

Выводы

Таким образом, гражданское и уголовное законодательство в военное время развивалось прежде всего в направлении обеспечения обороноспособности страны – деятельность органов правосудия была ориентирована на усиление борьбы с нарушителями дисциплины во всех сферах, с потерей бдительности, наказание немецко-фашистских преступников и их пособников.

Однако, как показывает опыт, карательно-репрессивная направленность законодательства времен войны довольно часто приводила к тому, что наряду с действительно виновными суровые приговоры получали и невинные люди, которые стали жертвами клеветы, предвзятости следователей или судов, чрезмерной суровости наказания, явно не соответствовавшей реальной опасности совершенного.

Примечания:

1. Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2 ч. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. Ч. 1: Гражданское право. С. 10–267; Ч. 2. Уголовное право; Уголовный процесс. 215 с.
2. Курицын В.М. Советский государственный аппарат в период Великой Отечественной войны // Советское государство и право. 1985. № 5. С. 3–11.
3. Щетинин Б.В. Победа советского общественного и государственного строя в Великой Отечественной войне. М.: Знание, 1970. 64 с.
4. Петров Г.И. Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. 1975. № 3. С. 16–27.
5. Кожевников Ф.И., Мизов В.А. Победа в Великой Отечественной войне и вопросы международного права // Правоведение. 1975. № 3. С. 28–38.
6. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сборник документов и материалов: в 3 т. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 517 с.
7. Кравцов Б.П. Советское право в условиях Великой Отечественной войны // Советское государство и право. 1956. № 5. С. 22–28.

8. Денисов А.И. Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1943. 297 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 138–139.
10. Постановление СНК СССР от 17.04.1943 № 404 «Об утверждении Положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества». URL: <http://bestpravo.ru/sssr/gn-gosudarstvo/g5k.htm> (дата обращения: 01.10.2015).
11. Петров В.С. Советское государство и Великая Отечественная война // Правоведение. 1975. № 3. С. 7–16.
12. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Манделштам. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 531 с.
13. Советское право в период Великой Отечественной войны...
14. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР...
15. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 162–163.
16. Правда. 1941. 23 июня. № 172.
17. На страже социалистической законности. 50 лет военным трибуналам. М.: Воениздат, 1968. 408 с.
18. Государственный комитет обороны постановляет // Военно-исторический журнал. 1992. № 2–5.
19. На страже социалистической законности...
20. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: в 3 т. Киев: Политическая литература, 1975. Т. 2. С. 176–177.

References:

1. Sovetskoe pravo v period Velikoy Otechestvennoy voyny: v 2 ch. / pod red. I.T. Golyakova. M.: Yuridicheskoe izdatelstvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948. Ch. 1: Grazhdanskoe pravo. S. 10–267; Ch. 2. Ugolovnoe pravo; Ugolovnyy protsess. 215 s.
2. Kuritsyn V.M. Sovetskiy gosudarstvennyy apparat v period Velikoy Otechestvennoy voyny // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1985. № 5. S. 3–11.
3. Schetinin B.V. Pobeda sovetskogo obschestvennogo i gosudarstvennogo stroya v Velikoy Otechestvennoy voyne. M.: Znanie, 1970. 64 s.
4. Petrov G.I. Sovetskiy gosudarstvennyy apparat v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Pravovedenie. 1975. № 3. S. 16–27.
5. Kozhevnikov F.I., Mizov V.A. Pobeda v Velikoy Otechestvennoy voyne i voprosy mezhdunarodnogo prava // Pravovedenie. 1975. № 3. S. 28–38.
6. Sovetskaya Ukraina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945: sbornik dokumentov i materialov: v 3 t. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 1985. 517 s.
7. Kravtsov B.P. Sovetskoe pravo v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1956. № 5. S. 22–28.
8. Denisov A.I. Zakonodatelnye i administrativno-pravovye akty voennogo vremeni s 22 marta 1942 g. po 1 maya 1943 g. M.: Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR, 1943. 297 s.
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. F. 644. Op. 1. D. 19. L. 138–139.
10. Postanovlenie SNK SSSR ot 17.04.1943 № 404 “Ob utverzhenii Polozheniya o poryadke ucheta i ispolzovaniya natsionalizirovannogo, konfiskovannogo, vymorochnogo i beskhozyaynogo imushchestva”. URL: <http://bestpravo.ru/sssr/gn-gosudarstvo/g5k.htm> (data obrascheniya: 01.10.2015).
11. Petrov V.S. Sovetskoe gosudarstvo i Velikaya Otechestvennaya voyna // Pravovedenie. 1975. № 3. S. 7–16.
12. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul 1956 g. / pod red. Yu.I. Mandelsham. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1956. 531 s.
13. Sovetskoe pravo v period Velikoy Otechestvennoy voyny...
14. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR...
15. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945: entsiklopediya / gl. red. M.M. Kozlov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1985. S. 162–163.
16. Pravda. 1941. 23 iyunya. № 172.
17. Na strazhe sotsialisticheskoy zakonnosti. 50 let voennym tribunalam. M.: Voenizdat, 1968. 408 s.
18. Gosudarstvennyy komitet oborony postanovlyayet // Voенно-istoricheskiy zhurnal. 1992. № 2–5.
19. Na strazhe sotsialisticheskoy zakonnosti...
20. Ukrainskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuzа 1941–1945 gg.: v 3 t. Kiev: Politicheskaya literatura, 1975. T. 2. S. 176–177.

УДК 94(47-57):34“1941/1945”

**Изменения в гражданском и уголовном законодательстве СССР в период
Великой Отечественной войны**

Александр Витальевич Броварь

Донецкий национальный медицинский
университет им. М. Горького
83003, Донецк, проспект Ильича, 16
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, внесенные в гражданское и уголовное законодательство во время Великой Отечественной войны в связи с переходом СССР на военное положение. Рассматриваются практическое применение и изменения законодательства в критических условиях для стабилизации ситуации в обществе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, законодательство, военное положение, хозяйственные отношения, немецко-фашистские преступники, государственная тайна, военно-полевые суды.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 187–193, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.187
www.ejournal15.com

UDC 947.0

The Problems of Construction of the Stalingrad Defensive Line in 1941–1942

Maxim V. Medvedev

Institute of Social-Economic Research and Humanities Southern Scientific Center
Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: m1max@mail.ru

Abstract

The strategic defensive lines system developed by the state in the initial period of the Great Patriotic War was important for the fight against the attackers. The construction of the Stalingrad defensive line was one of the main tasks for the State Committee of Defense of the USSR in this stage of war. This paper examines the participation of the sappers and local population in the construction of the Stalingrad defensive line in 1941–1942, and analyzes the quality of the fortifications.

Keywords: population, construction, defensive line, fortification, Stalingrad, Don, sapper army.

Введение

Через три с лишним месяца после начала Великой Отечественной войны, 13 октября 1941 г., Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО) СССР принял постановление № 782сс, текст которого содержал решение создать Сталинградский оборонительный рубеж. 22 октября постановлением ГКО № 830 на местах организовывались городские комитеты обороны. В их состав входили руководители областных, городских партийных и советских органов, НКВД. Местные комитеты обороны в числе прочего занимались решением важнейших вопросов в прифронтовой полосе, в том числе и оборонительного строительства. Масштаб предстоящих работ потребовал массовой мобилизации местного населения на оборонительные работы. Понимая это, Сталинградский городской комитет обороны (далее – СГКО) мобилизовал, кроме воинских саперных частей, гражданские строительные организации, а также в массовом порядке привлек местное население в возрасте с 16 до 55 лет.

Материалы и методы

Статья основывается на документах Центра документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Исследуя строительство Сталинградского оборонительного рубежа и организационные особенности мобилизации местного населения на работы, автор опирался на принцип историзма и системный подход.

Обсуждение и результаты

Первоочередные работы были начаты на внешнем оборонительном обводе «О», который был разделен на семь секторов. Руководителями этих секторов стали управляющие строительными трестами Перепелицын, Ф.Д. Дагаев, М.П. Ястребов, Б.Г. Карт, В.Н. Колесников, начальники отделов капитального строительства заводов И.И. Машаров и В.Р. Фирфаров. В свою очередь сектора делились на участки, за которые несли ответственность отдельные сотрудники обкома и горкома ВКП(б) [1].

Основной проблемой строительства рубежей являлась нехватка рабочей силы. В требованиях к строительству сооружений был установлен порядок ее распределения, исходя из степени важности того или иного объекта. Вначале необходимо было полностью обеспечить рабочей силой строительство огневых точек. После этого людей должны были направить на сооружение противотанковых препятствий и землянок. Лишь после окончания этих работ ставилась задача приступить к рытью окопов [2].

В соответствии с решением СГКО от 31 октября 1941 г. было запланировано привлечь людей для работ из следующих районов Сталинградской области: Вязовского – 1700 человек, Еланского – 2500 человек, Лемешинского – 1500 человек, Мачушанского – 1300 человек, Неткачевского – 1300 человек, Руднянского – 1800 человек, Молотовского – 2600 человек. Всего необходимо было мобилизовать 12 100 человек [3].

Исходя из результатов первых проверок на втором секторе Сталинградского рубежа, стало ясно о многих ошибках в строительстве оборонительных сооружений. Например, существенным просчетом считалось то, что на места работ отправляли людей за 100 и более километров от их места жительства. Это сразу же осложнило вопрос с расселением и питанием трудящихся. Целесообразнее было бы использование колхозников на рубежах по району их проживания. Согласно мнению начальника второго сектора В.Р. Фирфарова, эскарпы по обоим берегам Дона не являлись надежным укреплением, а наоборот, в критический момент могли послужить укрытием для противника [4]. Трехметровая стенка из песчаного грунта не составляла серьезного препятствия для танка. При этом, учитывая специфические особенности правого берега реки Дон, заняв господствующую высоту, противник был способен огнем артиллерии легко разрушить эскарп и сделать его преодолимым для своей бронетехники.

В ночь с 3 на 4 ноября над лагерем колхозников на участке строительства среднего оборонительного обвода «К» около станции Абганерово несколько раз пролетел немецкий самолет и сбросил авиабомбы на соседний участок. Это вызвало панику среди трудящихся, особенно женщин. Больше половины рабочих ночью разбежались. Однако СГКО заставил райкомы ВКП(б) послать в населенные пункты своих представителей, чтобы найти всех сбежавших и вновь доставить их на выполнение задания [5].

В ходе проверки 7 и 8 ноября уже на первом секторе выявился отрицательный настрой среди трудящихся. Работники не выполняли своих норм, наблюдались массовые прогулы и бегство с мест работ. За один день со своих участков самовольно ушли 300 человек. Дела с питанием обстояли плохо, завтраки и обеды привозили холодными, с опозданием от 2 до 5 часов, в небольшом количестве и низкокалорийного состава. 9 ноября 1941 г. секретарь Красноармейского райкома партии Н.Г. Гладков заявил о том, что его представители уже начали принимать меры в отношении саботажников. На тот момент к ответственности привлекли 29 человек: одного осудили на 5 лет, дела на 5 человек передали в народный суд, остальных оставили под следствием до выяснения подробностей обвинений. По окончании расследований невиновных снова отправили на дальнейшее выполнение работ [6].

На строительстве рубежа в районе Абганерово большой процент трудящихся оказался физически неспособен выполнять данные работы. Мобилизованных больных людей заставляли выполнять одинаковый объем работ вместе со здоровыми работниками. Нередкими были и случаи морального давления на призванных женщин, в том числе с использованием нецензурных высказываний. Рабочих никто не уведомил о длительности срока работ, а их попытки выяснить это пресекались грубой риторикой со стороны руководства. Медицинское обслуживание тоже имело самый низкий уровень, и вдобавок к этому еще хуже обстояло дело с возможностью соблюдения норм гигиены [7].

Столкнувшись с нехваткой строительного материала и инженерного имущества, областной исполком 3 ноября 1941 г. решил возложить его изготовление на следующие

предприятия города: завод «Сакко и Ванцетти» – 500 тыс. МУВ (модернизированных упрощенных взрывателей); завод «Красная застава» – 20 тыс. окопных печей; «Металлсоюз» – 5 тыс. ломов, 20 тыс. строительных скоб; «Пищетара» – 20 тыс. деревянных лопат, 100 треугольников для очистки снега. 12 ноября 1941 г. районный инженер и представитель Южного фронта обратились к секретарю Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) А.С. Чуянову с заметкой о невыполнении поручения данными предприятиями и с требованием обязать директоров немедленно выполнить задания [8].

В начале ноября 1941 г. прокурор Сталинградской области С.В. Бекедов направил секретарю обкома ВКП(б) А.С. Чуянову прошение о том, чтобы принять меры по сложившейся ситуации на строительстве рубежа в селе Васильевка Ворошиловского района Сталинграда. В докладе поднимался вопрос о нехватке лопат и полном отсутствии ломов. Тысячи людей на протяжении нескольких дней рыли рвы размером 7 × 3 м на протяжении более километра, а когда почти завершили работу, выяснилось, что она не нужна из-за непригодности трассы в таком виде, «таких случаев было два». Начальник строительного участка не ставился в известность о прибывавших новых рабочих. В хуторах Рули и Петропаловка Дубовского района на строительстве 4 участков работало до 2 тыс. человек. Большинство прибывших на строительство не были задействованы в работе до 4 дней, т.к. им не были подготовлены рабочие места. Не хватало около 1 тыс. лопат [9].

Командующий 5-й саперной армией бригадный инженер А.Н. Комаровский 15 ноября в докладной записке председателю СГКО А.С. Чуянову просил уделить особо ответственное внимание постройке эскарпов на секторе № 4 в районе Калача. Необходимо было в местах с крутым обрывом высотой не менее 3 м исключить сооружение каких-либо противотанковых препятствий. Требовалось, чтобы рвы и эскарпы не блокировали наблюдательный обзор, поэтому сооружения должны были обеспечиваться продольным прострелом. При создании эшелонированной обороны сначала требовалось построить огневые точки по линии первого эшелона и лишь при особой необходимости – на втором. При наличии естественной преграды (реки), если передний край обороны находился на расстоянии более 600 м от водной преграды, следовало дополнительно обеспечить прострел реки огневыми точками.

А.Н. Комаровский считал необходимым со стороны правого берега напротив Калача создать предместное укрепление глубиной на батальонный район и шириной около 4 км. Основной груз работы выпал на 4-й сектор, парторг которого докладывал А.С. Чуянову о сложности обстановки, когда по истечении более 15 дней ничего не было сделано. Не был подготовлен и рекогносцированный план. Прибывшие военные специалисты не занимались должным образом своими обязанностями, сеяли хаос среди рабочих. Одни начальники требовали перейти к строительству огневых точек, другие приказывали продолжать делать рвы и эскарпы, т.к. предполагалось, что вскоре замерзнет Дон. Неоднозначные мнения высказывались и по поводу строительства землянок и стрелковых окопов. Все эти моменты усложняли завершение процесса работ и определение сроков их окончания.

Несмотря на то что к 11 ноября 1941 г. на 4-м секторе было сооружено 22,4 км эскарпов, 7 км все еще находились в процессе работы. Был вырыт 21,1 км рвов, еще 9,8 км оставались не закончены. Всего на секторе было осуществлено 456,6 тыс. м³ земляных работ [10]. Для выполнения задач за 10–12 дней нужно было ежедневно иметь в наличии 20 тыс. человек, а в реальности на работах находилось 6 тыс. человек. Калачевский и Фроловский районы вместе с облвоенкоматом не справились с задачей мобилизации на строительные работы. Командующий 5-й саперной армией Комаровский «работы по первому и второму участкам предложил вести саперной бригаде, в третий участок влил 2 батальона Старпро». Критически не хватало инструментов и жилья для рабочих [11].

Нарушения в организации работ наблюдались в 5-й саперной армии и на участках 1-го сектора. Проверка Комаровского 24 ноября выявила ряд сбоев в работе в частях 13-й бригады. Например, в 1493-м саперном батальоне за два дня дезертировали 56 человек. Из-за отсутствия теплой одежды четверть личного состава уклонялась от работ. Это говорит о том, что командование бригады совсем не занималось своими подчиненными.

Изначально по решению СГКО на строительные работы 6-го сектора должны были прибыть жители Ерманского, Дзержинского, Кировского, Ворошиловского, Красноармейского, Черноярского районов в общем количестве 22 500 человек. Но к 29 ноября 1941 г. было

мобилизовано всего 924 человека [12]. В конце ноября Логовская районная прокуратура и органы милиции за сопротивление выходу на строительство рубежа оштрафовали 52 человека на сумму в 8500 руб. и привлекли к уголовной ответственности 5 человек, из них 3 были осуждены [13].

3 декабря Чуянов на основе постановления СГКО № 112 обязал управляющего конторой «Кавэлектромонтаж» Смирнова изготовить 1 тыс. штук бронеколпаков к 31 декабря. Аналогичное поручение получили управляющий трестом № 25 Б.Г. Карт и управляющий 14-м строительным трестом Ф.Д. Дагаев, которым необходимо было изготовить по 300 бронеколпаков. Но процесс имел крайне низкие темпы, из-за этого останавливалось сооружение огневых точек [14]. На работу не выходил 61 % местного населения [15]. К 8 декабря всеми секторами и участками было сделано едва ли 50 % необходимых земляных работ. Из запланированных 1198 км рвов и эскарпов был выполнен 356,1 км, в процессе находились 224,6 км. Из 5960 огневых точек оказалось полностью сделаны 768 и находились еще в работе 1937. Из 7152 землянок была выполнена 391, а 1725 оставались незавершенными [16].

Важной в управлении строительством была роль сотрудников органов государственной безопасности, которые лично курировали работы на рубежах. 9 декабря 1941 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия направил телеграмму на имя председателя СГКО А.С. Чуянова, в которой говорилось о том, что на оборонительных работах в Сталинградской области должно находиться не менее 250 тыс. человек, но к началу декабря 1941 г. Сталинградским обкомом ВКП(б) было мобилизовано всего лишь 80 тыс. человек. Естественно, это было критически малым количеством рабочих в соотношении с требованиями ГКО. Поэтому Берия в своей телеграмме Чуянову выразил требование в кратчайшие сроки привлечь к работам дополнительно 100 тыс. человек [17].

К январю 1942 г. в строительстве оборонительных рубежей было задействовано местное население из городов и районов области в количестве 107 100 человек. Общими силами всех участвующих в строительстве организаций было вынито 7 млн 900 тыс. м³ земли, сооружено 420 км противотанковых рвов и 410 км эскарпов. Строительство рубежей производилось в тяжелой военной обстановке, сопровождающейся суровыми метеорологическими условиями, особенно в зимний период, когда температура опускалась ниже -38 °C [18]. Начатое осенью 1941 г. строительство оборонительных рубежей «О» и «Д» вокруг города Сталинграда завершилось в феврале 1942 г. Было установлено 16 200 различных видов огневых точек. Противотанковых препятствий – рвов, эскарпов и контрэскарпов – было вырыто 770 км. Строительством сооружений занималось местное население вместе со строительными организациями и 5-й саперной армией [19].

28 февраля 1942 г. Военный совет 5-й саперной армии и 5-го управления оборонительных работ (далее – УОБР) НКО СССР приказом № 49 решили объявить благодарности и наградить грамотами служащих, инженерно-технический персонал и рабочих отдельных предприятий г. Сталинграда. Наиболее передовыми оказались заводы «Красный Октябрь», № 2, № 5 и «Красная застава», а также 111-й и 115-й участки Военно-строительного управления Юго-Западного фронта, трест № 25 и «Нефтезаводмонтаж». Приказом от 7 марта 1942 г. № 63 за отличие были также отмечены служащие 13-й и 14-й саперных бригад и 5-го УОБРа [20].

По сути, с января 1942 г. оборонительное строительство по реке Дон было приостановлено. Такое решение ГКО обосновывалось необходимостью привлечения трудовых ресурсов для спасения хлебного запаса из-за изменений ситуации на фронтах. Но на некоторых участках под Сталинградом, несмотря на погодные условия, работы все-таки продолжались. В феврале 1942 г. материальное обеспечение трудящихся по-прежнему оставалось низким. Не хватало одежды, обуви, рабочего инструмента, были перебои и с питанием, чаще возникали случаи заболевания простудой. Такое положение вызывало негативную реакцию у людей, повлекшую за собой новую волну дезертирства с мест работ [21].

С началом весны появилось опасение наступления противника на юго-восточном направлении. Поэтому ГКО своим постановлением № 1501сс от 26 марта 1942 г. решил продолжить строительство оборонительных рубежей [22]. Второй этап возведения рубежей начался ослабленно. К тому же весенний паводок и распутица привели

к дезорганизационному поведению строительных коллективов. По состоянию на 15 апреля 1942 г. шла ликвидация последствий весеннего паводка. Многие огневые точки и противотанковые рвы подверглись затоплению. Однако низкий темп работ затруднял восстановительный процесс [23]. Вдобавок из-за практического отсутствия охраны оборонительных сооружений происходило расхищение лесоматериала, в связи с чем доты, дзоты, блиндажи и другие инженерные сооружения пришли в полную негодность [24].

О летнем и осеннем этапах строительства сталинградских рубежей в 1942 г. рассказывает сравнительно меньше документальных материалов, чем об осени и зиме 1941 г. Согласно постановлению СГКО от 4 июня 1942 г. необходимо было направить на работы 13 500 человек. Спустя 10 дней, по сведениям местных комендатур, было выявлено наличие на рубежах 2564 трудящихся. Как потом выяснилось, военные представители не знали, что им нужно делать – рыть рвы или сооружать огневые точки. В том числе не было и четкого контроля над рабочими [25]. Одним из примеров неорганизованности было неправильное рытье рвов. Землю изо рва перекидывали по многу раз, не было волокуш, и разравнивание земли производилось вручную лопатой. Неоднократные указания бюро обкома ВКП(б) не выполнялись в большинстве случаев начальниками секторов Перепелициным и Дагаевым. Отдельные секретари районных комитетов ВКП(б) тоже отнеслись халатно к постановлениям бюро обкома ВКП(б) [26].

Начавшиеся в июле 1942 г. боевые действия под Сталинградом усложнили строительство рубежей. Однако, несмотря на крайнюю опасность для жизни людей, эти задачи продолжали выполняться. Осенью 1942 г. было завершено строительство обводов «К», «С» и «Г». На этих участках установили 12 750 разных огневых точек и минометных площадок, а также соорудили 375 км противотанковых препятствий. Работы вели жители Сталинграда и Сталинградской области. В возведении оборонительных сооружений были задействованы 26-е и 24-е управления оборонного строительства (УОС) Наркомата обороны СССР. Несмотря на активные боевые действия, в области по решению ГКО продолжали строиться оборонительные рубежи «А», «Б», «В» и «Т» общей протяженностью 1290 км. В работах вместе с населением были задействованы 23, 24, 26-е и 36-е УОС [27].

Выводы

Таким образом, сталинградские оборонительные обводы строились с огромными трудностями, при недостатке рабочей силы и материальных ресурсов. Однако они так и не были полностью завершены. Значительные усилия по организации строительства оборонительных сооружений предпринимало руководство Сталинградской области. Но его действия не всегда были полностью просчитаны, и данные задачи зачастую реализовывались с ошибками. Уровень мобилизации населения первоначально не был высоким. На работы привлекались пожилые и больные люди, не хватало теплой одежды и строительного инвентаря, со сбоем было организовано питание. Столкнувшись с многочисленными трудностями в обеспечении и суровыми условиями, при неопределенности срока работ, мобилизованные граждане перестали выполнять плановые показатели. Ускоренное строительство сооружений в условиях боевых действий было предпринято уже летом и осенью 1942 г., во время наступления противника. Но созданные ценой больших усилий военных саперов и населения оборонительные сооружения смогли лишь ненадолго задержать врага, который обошел противотанковые рвы и эскарпы на незащищенных участках.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Сталинградские оборонительные обводы. URL: <http://rufort.info/index.php?topic=1283.10;wap> (дата обращения: 15.09.2015).
2. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
3. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 125. Л. 129.

4. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 125. Л. 47.
5. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 128. Л. 31.
6. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 128. Л. 29, 31.
7. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–7.
8. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 21. Л. 13–14.
9. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 125. Л. 72.
10. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.
11. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–5.
12. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 21, 24.
13. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 128. Л. 73.
14. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 26. Л. 15–17.
15. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 125. Л. 129.
16. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 126. Л. 30.
17. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.
18. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 126. Л. 49–50.
19. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 71. Л. 18.
20. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 31, 38.
21. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 30. Л. 24–25.
22. Постановления ГКО в 1942 г. // Солдат.ру. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/1501.html> (дата обращения: 19.09.2015).
23. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 204.
24. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 126. Л. 123.
25. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 126. Л. 81, 83.
26. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 126. Л. 6, 34.
27. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 71. Л. 18, 19.

References:

1. Stalingradskie oboronitelnye obvody. URL: <http://rufort.info/index.php?topic=1283.10;wap> (data obrascheniya: 15.09.2015).
2. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (dalee – TsDNIVO). F. 171. Op. 1. D. 17. L. 2.
3. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 125. L. 129.
4. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 125. L. 47.
5. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 128. L. 31.
6. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 128. L. 29, 31.
7. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 30. L. 6–7.
8. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 21. L. 13–14.
9. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 125. L. 72.
10. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 17. L. 13.
11. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 17. L. 1–5.
12. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 124. L. 21, 24.
13. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 128. L. 73.
14. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 26. L. 15–17.
15. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 125. L. 129.
16. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 126. L. 30.
17. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 21. L. 21.
18. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 126. L. 49–50.
19. TsDNIVO. F. 113. Op. 12. D. 71. L. 18.
20. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 124. L. 31, 38.
21. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 30. L. 24–25.
22. Postanovleniya GKO v 1942 g. // Soldat.ru. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/1501.html> (data obrascheniya: 19.09.2015).
23. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 124. L. 204.
24. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 126. L. 123.
25. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 126. L. 81, 83.
26. TsDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 126. L. 6, 34.
27. TsDNIVO. F. 113. Op. 12. D. 71. L. 18, 19.

УДК 947.0

**Проблемы строительства Сталинградского оборонительного рубежа
в 1941–1942 гг.**

Максим Валерьевич Медведев

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: m1max@mail.ru

Аннотация. Система государственных стратегических оборонительных рубежей в начальный период Великой Отечественной войны имела большое значение для борьбы с наступающим противником. Создание Сталинградского оборонительного рубежа было одной из первоочередных задач Государственного Комитета Обороны СССР в этот период войны. В данной статье рассматривается участие саперов и местного населения в строительстве Сталинградского оборонительного рубежа в 1941–1942 гг., а также анализируется качество укреплений.

Ключевые слова: население, строительство, рубеж, укрепление, оборона, Сталинград, Дон, саперная армия.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 194–207, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.194
www.ejournal15.com

The Cossacks of the Southern Russia in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries

UDC 94(47).081

Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part III¹

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation
46, Initsiativnaya Street, Taganrog, Rostov Region, 347936
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The paper analyzes landmark texts for the “Cossack-mania” trend by I.I. Krasnov, A.A. Leonov, Kh.I. Popov. These works touch upon the issue of “the Cossack nationality”. The research reveals the details of the correspondence of D.A. Milyutin and the army nakazny ataman P.H. Grabbe concerning the “capture” of the Don Army Sheets by the “party of isolation”. The research results are presented.

Keywords: “Cossack nationality”, non-residents, army circle, Don separatism.

Статья генерала И.И. Краснова «О народности в войске Донском» вышла в апрельской книжке (№ 4) «Военного сборника» за 1862 г., т.е. можно утверждать, что она готовилась практически одновременно с первой публикацией «Усть-Медведицкого дворянина». «О народности в войске Донском» – достаточно объемная работа, написанная не без литературного изыска, рассматривает проблему присутствия иногородних на Дону, свободного входа в казачье сословие и выхода из него в исторической ретроспективе [1].

Свою статью Краснов начинает с безапелляционного утверждения: «После многих споров и противоречий в русской литературе признанно несомненным, что войско донских казаков, за исключением весьма немногих татар и других иностранцев, составилось первоначально из русских выходцев». Далее, по мнению генерала, с XVI в. на Дон «беспрерывно» попадали «русские и другие выходцы», пополняя ряды донского «воинства». Ситуация относительно свободного перемещения (в войско и из него) меняется после результатов деятельности Комитета об устройстве Донского войска 1819 г., перед которым была поставлена задача «запретить принимать в донскую службу людей не казачьего происхождения, равно и казакам переходить куда-либо из войска». Признавшись в том, что подлинные причины такого поворота, «противоречившего всей исторической

¹ Начало в журнале «Русская старина», 2015, № 1 (с. 19–37), № 2 (с. 94–107).

жизни донского края», ему неизвестны, Краснов все же предлагает свое объяснение «запретительной» деятельности комитета. «Сколько мы припоминаем, – пишет генерал, – около 20-х годов (XIX в. – А.В.) некоторые русские литераторы пустили в свет мнение, что донские казаки имеют свое, не-русское происхождение и указывали на возможность выхода их из древнего Тмутараканского княжества, где будто бы проживали они, смешавшись с черкасами, во все время татарского преобладания над Россией. Это мнение в свое время было на Дону модное, и его тогда в особенности разделяла образованная молодежь наша, которой, Бог весть почему, казалось поэтичнее происходить от каких-либо очеркешенных тмутараканцев, чем от православного русского народа. Мнение это было усвоено и некоторыми членами комитета, более других влиятельными». Краснов также упоминает о распространенном в русской армии после 1812 г. «поверии о врожденных способностях казаков и предубеждении об особенностях их породы». Такие суждения, по версии генерала, привели к незримому запрещению входа в казачье сословие и выхода из него «для сбережения чистой казачьей крови», к формированию «убеждения, что замкнутость войска Донского необходима для поддержания в нем элементов народности». В итоге со временем «даже многие из донцов начали считать своею привилегией исключительное для них право – служить в войске».

Далее Краснов переходит к разъяснению позиции тех, кто «в запретительных мерах не видят пользы». Для генерала является «неоспоримым» тот факт, что «главная привилегия войска Донского состоит в особенном образе служения его». Однако эта служба имеет ряд трудностей, «преодоление которых требует особенных способностей». В то же время для Краснова очевидно, что «природа никогда не производит всех людей с одинаковыми склонностями», а всякому обществу, в том числе и донскому, «нужны и ученый, и художник, и купец, и всякого рода мастеровой, больше же всего земледелец». В связи с этим генерал задается естественным вопросом: «Каким же образом можно требовать, чтобы все жители обширной области, которая давно уже знакома с гражданской жизнью, имели стремление к одному военному ремеслу?» Прямого ответа на свой же вопрос Краснов не дает, но отталкиваясь от утверждения, что «казачья служба нужна не для войска Донского, а для всей России», он предлагает активно привлекать «молодых волонтеров» из русских дворян в казачество. Такая мера не только разовьет «естественным образом соревнование» в казачьей среде, но, главное, будет способствовать появлению «свободных от военной службы казаков, которым представится возможность посвящать себя другим занятиям по своему выбору». Краснов отвергает опасения, что подобная политика приведет к уничтожению войска, т.к. процедура принятия в казачество будет обставлена определенными требованиями, а желающих исключиться из казачьего сословия «много не окажется» из-за «любви» донцов к своей родине.

Затем генерал критикует мнение тех, кто считает казаков «анахронизмом», и приводит различные доводы в пользу необходимости казачества, донского в частности, и его службы для русской армии и престола, как бы упреждая обвинения в свой адрес, что он «желает превратить» Землю Войска Донского (далее – ЗВД) в губернию или «уничтожить» донское казачество.

В заключение Краснов обращается к негативному, как он считает, австрийскому опыту национальной политики, состоящему «из многих затруднений», и противопоставляет его эффективной российской практике «обрусения». После чего генерал задается очередными вопросами: «Для чего же теперь созидать народность искусственную? Для чего область, населенную людьми чисто русскими или совершенно обруселыми, которые говорят русским языком и исповедуют русскую веру, для чего держать ее таким особняком, заграждать всякие пути из нее к отечеству и обратно и уничтожать связи, которые могут ближе скрепить наш родственный с ним союз?» В рукописном и, вероятно, первоначальном варианте статьи Краснов отвечает на свои же вопросы следующим образом: «Разве для того, чтобы внушить каким-либо горячим мечтательным головам дикую мысль об отдельности существования и тем наделать хлопот, которые повлекут к гибели несчастные жертвы заблуждения и принесут вред государству» [2]. Однако такой ход генеральской мысли, возможно, пришелся не по душе редактору или цензору, и ответ не попал на страницы «Военного сборника». Зато был оставлен пафос последнего предложения генерала, горячо

вопрошавшего о том, «...чтобы общая мать наша, Россия, не изобретала для них (донских казаков. – А.В.) особенной народности».

Что же заставило И.И. Краснова взяться за перо? В отличие от недвусмысленного предложения для первой публикации «Усть-Медведицкого дворянина», собственного признания Краснова, сделанного в 1865 г. на страницах «Современной летописи», о том, что рост отчуждения в Новочеркасске между коренными и иногородними чиновниками подтолкнул его написать статью «О народности...» [3], как нам кажется, будет все же недостаточно для объяснения причин ее появления. Здесь, думается, должны быть учтены еще и следующие обстоятельства. Благодаря личной дружбе с А.П. Чеботаревым – заместителем начальника Управления иррегулярных войск Военного министерства – И.И. Краснов являлся, пожалуй, одним из самых осведомленных о «петербургских делах» донским генералом. Мы убеждены, что в 1862 г. он уже знал о векторе планируемых казачьих реформ. В то же время И.И. Краснов как окружной генерал 4-го военного округа ЗВД и как глава красновского семейства, очевидно, должен был быть в курсе инициированных в начале 1862 г. А. Мелиховым дебатов о земле и иногородних среди чиновников Новочеркасска. Не исключено, что он располагал информацией и о записке А.М. Дондукова-Корсакова. Провал мелиховского предложения, консерватизм позиции начальника штаба войска Донского могли насторожить либерально мыслящего генерала. Однако независимо от повода(ов) статья Краснова явно была адресована в первую очередь «внешнему» читателю. Об этом говорит выбор издания – напомним, «Военный сборник» не являлся популярным журналом среди донских казаков в 1860-х гг., но зато он пользовался авторитетом за пределами Дона в широких не только военных, но и гражданских кругах преимущественно Санкт-Петербурга и Москвы. Да и содержание статьи можно интерпретировать как своеобразное обращение к центральной власти, чтобы она более решительно шла по пути реформ, преодолевая замкнутость казачества, отталкиваясь от старых представлений о нем, как демонстрацию того, что на Дону есть представители казачества, разделяющие прогрессивные идеи предстоящих преобразований, и как предупреждение о том, что если не провести реформы в казачьих войсках, то можно получить проблему с казачьей «народностью» в австрийском варианте «национальной» политики. Позднее И.И. Краснов напишет, что его статью «О народности...» неправильно истолковали, а его самого обвинили в желании «выслужиться перед правительством» [4]. Действительно, критический ответ на работу И.И. Краснова довольно быстро появился в «Донских войсковых ведомостях» (далее – ДВВ). Он оказался единственным в местной печати, и в нем и намек не было на обвинения в «выслуживании» Краснова, об этом, наверное, ему говорили в личных беседах.

Автором критической статьи под названием «Как поступали в казаки?» [5] стал известный на Дону педагог, поэт и чиновник А.А. Леонов (1815–1882). Его роль в общественной и интеллектуальной жизни Дона середины – второй половины XIX в., как нам представляется, до сих пор не получила должной оценки в исторической литературе. А она была велика. Алексей Алексеевич Леонов имел казачьи родовые корни и хорошее по тем временам образование. После окончания Харьковского университета он с 1840 по 1865 гг. преподавал в различных образовательных учреждениях войска Донского, в последние годы являясь учителем русского языка и географии в Новочеркасской гимназии и Мариинском донском институте. Преподавательскую деятельность Леонов совмещал с исследовательской в Донском статистическом комитете, членом которого состоял, и литературной, сочиняя стихи и публикуя статьи на исторические темы в местных ведомостях. Исторические воззрения Леонова представляют определенный интерес, и они вполне достойны отдельного изучения.

Отметим только несколько принципиальных положений в видении Леоновым прошлого казачества, необходимых для более глубокого понимания его позиции в отношении статьи Краснова. В речи «О пособиях для изучения войска Донского», произнесенной 12 августа 1854 г. «на торжественном акте Новочеркасской гимназии», он не только впервые в историографии дал критический обзор имеющейся литературы о донском казачестве, но и выступил против концепции Н.Г. Устрялова, изложенной в его популярном гимназическом учебнике и утверждавшей, что в низовьях Дона «образовались казачьи общества в виде особенного народа и что народ казачий возник из слияния разноплеменных людей». По мнению Леонова: «...не только народ казачий не возникал

никогда из слияния разноплеменных людей, но даже **никакого народа казацкого нет и никогда не бывало** (выделено нами. – А.В.). То, что историки принимают за особенный народ – казаков, в отношении к донцам есть только особенное, частное проявление отдельной массы русского народа, историческая корпорация, община, образовавшаяся не случайно, но вследствие исторической необходимости...» [6]. Важно, что с годами взгляды Леонова существенно не изменились. В знаковой для темы казачьего самоуправления статье, ставшей источником вдохновения для многих будущих казачьих писателей, под названием «Войсковой круг» [7] Леонов обозначил свою позицию по отношению к текущей преобразовательной деятельности правительства. Для этого он в качестве эпиграфа привлек известные слова М.Н. Каткова из его знаменитой работы «К какой мы партии принадлежим?» (1861): «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Все, что будет клониться к искоренению какого-нибудь существенного элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направлению... Истинным предметом хранения должны быть не формы, а начала, которые в них живут и дают им смысл» [цит. по: 8]. Для Леонова идея войскового круга и опыт его существования – это те самые «начала» казачества, которые не только нужно сохранять, но и развивать, например, в новом проекте станичного управления, активно обсуждавшемся на страницах ДВВ в течение всего 1862 и начала 1863 гг. В этой же статье он вновь обращается к «природе» казачества, считая, что «когда Москва окончательно утвердила власть над всею русскою землею... в глухих степях придонских сошлась горсть людей вольных, свободномыслящих, свободнодействующих, людей известных под именем казаков». «Казак, – восклицает Леонов, – слово магическое! Казак, прежде всего, синоним свободы, братства, равенства и уже потом синоним удалства и молодчества» [9]. С таким идейным багажом Леонов приступает к разбору главной мысли И.И. Краснова о существовании в войске Донском до XIX в. свободного входа в казачье сословие и выхода из него. В самом начале статьи «Как поступали в казаки?» Леонов выдвигает центральный тезис, который затем последовательно раскрывает с привлечением различных архивных источников: «Совершенной свободы вступления в Войско, в звание казака, никогда не было. Правда, *приходить на войсковую территорию, проживать и даже селиться в пределах Войска в продолжение неопределенного времени* (курсивом выделено в оригинале текста. – А.В.), за исключением некоторых случаев, никому не воспрещалось. Но это дело другое; это совсем не то, что *вступить в Войско и сделаться казаком*, пользуясь соединенными с тем личными и поземельными правами. Это последнее не зависело от воли каждого, от личного желания всякого пришельца, волею или неволею зашедшего на Дон! Войско принимало к себе, в число своих членов, только того, кого оно само *хотело принять*; давало звание казака тому, кому оное можно было дать и кого оно считало достойным того» [10].

В отличие от Краснова, убежденного в том, что запрет на вход в казачье сословие и выход из него стал постепенно формироваться с начала XIX в., Леонов, наоборот, обнаруживает полную уверенность, что «свободное вступление... вступление тайком (если не воровски), никого не спрашиваясь, началось весьма недавно, именно с того времени, когда войсковой круг потерял свое значение и когда войсковой атаман стал значить для Войска все, взял на себя всю его волю». Он также сознательно обходит стороной вопрос о «пользе или вреде вступления в казачество», который, напротив, детально разбирает Краснов. Здесь Леонов позволяет сарказм в отношении своего оппонента, называя его «достопочтенным защитником свободного вступления в казаки всякого встречного и поперечного» и высказывая сомнения в том, что Краснов «вполне уяснил себе все те последствия, какие могут произойти от приведения в исполнение его желаний» [11].

Критические замечания Леонова не помешали неизвестному автору «Военного сборника» (1863) при обзоре публикаций журнала за 1859–1862 гг., посвященных иррегулярным войскам, назвать Краснова «правдивым и образованным казаком», сумевшим затронуть важный для казачества и вполне «современный» вопрос «о народности в войске Донском». При этом данный автор соглашается с мнением генерала о том, что «поборники старых порядков видели и видят в замкнутости Донского войска залог для

поддержания в нем народности» [12]. Возможно, на аргументацию журналиста «Военного сборника» дополнительно повлияла еще одна статья И.И. Краснова, о которой мы уже вскользь упомянули ранее. В четвертом номере «Русского инвалида» за 1863 г. И.И. Краснов, подписавшийся «К.», в статье «Письма с Дона», датируемой декабром 1862 г., не только сообщил о «захвате» местных ведомостей «партизанами замкнутости», но и охарактеризовал их т.н. идейную платформу. По мнению генерала, защитники «замкнуто-кастического состояния» казачества мечтают о восстановлении «значения войскового круга» и «иных войсковых обычаев» и выступают против приема «иностранцев... в казачью народность». Не скрывая эмоций, Краснов особенно резко раскритиковал последнее положение: «Да разве донские казаки принадлежат особой какой-либо народности? Уж не особое ли племя они составляют? Каким же языком они говорят? Какую веру исповедуют? Вот вопросы, которыми засыпал бы каждый незнакомый с историей России; но кому эта история знакома, тот скажет: какой народности, кроме русской, хотите вы отыскать у русских, из которых состоят донские казаки? Если есть в их числе личности, имеющие предков других наций, то это случайности, встречаемые в каждой губернии; говорят они по-русски, веру исповедуют исключительно православную, есть раскольники разных толков: одним словом, все как в других губерниях; но каждого вновь приехавшего на Дон странно поражает название – русский, которое относят к приезжему из других губерний. Называя русскими лиц, не принадлежащих к войсковому сословию, жители Тихого Дона как бы хотят показать тем, что себя не считают русскими» [13].

Далее он обвинил «партизан замкнутости» в «тупом упорстве», «в парализовании... правительственных распоряжений, уже обязательных к исполнению», «в распускании ложных толкований на самые благонамеренные предположения к улучшениям и в скрытии... действительной сущности этих предположений»; «в привлечении на свою сторону лиц влиятельных, по крайней мере, кажущихся таковыми, лестью, приманкой популярности, овациями в их пользу...» [14]. Статью Краснова предваряло небольшое вступление, в котором сообщалось, что в газете знают о разделении казаков на два лагеря из-за составления нового положения о войске Донском и что редакция готова принимать в свои столбцы «мнения обеих партий». Как свидетельствует известный писатель и журналист XIX в. Е.М. Феоктистов, бывший в начале 1860-х гг. сотрудником «Русского инвалида», его «редактор должен был неуклонно каждый день к 9 часам вечера приезжать к нему (Д.А. Милютину. – А.В.) и представлять на его усмотрение все сколько-нибудь выдающиеся статьи; как бы ни был занят Милютин, у него всегда хватало времени весьма внимательно заняться ими; он дорожил “Русским инвалидом” как самым удобным средством распространения известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике» [15]. Думается, что «Письма с Дона» Краснова вряд могли остаться незамеченными Милютиным и наряду с письмом Робуша, а может быть и в первую очередь, стали поводом для упомянутого обращения министра к войсковому наказному атаману (далее – в.н.а.) П.Х. Граббе с требованием разобраться в ситуации с местной прессой.

Как мы писали ранее, редакция ДВВ довольно оперативно отреагировала на публикацию Краснова в «Русском инвалиде», заявив о категорическом несогласии с ее содержанием. Также мы выяснили, что абсолютного доминирования каких-либо авторов в «Донских ведомостях», по крайней мере до конца 1862 г., не было. Мало того, сын И.И. Краснова Николай дважды в течение этого же года печатал в ведомостях отрывки из своей будущей книги [16]. Дискуссии на страницах ДВВ действительно велись, обострились они с начала 1862 г., захватив первую половину 1863 г., и развивались по нескольким направлениям, в том числе – по линии обсуждения проекта о станичном управлении, подготовленного местным комитетом по пересмотру войскового положения, которое не было нами подробно рассмотрено. Однако ни в одной из статей подобного рода мы при самом внимательном их прочтении не заметили прямых и недвусмысленных рассуждений о существовании «казачьей народности», особого казачьего языка, отдельной и специфичной истории донского казачества. Можно, конечно, предположить, что И.И. Краснова к написанию «Писем...» подтолкнули известные ему результаты непечатной полемики по вопросам, активно обсуждаемым донским обществом с начала 1862 г. Эти результаты, очевидно, добытые И.И. Красновым как в частных беседах, так и на

торжественных мероприятиях, наряду с его интерпретацией исторических воззрений А. Леонова, в том числе критических по отношению к статье «О народности в войске Донском», а также идейными разногласиями с давним другом И.С. Ульяновым и семейными материальными интересами вполне могли стать основой дискурсивного сценария последующих текстов И.И. Краснова.

Своеобразным ответом на эксплуатацию темы «казачьей народности» «Военным сборником» и «Русским инвалидом» стала статья Х.И. Попова (подписывался «Х.П.») – члена комитета по пересмотру войскового положения – «Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов» [17]. Кажется, это была всего лишь вторая публикация Харитона Ивановича Попова (1834–1925), который, имея только казачье домашнее образование, с начала 1860-х гг. так удачно совмещал чиновную карьеру с журналистской и историко-краеведческой деятельностью, что практически не сходил с пьедестала общественной жизни Дона, оказавшись директором первого Донского музея в Новочеркасске, а затем редактором «Донских областных ведомостей» в начале XX в. Современный исследователь Б.С. Корниенко в своей блестящей монографии «Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)» отводит Х.И. Попову значительную роль в формировании «Донского союза националистов» в 1912 г. [18]. В связи с этим очевидна важность первых работ Х.И. Попова, носящих общественно-политический характер. Тем более что в «Мыслях казака...» содержится набор казачьих требований к правительству 1863 г. от будущего «казачьего националиста» начала XX в.

«Мысли казака...» – это своеобразные ответы на воображаемые вопросы, не всегда артикулируемые в самом тексте, но которые, по мнению Попова, витают в обществе и в печати. В первых же строках на вопрос, почему казаки «так крепко стоят за свои права и привилегии», он дает лаконичный ответ: «потому, конечно, что Дон и свобода казачества приобретена предками нашими, дорогой ценою, ценою... крови». Далее Попов в основном касается темы своеобразия казачества, как бы оппонируя красновскому взгляду на его «природу». Он утверждает, что «наша история, быт наших предков выработали много такого, чего другие сословия в Русском государстве не имеют», и не отвергает того, что «казаки – племя русское, лишь с примесью других элементов; но оно сложилось при других обстоятельствах жизни, имевшей свою особенность против жизни русских крестьян». Для Попова большое значение имеют т.н. «другие элементы», которые он живописно обрисовывает, например, вот так: «Станицы наши далеко не то, что бедные русские селения; опрятность одежды простых казаков, особенно праздничной, резко отличается от одежды мужиков-селян; самый говор казаков резко отличается от говора поселян соседних губерний; народные песни казаков отличаются своей особенностью – в одних прославляются военные подвиги донцов – в других наш быт; прислушайтесь к любому кружку свободных казаков, услышите рассказы или из боевой походной жизни, или рассказы из исторического быта войска, а в настоящее время услышите везде горькое сожаление о... реформе нашего быта». Завершая статью, Попов разъясняет настоящие, с его точки зрения, пожелания казаков по поводу планируемых правительством преобразований:

- «1. Казаки... желают оставаться казаками;
2. Ожидают улучшения своего быта... без всякого нарушения принципа казачества... но [желают] сокращения срока обязательной службы, наравне с другими чинами регулярных войск, т.е. до 12 лет военной и 3 лет внутренней по войску службы;
3. Чтобы комплект полков наших, посылаемых на внешнюю службу, по численности чинов равнялся военным силам, выставляемым от других сословий государства;
4. Оставить в войске ненарушимость образа служения, а по внутреннему управлению и выборное право, с предоставлением... участия в этом и общему сословию казаков;
5. Оставить неприкосновенность всех земель юртовых и войсковых;
6. Оставить за казаками личную свободу от государственных податей;
7. Сделать исключение... для людей, получивших специальные ученые познания... и ученых и художников, получивших воспитание на собственное иждивение, предоставить полную свободу от службы казакам и урядникам, желающим заниматься торговлей... с платой пошлины в военный капитал...
8. Увеличить средства к образованию... открыть университет» [19].

Конечно, если несколько вольно интерпретировать слова Попова о «других элементах» и «желании оставаться казаками», то, пожалуй, в них можно разглядеть намеки на «казачью народность», одновременно предположив наличие похожей фантазии у ограниченного круга читающих Попова и ДВВ современников. Однако мы все же склонны считать, что И.И. Краснов и М.И. Краснов сознательно вводили в заблуждение своих потенциальных читателей, приписывая оппонентам заботу о чистокровности «казачьей расы», сбережении «казачьей народности», всячески подталкивая просвещенную (в основном столичную) публику к выводам о том, что донское казачество находится в опасном шаге от сепаратизма или уже вступило в него. Тем самым Красновы преследовали свои интересы, возможно и разнонаправленные, но замешанные, например, на желании обеспечить семейный материальный достаток или на удовлетворении ущемленного чувства личного достоинства. Именно в таком контексте, на наш взгляд, следует понимать слова неизвестного современника, который так оценил дискуссии по вопросу об иногородних и земельном праве на Дону в начале 1860-х гг.: «Запретительного закона на продажу имений иногородним не было никогда, а выпросило его со злым, разумеется, намерением против поместных Соединенное присутствие 1848 г., в котором, как известно, самым задорным членом был Ульянов; что поборники этого закона просто демагоги. Другой господин... достигнув седьмого десятка лет (вероятно, А. Мелихов. – А.В.), начал, разумеется, бескорыстно уверять, что он до сих пор (значит, по неопытности) ошибочно думал о существовании этого закона, только теперь (накопивши с зятем (здесь, вероятно, имеется в виду М.И. Краснов. – А.В.) деревню мертвых душ) прозрел, что закон выдуман членом Соединенного присутствия из зависти к богатым и потому что члены эти ком[м]унисты, – слышите ли, ком[м]унисты... Третий доброжелатель казаков... (мы убеждены, что говорится об И.И. Краснове. – А.В.) разглашает, что Ульянов и [Ко] даже замышляют об отделении Войска от России?!» [20].

В связи с этим проясняется, кажется, истинный смысл следующих двух цитат И.С. Ульянова из его переписки с известным публицистом и издателем И.С. Аксаковым в 1865 г.: «Не можете представить, какому дикому толкованию подвержена самая миролюбивая, самая законная оборона прав и жизни донцов!»; «пресловутая гласность, о которой напето столько похвал, очевидно, не для всех писана и нередко служит только средством для распространения самой крупной лжи в угоду какому-нибудь сильному общественному деятелю» [цит. по: 21].

О неоднозначной ситуации вокруг «Донских ведомостей», риторике газетных и прочих публикаций наверняка был осведомлен в.н.а. П.Х. Граббе. Здесь мы возвращаемся к обещанному сюжету о реакции атамана на письмо Д.А. Милютинина по поводу «захвата» местной прессы. В течение всего 1863 г. между Граббе и Военным министерством шла оживленная переписка, в которой присутствовали примеры какой-нибудь очередной «дерзости» со стороны ДВВ и попытки в.н.а их как-то объяснить. Особенно детально Граббе был разобран случай размещения на страницах ДВВ приговора новочеркасского станичного общества против строительства Грушевской железной дороги, затем перепечатанного рядом столичных изданий [22]. О приговоре, как и о происшествиях, связанных с нанесением ущерба казаками железной дороге, стало известно Александру II, и это послужило поводом для Д.А. Милютинина в июне 1863 г. призвать местные власти не только разобраться с актами вандализма, но и «установить самую строгую цензуру над Донскими ведомостями» [23]. С реализацией последнего требования Граббе, кажется, не спешил. В августе 1863 г. уже министр внутренних дел П.А. Валуев в письме к Д.А. Милютину сообщил о «незаконности» появления в ДВВ статьи, в которой станичный атаман обвинялся в противоправных действиях. А 21 ноября 1863 г. до военного министра было доведено заключение Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания по поводу еще одной статьи в ДВВ, противоречившей «цензурным правилам» [24]. Видимо, получение последнего заключения переполнило чашу терпения руководства Военного министерства, и 30 ноября 1863 г. Д.А. Милютин и начальник Управления иррегулярных войск (далее – УИВ) Н.И. Карлгоф поставили перед Граббе задачу «заменить состав редакции ведомостей» и «прекратить печатание статей, в коих разбираются распоряжения правительства и действия должностных лиц» [25]. С 1864 г. публикация в ДВВ статей т.н. «неофициального характера» была прекращена, однако И.П. Прянишников в газете остался (!), и на

протяжении всего года он размещал на ее страницах акты, грамоты и другие источники по истории войска Донского [26], собрав их к концу года в отдельную книгу [27].

Тем не менее переписка между Граббе и Военным министерством на тему освещения казачьих вопросов в прессе была продолжена и в 1864 г. Поводом для нее послужила статья «Об условиях владения землями в войске Донском» в «Русском вестнике» [28] полковника П.А. Кузьмина, который, судя по всему, в это время занимался межевыми работами на Дону. Мы располагаем только несколькими письмами из данной переписки, но, как мы убедимся далее, без их анализа картина восприятия министром Д.А. Милютиным, его помощником Н.И. Карлгофом и атаманом П.Х. Граббе донских событий 1862–1863 гг. была бы неполной. Не вдаваясь в подробности содержания всей статьи Кузьмина, приведем из нее одну характерную цитату, вызвавшую наибольший резонанс: «...партизаны замкнутости мечтают об отдельности заведования краем, об устранении подчинения разных отраслей соответствующим министерствам и об устройстве внутреннего управления наподобие Великого Княжества Финляндского и Царства Польского» [29]. К ней добавим также мнение Кузьмина о том, что «если права дворянства распространены на донских чиновников, то почему же не освобождены они от обязательной службы, весьма близкой к крепостному состоянию, от которого избавлены и крестьяне» [30].

Как можно догадаться, прямое обвинение отдельных представителей казачества в сепаратизме, разве что без употребления самого слова, а также сравнение казачьей службы с крепостным правом не могло не вызвать у части казаков недовольства. Именно об этом сообщил Граббе в конфиденциальном письме (исходя из его смысла – ответном) к Милютину от 3 июня 1864 г. В нем он также написал о своем несогласии с разделяемым Милютиным утверждением Кузьмина о существовании на Дону «партии, мечтающей будто бы о сепаратизме вроде Финляндии и даже Польши». В то же время Граббе допустил, что «могут быть, как и везде, отдельные лица с нелепыми понятиями и мечтами, но о массах судят по преобладающим стремлениям, а не по частным. Подобной партии здесь не было и нет». Далее, атаман с сожалением констатировал отказ Милютина «переместить» полковника Кузьмина за пределы ЗВД, из чего можно предположить, что переписку начал Граббе с предложением удалить автора резонансной статьи, «оскорбившей народное чувство» [31]. Письмо атамана Милютин внимательно прочитал с карандашом в руке, делая пометки на его полях. Несмотря на конфиденциальный характер письма, Милютин передал его для ознакомления Карлгофу (!), который не замедлил высказать свое мнение о нем. Здесь следует напомнить, что Н.И. Карлгоф вместе со своим заместителем А.П. Чеботаревым как руководители УИВ занимались непосредственной разработкой и претворением в жизнь планов Военного министерства в отношении казачьих войск. К их рассуждениям прислушивался Д.А. Милютин, от их позиции зависело решение тех или иных текущих вопросов жизнедеятельности казачества. Карлгоф весьма скептически отозвался о словах Граббе, заметив, что: «почти 2 года донские ведомости были постоянным проводником этих мечтаний... [Это] нельзя приписать случайному набору статей в одном духе, и потому с убежденностью можно полагать, что газета находилась в руках партии, довольно значительной и имевшей поддержку в высших слоях общества, без него она не могла бы долго удержаться в своем распоряжении газету. Едва ли можно сомневаться и в том, что это направление газеты пользовалось сочувствием в массах, т.к. в 2 года не нашлось на Дону ни одного возразителя против статей этого направления» [32].

Также Карлгоф прокомментировал упомянутые Граббе вскользь прошедшие весной 1864 г. дворянские выборы на должности в войске Донском. Начальник УИВ с удовлетворением констатировал провал на выборах И.С. Ульянова и «других закоренелых в старых понятиях людей», что, по его мнению, привело к «большому перевороту в крае» [33]. Чуть позже Карлгоф принял самое непосредственное участие в подготовке ответного письма Милютина к Граббе от 9 июня 1864 г., отправленного на Дон под грифом «весьма секретно». Причем предлагаемые им формулировки некоторых фраз, особенно касающихся характеристики целей «партии замкнутости», были жестче, чем оказавшиеся в финальном варианте письма. На наш взгляд, данное письмо отражает окончательную оценку представителями центральной власти прошедшей дискуссии среди определенной части донского общества в 1862–1863 гг. и ее последствий.

С первых слов Милютина становится понятным, что для него совершенно неоспоримым является факт существования на Дону «партии, которая, опираясь на предания старины, упорно противодействует всякому правительственному распоряжению, не соответствующему ее мечтам о какой-то воображаемой автономии и самостоятельности Донского Войска». Далее он напоминает Граббе, как эта «партия» распространила свое влияние на «Донские ведомости», как на ее страницах стали появляться «неприличные» статьи, на которые вскоре обратили внимание «публика в столицах, и даже Государь Император», и как был положен конец «нелепым толкам... простым прекращением печатания всяких неофициальных статей». Единственно, в чем соглашается Милютин с Граббе, так это в «верноподданнической преданности» престолу большинства донского казачества. Основной же посыл письма заключался в «просьбе» Милютина к Граббе о том, чтобы им «впредь не было допускаемо ни малейшего расслабления относительно тех лиц, которые вздумали бы снова возбуждать толки о возвращении к старинным порядкам казачества, об охране мнимой автономии войсковой, об исключительных правах на самоуправление, как, например, о восстановлении войскового круга, даже о выборном наказном атамане». Наконец, Милютин остался непреклонным в удовлетворении желания Граббе убрать полковника Кузьмина с донской земли, объясняя свое решение тем, что удаление автора скандальной публикации «имело бы вид послабления в угоду той партии, которая одна могла признать для себя обидными статьи этого штаб-офицера» [34].

Однако здесь военный министр сильно лукавил. Судя по всему, Д.А. Милютин давал личные указания П.А. Кузьмину по поводу появления в печатном виде его записки «Об условиях владения землями в войске Донском», а также участвовал в корректировке ее содержания в сторону смягчения некоторых формулировок. Для связи с полковником были даже задействованы Карлгоф с Чеботаревым [35]! Как нам кажется, цель этой «операции», начавшейся в ноябре 1863 г., заключалась в окончательной компрометации донской «оппозиции», а также в заострении внимания Граббе на положении дел в печати, т.к. его медлительность в принятии запретительных мер в отношении «Донских ведомостей» нервировала и беспокоила Военное министерство. Таким образом, для Милютина было рискованно так просто отказаться от своего тайного «корреспондента». Это могло привести к непредсказуемым последствиям и даже, возможно, к огласке всего дела, в случае неадекватной реакции Кузьмина на репрессии.

Эпизод с публикацией статьи Кузьмина являлся, пожалуй, последним в истории бурного обсуждения в печати актуальных вопросов развития казачества, в том числе требований сохранения традиционных прав и привилегий казаков. К моменту ее размещения на страницах катковского «Русского вестника» уже был «выслан» за пределы ЗВД князь А.М. Дондуков-Корсаков, Военное министерство разрешило выборным депутатам от войска Донского участвовать в работе комитета по пересмотру войскового положения, польское восстание вызвало очередную волну патриотического подъема донского казачества, его верноподданнические чувства укрепил приезд на Дон наследника престола, а однозначную лояльность обеспечила Высочайшая грамота от 8 сентября 1863 г., подтвердившая «все права и преимущества» казачества и «нерушимость настоящего образа его служения», наконец, были введены цензурные ограничения для ДВВ. Все эти события в совокупности «успокоили» общественно-политическую ситуацию на Дону. Нам неизвестны итоги переписки Милютина с Граббе из-за литературной деятельности Кузьмина, так же как неясна и его дальнейшая личная судьба. Но статья полковника стала своеобразной вершиной тенденциозного, как считала часть современников, особенно донского происхождения, освещения отношения донского казачества к своей истории, традициям и преобразовательным планам правительства. Размышления Кузьмина, в числе прочих обстоятельств, вполне могли придать уверенности И.И. Краснову в том, чтобы обвинить столичную читающую публику в неправильном понимании «образа мысли донских жителей», тем самым отведя от себя возможные подозрения в разжигании истерии по поводу публикаций в «Донских ведомостях». В уже упомянутой нами статье «Местный патриотизм в Донском войске» [36] Краснов все усилия сосредоточил на доказательствах того, что под «сепаратизмом», найденным на Дону, как оказывается, после польских событий, на самом деле скрывался всего лишь не совсем правильный «патриотизм». Мысль о неадекватности рассуждений столичных журналистов по поводу намерений казачества,

заявленных в «Донских ведомостях», распространялась и крепла в определенных кругах донского общества постепенно. Так, А.А. Карасев, основатель первой частной газеты в ЗВД – «Донского вестника», размещая объявление в «Русском инвалиде» о начале издания своей газеты с 1 июля 1866 г. в Новочеркасске, пока еще задавался вопросом, не находя на него ответ: «Откуда и на основании каких фактов могли возникнуть суждения о донском сепаратизме, о нежелании казаков распространения у них грамотности и о не сочувствии их либеральным реформам нашего правительства?» [37] Но уже в 1869 г. редакция «Донского вестника», а в ее состав помимо А.А. Карасева входили также А.М. Савельев и знакомый нам Х.И. Попов, вполне уверенно заявила, что «в желании удержать некоторые из лучших старинных казачьих постановлений и заключались все заветные стремления казакоманов, как их обозвали тогда прогрессисты. О полной же замкнутости и отчуждении тут и не было речи. Донской сепаратизм существовал только в воображении “Московских ведомостей”» [38].

Выводы

Однако пора подвести итоги. В самом начале статьи мы заявили о том, что хотели бы дополнить фактическим содержанием феномен «казакоманства» и уточнить его некоторые детали. Получилось ли решить поставленную задачу, не нам судить. Но кажется, нам удалось показать казакоманство на Дону начала 1860-х гг. как сложное и нелинейное явление в событийной канве с чередой как очевидных утверждений, так и явных предположений из-за недостаточности источниковой базы.

К очевидному факту следует отнести ведущую роль князя А.М. Дондукова-Корсакова в общественном подъеме на Дону в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Весьма вероятно, что застольные дискуссии и печатная полемика произошли бы вполне и без князя. Но все же неординарность личности А.М. Дондукова-Корсакова отразилась на глубине, направленности и темпераментности случившегося общественного подъема. Определенный тон ему задавала «Записка о войске Донском», т.к., даже если допустить, что она могла не получить широкого распространения на Дону, о ее содержании или основополагающих темах наверняка знали многие местные чиновники и «интеллектуалы», но что особенно важно, о ней точно знал военный министр Д.А. Милютин. И не просто знал, а еще имел возможность более глубоко вникнуть в ее идеи, благодаря личным беседам с А.М. Дондуковым-Корсаковым, категорически не согласиться с ними и с этим чувством несогласия принимать затем все важные решения по донским делам начала 1860-х гг.

Деятельность А.М. Дондукова-Корсакова, планы и мероприятия Военного министерства, а также работа местного комитета по пересмотру войскового положения создали условия для массового вовлечения казачества от простых станичников до представителей дворянства в обсуждение актуальных вопросов социально-экономического и правового развития прежде всего войскового сословия, а также ЗВД в целом. Конечно, для явного доказательства массовости не хватает релевантных количественных данных, но многочисленных примеров прямого и косвенного участия казачества в различных дебатах, на наш взгляд, достаточно, чтобы увидеть в донских событиях начала 1860-х гг. беспрецедентный, по крайней мере для XIX в., случай масштабной мирной казачьей активности в общественном пространстве. Заметим, что в прошлых столетиях похожая активность, как правило, перерастала в вооруженное сопротивление.

Отсутствие консолидированной позиции по отношению к собственной истории и перспективам развития разделило донских казачьих «интеллектуалов» по «партиям», в терминологии современников, что также является неоспоримым фактом. О содержании «партийных программ» мы узнаем в первую очередь из периодической печати. Однако не стоит переоценивать роль печатных дискуссий, т.к. значительная доля разногласий обнаруживалась в иной сфере – от частной переписки до разговоров на улицах. Результаты таких неформальных бесед, несомненно, отражались в текстах, участвуя в формировании дискурса, в нашем случае понимаемого как группы высказываний, связанных между собой по смыслу. Причем смысл социально-экономических высказываний / требований одной из «партий» достаточно прозрачен и обязательно связан с соблюдением властью традиционных казачьих прав и привилегий. Цели и задачи противоположенной «партии», кажется, также лежат на поверхности, но все же имеют двойное дно в виде обвинений своих

противников в исповедовании «автономизма», которое благодаря «интригам» быстро превратилось в «сепаратизм».

Если череда донских событий 1861–1863 гг., осмысленных в рамках формальной логики, укладывается в относительно понятную картину, то с ее оценкой и помещением в широкий контекст дело обстоит гораздо сложнее, тем более что мы к этому редко обращались в самой статье. Известный среди казаковедов историк, а сейчас и политолог С.М. Маркедонов следующим образом высказался по интересующей нас теме: «Среди казаков сер. XIX в. развивается особый “казачий национализм”, казакманство, отличительной чертой которого было признание “казаков выше русских”. Однако у этого явления сугубо политические корни: оно было вызвано недовольством давления Центра на окраины. Стремление Центра доминировать над Войском Донским с начала XVIII в. привело к уничтожению многих демократических институтов казачества, к превращению его в замкнутую касту воинов. Ответом на вызов Центра и стало “казакманство”. Интересно, что “казакманы”, подчеркивая свое отличие от русских, отмечали преобладание в своих рядах тюрок, кавказцев, монголов. То есть даже в националистической идеологии воспроизводилось понимание казачества как явления полиэтнического» [39]. На наш взгляд, с Маркедоновым можно согласиться, пожалуй, только тогда, когда он характеризует политику Центра в отношении казачества как желание доминировать. Остальные утверждения Маркедонова слишком категоричны и спорны. Однако мы также не устоим от соблазна попытаться оценить донское казакманство в терминологическом поле наиболее популярных авторов по теории национализма. Тем более что сами современники описываемых событий буквально подсказывают направления таких размышлений. Так, И.И. Краснов почти в духе Э. Хобсбаума [40] призывал не «изобретать» для казачества отдельную «народность». После прочтения И.И. Краснова (Красновых) может возникнуть впечатление в уверенности автора(ов) в том, что процесс «изобретения» казачьей «народности» («расы», «нации»), который, как уверены авторы, происходит на их глазах, противоречит историческому опыту казачества и опасен с точки зрения стабильного функционирования империи. И.И. Краснов, не снимая ответственности с Центра, убеждает читателя в местном происхождении этих идей. Он прямо обвиняет в этом «партизан замкнутости» или «казакманов». Правда, затем Краснов в изобретательстве увидел всего лишь проявление «донского патриотизма», неправильно интерпретированного.

А.А. Карасев пошел еще дальше, приписав существование «донского сепаратизма» «воображению “Московских ведомостей”» (как будто подтверждая идеи Б. Андерсона [41]), подразумевая под этим вымысел, придуманный (а мы добавим, сфабрикованный) в первую очередь в Центре.

Если быть серьезнее, то общественно-политический подъем с казакманским оттенком на Дону в начале 1860-х гг. совпал с активизацией украинофильского движения в соседней Малороссии, ставшего предтечей украинского национализма. Специалисты по истории Украины XIX в. хорошо знают о «валуевском циркуляре» (ограничил издания «малорусской литературы») и о поездке осенью 1863 г. флигель-адъютанта полковника Н.В. Мезенцева в южные губернии для оценки опасности для империи со стороны развивающейся малороссийской пропаганды [42]. Здесь параллель с командировкой Н.В. Мезенцева в ЗВД в январе 1863 г. и «репрессиями» в адрес «Донских ведомостей» совершенно очевидна. Более того, в словообразовании «казакман/казакманство», на наш взгляд, прослеживается явное заимствование от «хлопоман/хлопоманство», которым польская шляхта в середине XIX в. уничижительно обозначала украинских активистов народнического толка. Однако любые аналогии и сравнения, претендующие на солидность, должны быть подкреплены соответствующим историческим материалом. В отношении донского казакманства с точки зрения «национального», «сепаратистского» движения такого материала пока еще недостаточно, а может быть, его и не существует вообще в требуемом объеме применительно к середине XIX в.

Вместе с работами Краснова и Карасева тексты И.С. Ульянова, А.А. Леонова и особенно «программа» казачьих требований Х.И. Попова дают определенный повод вписать общественно-политическое движение на Дону начале 1860-х гг. в начальную «стадию А» процесса формирования нации по М. Хроху [43]. Однако нам кажется, что для донского

казачества упомянутые авторы все же не стали, как для украинского национального движения своими Костомаровыми, Кулишами, Шевченко, Антоновичами и Драгомановыми.

Благодарности. Автор выражает искренние слова признательности за высказанные ценные замечания и советы О.М. Морозовой, А.Ю. Перетяцько и А.Ю. Турановой.

Примечания:

1. Краснов И.И. О народности в войске Донском // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343–356.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 203 (архив А.В. Каульбарса). Оп. 1. Д. 35. Материалы А.П. Чеботарева.
3. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске // Современная летопись. 1865. № 16.
4. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске...
5. Леонов А.А. Как поступали в казаки? // Донские войсковые ведомости (далее – ДВВ). 1862. № 39, 40.
6. Артинский И. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: ОВД типография, 1907. С. 384–385.
7. Леонов А.А. Войсковой круг // ДВВ. 1862. № 26, 27.
8. Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // Русский вестник. 1862. Т. 37, февраль. XII. С. 832–844.
9. Леонов А.А. Войсковой круг...
10. Леонов А.А. Как поступали в казаки?...
11. Леонов А.А. Как поступали в казаки?...
12. Библиография // Военный сборник. 1863. № 3. С. 184–185.
13. К. Письма с Дона // Русский инвалид. 1863. № 4.
14. К. Письма с Дона...
15. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: в 7 т. / под ред. Л.Г. Захаровой и др. Т. 1: 1816–1843. М.: Студия «ТРИТЭ»: Российский архив, 1997. С. 19.
16. Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей, с 1852 по 1876 год / сост. И.И. Струков. [Б.м.], 1876. С. 105.
17. Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // ДВВ. 1863. № 20.
18. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 41–43.
19. Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов...
20. Государственный архив Ростовской области. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 176.
21. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 23, 46.
22. Данцев А.А. Из истории сооружения в 60-х годах XIX века железной дороги у Новочеркаска // Краеведческие записки: сборник научных трудов. Новочеркасск: Ростов-офсет-принт, 2002. С. 37–41.
23. РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 10 об.
24. РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 23, 27 об–28.
25. РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 30.
26. Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей... С. 31–41.
27. Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск: Войсковая типография, 1864. 333 с.
28. Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском // Русский вестник. 1864. № 49, 50.
29. Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском...
30. Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском...
31. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 33. Л. 1–10б.
32. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 76. Л. 13–13об.
33. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 76. Л. 14.
34. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 52. Ед. хр. 1. Л. 15–16об.
35. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
36. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске...
37. Русский инвалид. 1866. № 93. 15 апреля.
38. Донской вестник. 1869. № 4. 27 января

39. Маркедонов С.М. Донское казачество: феномен межцивилизационного диалога // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 189.
40. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
41. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 2006. 240 p.
42. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. С. 76–115.
43. Hroch M. *European Nations: Explaining Their Formation* / translated by K. Graham. London; New York: Verso, 2015. 336 p.

References:

1. Krasnov I.I. O narodnosti v voyske Donskom // *Voennyi sbornik*. 1862. № 4. S. 343–356.
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee – RGVIA). F. 203 (arkhiv A.V. Kaulbarsa). Op. 1. D. 35. Materialy A.P. Chebotareva.
3. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske // *Sovremennaya letopis*. 1865. № 16.
4. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske...
5. Leonov A.A. Kak postupali v kazaki? // *Donskie voyskovye vedomosti* (dalee – DVV). 1862. № 39, 40.
6. Artinskiy I. Ocherk istorii Novocherkasskoy voyskovoy gimnazii. Novocherkassk: OVD tipografiya, 1907. S. 384–385.
7. Leonov A.A. Voyskovoy krug // *DVV*. 1862. № 26, 27.
8. Katkov M.N. K kakoy prinadlezhim my partii? // *Russkiy vestnik*. 1862. T. 37, fevral. XII. S. 832–844.
9. Leonov A.A. Voyskovoy krug...
10. Leonov A.A. Kak postupali v kazaki?...
11. Leonov A.A. Kak postupali v kazaki?...
12. Bibliografiya // *Voennyi sbornik*. 1863. № 3. S. 184–185.
13. K. Pisma s Dona // *Russkiy invalid*. 1863. № 4.
14. K. Pisma s Dona...
15. Vospominaniya general-feldmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina: v 7 t. / pod red. L.G. Zakharovoy i dr. T. 1: 1816–1843. M.: Studiya “TRITE”: Rossiyskiy arkhiv, 1997. S. 19.
16. Alfavitnyy ukazatel statey, pomeshchennykh v neofitsialnoy chasti Donskikh oblastnykh vedomostey, s 1852 po 1876 god / sost. I.I. Strukov. [B.m.], 1876. S. 105.
17. Kh.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh slukhov // *DVV*. 1863. № 20.
18. Kornienko B.S. *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)*. SPb.: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. S. 41–43.
19. Kh.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh slukhov...
20. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. F. 243. Op. 1. D. 34. L. 176.
21. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2010. S. 23, 46.
22. Dantsev A.A. Iz istorii sooruzheniya v 60-kh godakh XIX veka zheleznoy dorogi u Novocherkasska // *Kraevedcheskie zapiski: sbornik nauchnykh trudov*. Novocherkassk: Rostov-ofset-print, 2002. S. 37–41.
23. RGVIA. F. 330. Op. 7. D. 109. L. 10 ob.
24. RGVIA. F. 330. Op. 7. D. 109. L. 23, 27ob–28.
25. RGVIA. F. 330. Op. 7. D. 109. L. 30.
26. Alfavitnyy ukazatel statey, pomeshchennykh v neofitsialnoy chasti Donskikh oblastnykh vedomostey... S. 31–41.
27. Pryanishnikov I.P. *Materialy dlya istorii Voyska Donskogo*. Gramoty. Novocherkassk: Voyskovaya tipografiya, 1864. 333 s.
28. Kuzmin P.A. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voyske Donskom // *Russkiy vestnik*. 1864. № 49, 50.
29. Kuzmin P.A. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voyske Donskom...
30. Kuzmin P.A. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voyske Donskom...
31. Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (dalee – OR RGB). F. 169. Kart. 62. Ed. khr. 33. L. 1–10b.
32. OR RGB. F. 169. Kart. 64. Ed. khr. 76. L. 13–13ob.
33. OR RGB. F. 169. Kart. 64. Ed. khr. 76. L. 14.
34. OR RGB. F. 169. Kart. 52. Ed. khr. 1. L. 15–16ob.
35. RGVIA. F. 330. Op. 1. D. 3. L. 13.
36. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske...
37. *Russkiy invalid*. 1866. № 93. 15 aprelya.

38. Donskoy vestnik. 1869. № 4. 27 yanvaryaya
39. Markedonov S.M. Donskoe kazachestvo: fenomen mezhtsivilizatsionnogo dialoga // Obschestvennye nauki i sovremennost. 1997. № 2. S. 189.
40. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
41. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2006. 240 p.
42. Miller A.I. “Ukrainskiy vopros” v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). SPb.: Aletyya, 2000. S. 76–115.
43. Hroch M. European Nations: Explaining Their Formation / translated by K. Graham. London; New York: Verso, 2015. 336 p.

УДК 94(47).081

Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть III

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
347936, Ростовская область, Таганрог, улица Инициативная, 46
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются знаковые для «казакоманства» тексты И.И. Краснова, А.А. Леонова, Х.И. Попова, в которых затрагивается проблема «казачьей народности». Раскрываются детали переписки военного министра Д.А. Милютина с войсковым наказным атаманом П.Х. Граббе по поводу «захвата» «Донских ведомостей» «партией замкнутости». Подводятся итоги исследования.

Ключевые слова: «казачья народность», иногородние, войсковой круг, донской сепаратизм.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 208–217, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.208
www.ejournal15.com

UDC 947

Organization of the Village Self-Government as the Basis of the Cossack Daily Life (The Case of the Kuban Cossack Host)

Elena V. Godovova

Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russian Federation
26, Kuracha Street, Orenburg, 460000
PhD (History), Associate Professor
E-mail: godovova@mail.ru

Abstract

The paper presents the evolution of the formation of the local government system in the Kuban Cossack Host in Russia. This system has been transformed at the beginning of the 20th century. Growing disunity based on the difference of property possessions, education level, and psychological conflicts along with administrative pressure resulted in the reducing responsibility of the elected persons, and the increasing degree of laziness and indifference of the Cossacks. But, despite this, the Cossack communities continued to live, to regulate the property relations, to solve social problems.

Keywords: Kuban Cossacks, village self-government, everyday life, ataman of the stanitsa, stanitsa meeting, stanitsa court, Cossack community.

Введение

Изучение повседневной жизни казачества как самобытного и специфического сословия России XIX в. невозможно без анализа станичной среды, в которой оно эволюционировало. Казачья станичная община была элементарной единицей войскового деления, сохраняла специфические черты самоуправления, реализации воинских приоритетов, взаимопомощи, половозрастную структуру [1].

Станичное самоуправление является одной из популярных тем казачьего дискурса. Свои исследования в этой области проводят не только историки-казаковеды, но и правоведы, социологи, политологи и философы [2–7]. Новизной данной работы является то, что автор рассматривает проблему эволюции станичного самоуправления с позиции социальной истории, т.к. модернизационные процессы, происходившие в России в пореформенный период, повлияли на повседневную жизнь казаков, их отношение к власти и друг к другу.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает нормативно-правовые акты, архивные документы, этнографические отчеты, воспоминания, материалы периодической печати, характеризующие систему станичного управления кубанского казачества. В статье применены реконструктивный, историко-сравнительный, историко-генетический, биографический методы исследования.

Обсуждение и результаты

Казаки, проживавшие в станице «с принадлежавшими ей поселками и поселениями», составляли станичное общество. Казачья община в отличие от крестьянской была учреждением не только гражданским, но и военным, а следовательно, круг ее деятельности был шире «на всю сумму тех нужд и потребностей, которые вытекали из условий казачьего военного быта» [8].

Согласно «Положению об общественном управлении в казачьих войсках», утвержденному 13 мая 1870 г., решением станичных дел занимались: станичный сбор, станичный атаман, правление и суд [9]. Действие этого документа распространилось на все казачьи войска, кроме Уральского, для которого, согласно закону, были «установлены особые правила по устройству общественного управления казаков» [10]. Органы местного самоуправления составляли: станичный сход (круг), станичный атаман со станичным правлением и станичный суд.

Спустя 21 год, в 1891 г., было утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Как отмечал военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский, в новое положение включили ряд мер, направленных: 1) к более правильному устройству станичных и хуторских сборов и разрешению в них общественных дел; 2) к более правильной и отвечающей потребности населения деятельности станичного суда; 3) к замещению общественных должностей достойными лицами; 4) к обеспечению исправного отправления ими земских и станичных повинностей и пополнения недоимок [11]. В административную систему станичного самоуправления также входили: станичный сбор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд.

Станичные сходы. По положению 1870 г. в станичный сход входили все домохозяева, принадлежащие к станичному обществу. Он обладал следующими правами: избирать атамана станицы, судей и писарей, назначать различных должностных лиц, например церковного старосту, смотрителя хлебного магазина и др., и осуществлять контроль над их деятельностью, назначать жалование или иное вознаграждение станичным должностным лицам, распределять паевые надель, сдавать земли в аренду, определять очередность и порядок несения земских повинностей, использовать средства станичного капитала [12].

Архивные данные по Кубанскому казачьему войску свидетельствуют, что станичный сход обеспечивал казакам прямую защиту. Атаман станицы Абхазской защищал своего станичника Т. Онищенко от кредитора [13]. Правление станицы Попутной в 1873 г. поддержало казака Буланкина, который был незаконно оштрафован на 8 руб. за порубку леса в юрте станицы Передовой [14]. Расшеватский станичный сбор вступился за чабана Е. Горлова, который избил земельного поверенного станицы Темижбекской С. Щеглова, когда последний застал его на пастбище своей станицы. Сходу удалось доказать, что Щеглов неоднократно вымогал у расшеватских пастухов деньги и нарушил обычай, согласно которому казаки соседних общин свободно пасли скот на землях друг друга. Щеглов был посрамлен и, опасаясь судебного преследования, поспешил замять дело [15]. Казаки поддерживали и тех чужаков, которые оказывали общине услуги. Сход станицы Абинской постановил снизить налогообложение для темрюкского мещанина Борзика на 243 руб. 20 коп. за его неоднократную помощь станице «как деньгами, так и делами» [16].

На станичном сходе каждый казак пользовался правом голоса наравне с другими; лишали права голоса буянов, пьяниц, порочных или сильно скандаливших лиц [17]. Так, приговором от 29 мая 1879 г. общество станицы Упорной Кубанского казачьего войска освободило своего казначея Тимофеева от должности и лишило его права участия в сходах за то, что он 15 мая, столкнув станичного атамана Числова с лошади, заявил в правлении, что атаман утерян, а затем начал звонить в колокола, чем нарушил спокойствие станицы. На просьбы станичного писаря урядника Жужнева прекратить бить тревогу не обратил никакого внимания [18].

Следует отметить, что лишение участия в сходах считалось для казаков, дорожащих своим положением, довольно чувствительным наказанием, и, осознавая, что завтра любой из общины мог оказаться на месте этого «несчастливого», казаки терпимо относились друг к другу и строго отличали «своих заблудших, но подающих надежды на исправление членов от лиц, явно вредных и неисправимо порочных» [19]. Следить за поведением оступившегося

человека – пьющего, буянившего, гулящего – общество поручало соседям, родителям, супругам и детям. Например, общество станицы Кисляковской в 1872 г. постановило сделать внушение молодому казаку, сильно выпивавшему и буянившему, и поручило надзор за его поведением двум соседям [20].

Казачьи сходы были многочисленными, по данным, приводимым Ф.А. Щербиной, на них собирались 500–700 и более человек (особенно зимой), при этом казаки по сравнению с крестьянами отличались дисциплинированностью. Вероятно, особое уважительное отношение казаков к власти, старикам заставляло их сдерживать себя во время обсуждения каких-либо вопросов, давая возможность высказываться всем желающим. Только когда дело касалось какого-то особо острого вопроса, казаки оживлялись и обсуждение становилось бурным. Конечно, не все казаки принимали участие в сходах, за что получали наказание: в кубанских станицах в 1870-е гг. за «неисправное посещение» были установлены штрафы от 50 коп. до 9 руб. Однако важнейшие общественные дела решались при значительном участии домохозяев [21].

В целом станичные сходы согласно положению 1870 г. обладали широкой юрисдикцией, но не довольствовались только тем, что было предписано законом, а применяли и обычное право, опираясь на общинную власть.

Применение «Положения об общественном управлении в казачьем войске» 1870 г., с одной стороны, позволило казакам самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений в станицах и поселках, определением очередности выхода на полевую службу, но, с другой стороны, решения, принимаемые станичными обществами, не всегда были правильными. Например, сына вдовы с тремя детьми могли поставить первоочередным, а тех, кто побогаче, и зажиточных (первоначально договорившихся и подкупивших ряд людей) – во вторую очередь и ниже [22].

Новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г. было призвано усовершенствовать систему управления. Согласно этому документу, станичный сбор (сход) состоял из станичного атамана, его помощников, судей, казначея и казаков. В тех станицах, где было до 30 казачьих дворов, в сходе принимали участие все казаки, в станицах больше 30 казачьих дворов, но менее 300 на сход посылали около 30 выборных. В станицах, имеющих более 300 дворов, в сходе участвовали выборные казаки, по одному от каждого 10 дворов [23]. Избирать и быть избранным мог каждый казак, достигший 20 лет, не состоящий под следствием или под судом.

Станичному сбору предоставлялись большие полномочия по регулированию местных хозяйственных и иных вопросов, четко определенных в его правах и обязанностях. Одной из основных обязанностей станичного схода была охрана общественной собственности, чтобы «польза общая была предпочитаема частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоил не принадлежавшее ему» [24]. Среди других обязанностей схода было: избрание хуторских, станичных атаманов и членов станичного управления, открытие начальных училищ и кредитных учреждений, установление общественных запашек, распределение поземельного довольствия между всеми поселениями станицы, выдача хлебных или денежных ссуд нуждающимся, контроль над исправным снаряжением казаков на службу, исключение из станичного общества его членов и прием новых [25]. В XIX – начале XX вв. сход контролировал и передвижение казаков. Так, в 1901 г. казак станицы Переправной К.Д. Саранчин с согласия сбора переехал в станицу Прочноокопскую. Житель станицы Ширванской Г. Рудаков был отпущен сбором на год «в разные места Эриваньской губернии» [26].

Станичные атаманы. Первое место на станичном сходе занимал станичный атаман. Согласно положению 1870 г. он управлял повседневным ведением дел, являлся административно-полицейским лицом, которому подчинялись все проживающие в пределах станичного юрта люди, т.е. представители войскового и невойскового сословия. Так, он был обязан следить за соблюдением законности и порядка, принимать решения в условиях чрезвычайных ситуаций, исполнять приговоры станичного суда и прочих судебных учреждений. По делам общественным станичный атаман был обязан управлять деятельностью станичного схода; следить за состоянием дорог, мостов, перевозов;

наблюдать за выполнением обязанностей должностными лицами общественного управления [27]. Следил станичный атаман и за отбыванием казаками военной службы.

Положение об общественном управлении станиц 1891 г. конкретизировало некоторые права и обязанности станичных начальников. Так, станичный атаман должен был следить за порядком в пределах станичного юрта, имел право наказывать дебоширов и хулиганов путем наложения административного взыскания: денежного штрафа в размере не более трех рублей в пользу общественных сумм или ареста на срок не более трех дней либо назначения общественных работ и станичных повинностей на срок до трех дней [28]. Станичный атаман выполнял и полицейские функции. Он осуществлял руководство деятельностью станичного сбора, собирал и распускал его, претворял в жизнь решения выборных. Атаман был ответственным за сохранность и приумножение общественного имущества и объектов государственного значения, находящихся в пределах юрта, имущества частных лиц, находившегося под надзором станичного правления. Он должен был обеспечить своевременный выход казаков на службу, отвечал за наличие у них необходимого обмундирования и снаряжения. Атаман организовывал выполнение казаками и прочих повинностей, а также распоряжений вышестоящих властей [29]. Ему предоставлялось право разрешать отлучки из станицы казакам служилого состава до одного месяца, а остальным станичникам – до одного года. С 1903 г. в Донском, Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском и Семиреченском казачьих войсках атаман мог разрешать с согласия станичного сбора отлучки до одного года казакам третьей очереди и запасного резерва [30].

Станичный атаман вместе с помощниками и казначеем входили в состав исполнительного органа власти – станичного правления, которое состояло из станичного схода, позже замененного выборными от каждого десятка домохозяев станицы [31]. Станичное правление решало дела станичного схода, ежемесячно проверяло станичные суммы и станичные хлебные запасные магазины, ежегодно избирало от четырех до двенадцати очередных судей для станичного суда, который собирался через каждые две недели по воскресеньям (если необходимо, то чаще) [32].

В станичные атаманов на Кубани выбирали отставных чиновников в возрасте от 42 до 50 лет [33]. При выборе атамана народ требовал, чтобы он не только умел писать, но и был честным, общительным, открытым для просьб и иногда мог пригласить на рюмку водки [34]. Как отличие звания станичному атаману присваивалась насека¹, также он отличался от других станичников особой формой одежды. Современник, описывая уманского станичного атамана, отмечал его особую солидность и свойственную военным манеру держаться. Высоко поднятая голова, озабоченный взгляд, важная походка, скрип сапог при каждом шаге, оружие и другие «атаманские доспехи» – все выдавало в нем человека, «которого голой рукой не возьмешь» [35].

Станичный атаман являлся высокостатусным казаком. Особое внимание атаманов уделяли нравственности жителей. Воров, пьяниц, бездельников подвергали телесным наказаниям, а с любителями «воспитывать» жен проводили воспитательные беседы. Автор одной из заметок в местной газете писал, что благодаря усилиям атамана в станице Березанской не стало хулиганства, воровства, грабежей, убийств. Прекратились даже драки между молодыми людьми, не говоря уже о том, что на замечания взрослых станичников молодежь перестала отвечать дерзостью и оскорблениями. Собравшиеся на улице молодые казаки при одном только возгласе какого-нибудь шутника: «Атаман идет!» – разбежались в разные стороны, не желая попасть под его горячую руку. Почтенные старики с большим уважением и благодарностью отзывались о своем атамане, хвалили его за то, что он молодежь «учит уму-разуму» [36].

Станичный атаман должен был быть хорошим хозяйственником. Например, за время нахождения на службе атамана станицы Ивановской Кубанского казачьего войска Д.П. Бирюка в 1875 г. размер общинной казны достиг 160 тыс. руб. [38]. Ушаков, атаман станицы Архангельской, в 1878 г. привлек внимание тем, что за шесть месяцев своего

¹ Насека – род булавы, знак достоинства низших казачьих начальников и станичных атаманов; длинная деревянная трость, обвитая резьбой в виде веток и окрашенная под орех, а на ней серебряная головка, небольшое шаровидное навершие [37].

атаманства реконструировал станичную тюрьму, построил пожарное депо и почту, отремонтировал мост и начал строить станичное училище [39].

Об атамане Уманской станицы Д.К. Павлоградском станичники вспоминали как о рачительном хозяине, которого волновало все: строительство храма и казачьей школы для мальчиков, отгрузка хлеба и финансовые отчисления, неустроенность дорог и бедность станичников. Он добился строительства железнодорожной ветки Ейск – Сосыка, преодолев при этом сопротивление тех, кто боялся потерять часть пашен и пастбищ, попавших в полосу отчуждения вдоль полотна железной дороги. Прокладка этой дороги обеспечила станичникам дополнительный заработок, и во многие семьи пришел достаток – «возводились новые дома под железной кровлей или камышом под “щетку”. Усадьбы “одевались” в тесовые заборы и частокол с добротными воротами и лавками». В станице «стало больше “однобоких” тротуаров, сбитых по две доски. Пополнялась и казна станичного правления» [40].

С.А. Венеровский, находясь в должности атамана Темрюкского отдела, выхлопотал пенсию вдове знаменитого героя Севастопольской обороны есаула Даниленко. Дети есаула Даниленко после смерти отца пытались добиться получения пенсии их матерью, но безрезультатно. Для решения этого вопроса атаман С.А. Венеровский обратился к областному атаману М.А. Цакни, привел различные доводы и добился выплаты пенсии [41]. В списке перечисленных заслуг умершего в 1899 г. атамана станицы Николаевской есаула В.А. Соколова первое место занимает постройка хлебных магазинов [42]. Между тем некоторые наблюдатели рубежа XIX–XX вв. отмечали, что станичные атаманы, желая прослыть «крепкими хозяйственниками», старались построить какое-нибудь новое здание, не слишком задумываясь над его необходимостью. Так сильно было желание остаться в памяти потомков [43].

Следует отметить, что станичные общества нередко страдали как от самодурства, так и от пассивности своих атаманов. Так, 11 марта 1870 г. в станице Бриньковской произошли беспорядки, и атаман урядник Анопко был уволен с должности за попустительство [44]. В 1881 г. в станице Баталпашинской местный атаман Фендриков, будучи в дурном настроении, осыпал оскорблениями станичного учителя и велел ему убираться из станицы [45]. Иногда подобные действия наказывались. В 1906 г. случалось, что атаманы и писари грубо выгоняли из станичных правлений казачек, пришедших, чтобы получить пособие [46]. Кубанский атаман Ложко прославился своей жестокостью и несправедливым отношением к казакам и их семьям [47].

Используя служебное положение, часть атаманов эксплуатировала общественное имущество в корыстных целях. Некоторые атаманы только таким способом могли поддерживать достойный образ жизни, т.к. их жалование было слишком низким, а прочие доходы – скудными. Последние росли гораздо медленнее цен [48]. В 1896 г. родниковский атаман был уличен в растрате общественных сумм [49]. Общество станицы Березанской в 1917 г. подало иск на бывшего атамана Шрамко, обвиненного в незаконном пользовании землей, за которое общество хотело взыскать с него 1161 руб. 52 коп. [50].

Материалы кубанской периодики предоставляют и другие примеры хозяйственной безответственности атаманов. В станицах случались сильные пожары из-за отсутствия полноценных средств борьбы с ними. В 1911 г. пожар на гумне кужорского казака Филонова был потушен при помощи самоотверженных соседей. Атаман и пожарный расчет появились с большим опозданием [51].

Выдвинув надуманные обвинения, казаки могли переизбирать неугодных им атаманов. В 1875 г. газета «Кубанские областные ведомости» сообщила, что в ее редакцию поступает непропорционально большое количество жалоб на станичных атаманов [52]. «Законные требования своего атамана не всегда нравятся лабинцам, почему поступило немало жалоб и доносов на него», – отмечал войсковой атаман после инспекционной поездки [53]. Порой станичники никак не могли определиться, какой же атаман им нужен. Нерадивых и потаковщиков они сменяли за неспособность управлять станицей. Строгих и инициативных – из зависти и нежелания подчиняться дисциплине. Не случайно в 1891 г. были ужесточены наказания за оскорбление станичного атамана и членов станичного правления при исполнении служебных обязанностей [54].

В целом экономические отношения рыночного типа, проникающие в станицу, постепенно разрушали институт атаманства, но источники свидетельствуют, что пьяниц, казнокрадов, дебоширов в станичное и поселковое руководство попадало гораздо меньше, чем порядочных, справедливых и хозяйственных руководителей, пользующихся всеобщим уважением.

Казачьи суды. Правовую станичную систему составляли нормы как обычного, так и писаного права (в форме войсковых приказов, приговоров). Причем значение первых сохранялось вплоть до начала XX в. Как отмечает М.А. Рыблова, нормы обычного права к концу XIX в. контролировали имущественные, поземельные, семейно-брачные и другие отношения, «демонстрируя, с одной стороны, прежнюю жесткость, с другой – приспособляемость к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям жизни казачьих общин» [55].

Структуру и регламент работы казачьих судов разных уровней подробно описывает в своей статье Федор Крюков. Станичный суд состоял из суда станичных судей, который существовал в каждой станице, и суда почетных судей (одного на две станицы). Станичный суд рассматривал земельные споры: дела об огородах, базах, потравах и т.п.; семейные тяжбы, уголовные дела: кражи, драки. Поводом к началу разбирательства спора или тяжбы в станичном суде служило заявление одной из сторон – словесное или письменное. Причем обратиться в суд мог сам обиженный или же, если он был несовершеннолетним, его родители; станичный или поселковый атаман; свидетель произошедшего, если пострадавший сам по каким-либо причинам не хотел обращаться в суд. Истец и ответчик вызывались в суд за неделю повесткой. Вместо истца и ответчика в суд мог прийти близкий родственник, вместо несовершеннолетних – родители. Однако если несовершеннолетний выступал в суде в качестве свидетеля, то он должен был присутствовать лично. Неявка в суд была обычным делом. После первой и второй неявки рассмотрение дела откладывалось. После третьей (четвертой) неявки истца иск не поддерживали и дело прекращали. В случае неявки ответчика в третий раз выносили заочное решение. Обычно суд выносил одно из трех наказаний: денежное взыскание до 3 руб., арест до семи дней или общественные работы, которые практически не применялись. Телесных наказаний станичный суд не назначал, что отличало его от суда волостного [56].

Характерной чертой всех станичных судов было то, что судьи старались склонить стороны к примирению. Если стороны не шли на мировую сделку, то «суд решал дела на основании местных обычаев и правил, принятых в казачьем быту» [57]. Распространение обычая кормить и подпаивать судей привело к злоупотреблениям в станичных судах. Очевидец писал, как судья из станицы Варениковской подрался с казаком из-за того, что тот не налил ему водки. Казак вырвал судье полбороды [58]. Характерные для второй половины XIX в. социально-экономические и политические трансформации оказали влияние и на нормы обычного права, которые перестали работать в новых условиях.

Судебно-правовая система демонстрировала к концу XIX в. явные признаки кризиса, по оценкам современников, она была близка к полному параличу, многие суды потеряли доверие населения [59]. На страницах казачьей периодической печати люди жаловались на неэффективность станичных судов, отмечая, что «станичные и поселковые атаманы, возложившие все судопроизводство на станичных судей, совершенно не считают себя обязанными даже вмешиваться в это дело», что «атаман может освободить станичного судью или его сына, зятя от судебной повинности или бесплатно, или за сравнительно малую плату», что «редкий атаман приводит в свое время решение станичного суда в исполнение» [60].

Выводы

Система общественного управления станиц и поселков в окончательном виде сложилась в начале 1890-х гг. и содержала целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти. Решение жизненно важных вопросов постепенно перешло в руки казачьей верхушки и стало отражать ее интересы. Приговоры по всем относительно важным делам подлежали утверждению атаманов отделов, они должны были ревизовать все части станичного правления не менее одного раза в год. Жаловаться в столичные структуры, посылать в них выборных ходатаев казаки могли только

с разрешения наказного атамана и военного министра. При этом все жалобы и прошения, посылаемые «наверх», должны были пройти через руки атамана отдела.

К концу XIX в. под влиянием государства общинная организация приобретает окончательные формы. Л. Тмутараканский в своем этнографическом очерке отмечает все большее проявление среди казаков лени, пьянства и равнодушия [61]. Падал уровень ответственности выборных. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали свое дело. Многие выборные реальной общественной активности предпочитали ее имитацию. С ее помощью они хотели прославиться и добиться влияния [62]. Но их уже не слишком заботил уровень собственной нравственности. Современники отмечали, что многие члены станичных правлений рубежа веков были малограмотны, склонны к вымогательству и пьянству [63]. Все большее количество казаков не посещали сходы и не платили станичные сборы. Но, несмотря на эту трансформацию казачьей общины, она продолжала регулировать поземельные отношения и другие стороны казачьей жизни.

Примечания:

1. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 21.
2. Проблемы истории казачества: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Ратушняка. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1995. 304 с.
3. Научно-практическая конференция «Становление казачьего самоуправления». 26–27 февраля 1998 г.: доклады и тезисы / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 1998. 115 с.
4. Дулимов Е.В., Золотарев И.И. Самоуправление казаков – история и современность. Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. 342 с.
5. Сысоева О.Н. Роль казачьих обществ в системе местного самоуправления: социологический анализ: дис... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2007. 154 с.
6. Прокопенко Е.Е. Самоуправление казачества в условиях демократизации российского общества (на материалах Кубанского и Терского казачьих войск): дис... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. 222 с.
7. Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект): автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. 23 с.
8. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891. С. 57.
9. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. II. Т. 45. № 48 354.
10. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
11. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. С. 160–161.
12. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
14. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–30б.
15. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–32.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–20б.
17. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 60.
18. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 60.
19. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 61.
20. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 61.
21. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков... С. 67–68.
22. Мемуары и воспоминания Генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1908. С. 34.
23. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 11. № 7782.
24. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 11. № 7782.
25. Трут В. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 33.
26. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 87, 94.
27. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
28. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 11. № 7782.
29. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск // Из культурного наследия славянского населения Кубани / сост., науч. ред. Н.И. Бондарь. Краснодар: ООО «Качество», 1999. С. 174.

30. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 24 (1905 г.). Л. 100б.
31. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896: в 2 ч. / сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов; под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1901. С. 193.
32. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48 354.
33. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1888. С. 640.
34. Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник... Т. 1. С. 589.
35. Тер В. Атаман Павлоградский // Станица. 2004. 24 ноября. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1528&type=page> (дата обращения: 24.09.2015).
36. Матвеев О.В. Кубанское казачье войско (1860 – начало XX столетия) // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 223.
37. Казачий словарь-справочник: в 3 т. / сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. – Репринт. воспроизведение изд. 1968 г. М.: ТО «Созидание», 1992. Т. 2. С. 200.
38. Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. С. 114.
39. Станица Архангельская // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1878. № 35. С. 1.
40. Тер В. Атаман Павлоградский...
41. Мемуары и воспоминания Генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского... С. 89.
42. Станица Николаевская // КОВ. 1899. № 13. С. 3.
43. Старый житель. Станица Беломечетская // КОВ. 1901. № 25. С. 2.
44. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.
45. Из станицы Баталпашинской // КОВ. 1881. № 26. С. 2.
46. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.
47. Сафонов Д.Ф. По дорогам XX века, 2004. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166> (дата обращения: 25.09.2015).
48. Володин Е. Из следственной практики // КОВ. 1881. № 25. С. 1.
49. Станица Родниковская // КОВ. 1896. № 139. С. 3.
50. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.
51. Очевидец. Станица Кужорская // Майкопская газета. 1911. № 205. С. 3.
52. Екатеринодар // КОВ. 1875. № 36. С. 3.
53. Басханов А.К., Басханов М.А., Егоров Н.Д. Линейцы. Никосия, 1996. С. 129.
54. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск... С. 165.
55. Рыблова М.А. Властные структуры и представления о власти у донских казаков в XVI–XIX в. // Труды Южного научного центра РАН. Том V. Социальные и гуманитарные науки / отв. ред. Е.Ф. Кричко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 226.
56. Крюков Ф. Казачьи станичные суды // Северный вестник. 1892. № 4. С.29, 32, 37.
57. Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск: КЧИГИ, 1999. С. 86.
58. Нонишний. Станица Варениковская // КОВ. 1899. № 21. С. 2.
59. Рыблова М.А. Властные структуры и представления о власти у донских казаков в XVI–XIX в... С. 228.
60. Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: историко-правовой аспект. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002. С. 98–99.
61. Тмутараканский Л. Об экономико-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. № 16. С. 263.
62. Хорунжий Прасолов. Общественные сборы // КОВ. 1896. №15. С. 3.
63. Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.)... С. 110–111.

References:

1. Vlaskina T.Yu. Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kultury donskikh kazakov (konets XIX – seredina XX vv.) / отв. ред. N.L. Pushkareva. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2011. S. 21.
2. Problemy istorii kazachestva: sbornik nauchnykh trudov / pod red. V.N. Ratushnyaka. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo universiteta, 1995. 304 s.
3. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Stanovlenie kazachyego samoupravleniya”. 26–27 fevralya 1998 g.: doklady i tezisy / отв. ред. A.V. Venkov. Rostov n/D: Izd-vo DYUf, 1998. 115 s.

4. Dulimov E.V., Zolotarev I.I. Samoupravlenie kazakov – istoriya i sovremennost. Rostov n/D: DYU, 1998. 342 s.
5. Sysoeva O.N. Rol kazachikh obschestv v sisteme mestnogo samoupravleniya: sotsiologicheskiy analiz: dis... kand. sots. nauk. Novocherkassk, 2007. 154 s.
6. Prokopenko E.E. Samoupravlenie kazachestva v usloviyakh demokratizatsii rossiyskogo obschestva (na materialakh Kubanskogo i Terskogo kazachikh voysk): dis... kand. polit. nauk. Stavropol, 2006. 222 s.
7. Ozerov A.A. Vozrozhdenie kazachestva: idei i sotsialnaya praktika (sotsialno-filosofskiy aspekt): avtoref. dis... kand. filos. nauk. Rostov n/D, 2003. 23 s.
8. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov // Kubanskiy sbornik. T. 2. Ekaterinodar: Tipografiya A.P. Stashevskogo, 1891. S. 57.
9. Polnyy svod zakonov Rossiyskoy imperii (dalee – PSZRI). Sobr. II. T. 45. № 48 354.
10. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
11. Abramovskiy A.P., Kobzov V.S. Orenburgskoe kazachye voysko v trekh vekakh. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, 1999. S. 160–161.
12. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
13. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (dalee – GAKK). F. 1. Op. 1. D. 38. L. 31.
14. GAKK. F. 355. Op. 1. D. 23. L. 1–3ob.
15. GAKK. F. 358. Op. 1. D. 43. L. 1–32.
16. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 1. L. 2–2ob.
17. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 60.
18. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 60.
19. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 61.
20. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 61.
21. Scherbina F.A. Zemelnaya obschina kubanskikh kazakov... S. 67–68.
22. Memuary i vospominaniya Generala-ot-kavalerii Stefana Aleksandrovicha Venerovskogo. SPb.: Tipografiya V.D. Smirnova, 1908. S. 34.
23. PSZRI. Sobr. III. T. 11. № 7782.
24. PSZRI. Sobr. III. T. 11. № 7782.
25. Trut V. Dorogoy slavy i utrat. Kazachiy voyska v period voyn i revolyutsiy. M.: Yauza, Eksmo, 2007. S. 33.
26. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 16. L. 87, 94.
27. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
28. PSZRI. Sobr. III. T. 11. № 7782.
29. Polozhenie ob obschestvennom upravlenii stanits kazachikh voysk // Iz kulturnogo naslediya slavyanskogo naseleniya Kubani / sost., nauch. red. N.I. Bondar. Krasnodar: OOO “Kachestvo”, 1999. S. 174.
30. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 1149. Op. 13. D. 24 (1905 g.). L. 10ob.
31. Istoriya Khoperskogo polka Kubanskogo kazachyego voyska. 1696–1896: v 2 ch. / sost. esaul I Kubanskogo polka V. Tolstov; pod red. V.A. Potto. Tiflis: Tipografiya shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1901. S. 193.
32. PSZRI. Sobr. II. T. 45. № 48 354.
33. Kirillov P. Novominskaya stanitsa. Statisticheskoe opisanie // Kubanskiy sbornik. T. 1. Ekaterinodar: Tipografiya A.P. Stashevskogo, 1888. S. 640.
34. Arkannikov F.F. Nikolaevskaya stanitsa. Statistiko-etnograficheskoe opisanie // Kubanskiy sbornik... T. 1. S. 589.
35. Ter V. Ataman Pavlogradskiy // Stanitsa. 2004. 24 noyabrya. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1528&type=page> (data obrascheniya: 24.09.2015).
36. Matveev O.V. Kubanskoe kazachye voysko (1860 – nachalo XX stoletiya) // Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii: kollektivnaya monografiya / pod redaktsiyey G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. S. 223.
37. Kazachiy slovar-spravochnik: v 3 t. / sost. G.V. Gubarev, red.-izd. A.I. Skrylov. – Reprint. vosproizvedenie izd. 1968 g. M.: TO “Sozidanie”, 1992. T. 2. S. 200.
38. Vasilyev I.Yu. Gosudarstvo i obshchestvo v sisteme tsennostey kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.): dis... kand. ist. nauk. Krasnodar, 2008. S. 114.
39. Stanitsa Arkhangelskaya // Kubanskiy sbornik (dalee – KOV). 1878. № 35. S. 1.
40. Ter V. Ataman Pavlogradskiy...
41. Memuary i vospominaniya Generala-ot-kavalerii Stefana Aleksandrovicha Venerovskogo... S. 89.
42. Stanitsa Nikolaevskaya // KOV. 1899. № 13. S. 3.
43. Staryy zhitel. Stanitsa Belomechetskaya // KOV. 1901. № 25. S. 2.
44. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 85. L. 11.
45. Iz stanitsy Batalpashinskoy // KOV. 1881. № 26. S. 2.
46. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 26. L. 33.

47. Safonov D.F. Po dorogam XX veka, 2004. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166> (дата обращения: 25.09.2015).
48. Volodin E. Iz sledstvennoy praktiki // KOV. 1881. № 25. S. 1.
49. Stanitsa Rodnikovskaya // KOV. 1896. № 139. S. 3.
50. GAKK. F. 1. Op. 1. D. 79. L. 55.
51. Ochevidets. Stanitsa Kuzhorskaya // Maykopskaya gazeta. 1911. № 205. S. 3.
52. Ekaterinodar // KOV. 1875. № 36. S. 3.
53. Baskhanov A.K., Baskhanov M.A., Egorov N.D. Lineytsy. Nikosiya, 1996. S. 129.
54. Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazachyikh voysk... S. 165.
55. Ryblova M.A. Vlastnye struktury i predstavleniya o vlasti u donskikh kazakov v XVI–XIX v. // Trudy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN. Tom V. Sotsialnye i gumanitarnye nauki / otv. red. E.F. Krinko. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2009. S. 226.
56. Kryukov F. Kazachyi stanichnye sudy // Severnyy vestnik. 1892. № 4. S.29, 32, 37.
57. Kurakeeva M.F. Verkhnekubanskije kazaki: byt, kultura, traditsii. Cherkessk: KChIGI, 1999. S. 86.
58. Nonishniy. Stanitsa Varenikovskaya // KOV. 1899. № 21. S. 2.
59. Ryblova M.A. Vlastnye struktury i predstavleniya o vlasti u donskikh kazakov v XVI–XIX v... S. 228.
60. Chemyakin E.A. Istoricheskie traditsii kazachyego samoupravleniya v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt. Volgograd: GU "Izdatel", 2002. S. 98–99.
61. Tmutarakanskiy L. Ob ekonomiko-sotsialnom znachenii pozemelnoy vladeniya kubanskikh kazakov // Kubanskiy sbornik. Ekaterinodar, 1911. № 16. S. 263.
62. Khorunzhiy Prasolov. Obschestvennye sbory // KOV. 1896. №15. S. 3.
63. Vasilyev I.Yu. Gosudarstvo i obshchestvo v sisteme tsennostey kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.)... S. 110–111.

УДК 947

Организация станичного самоуправления как основа повседневной казачьей жизни (на примере Кубанского казачьего войска)

Елена Викторовна Годовова

Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация
460000, Оренбург, улица Курача, 26
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: godovova@mail.ru

Аннотация. В статье представлена эволюция системы местного самоуправления в Кубанском казачьем войске. К началу XX вв. эта система трансформировалась. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали свое дело: падал уровень ответственности выборных, в казаках все больше проявлялись лень и равнодушие. Но, несмотря на это, казачья община продолжала жить, регулировала поземельные отношения, решала разнообразные станичные проблемы.

Ключевые слова: кубанское казачество, станичное самоуправление, повседневная жизнь, станичный атаман, станичный сход, станичный суд, станичная община.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 218–228, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.218
www.ejournal15.com

Casus: The History of Russia in the Small Peas

UDC 94(47)

The Everyday Leisure Practices of the Kuban Cossack Host Officers in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries

Aleksandra V. Gayvoronskaya

Research Centre for Traditional Culture
Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Krai
Kuban Cossack Choir, Russian Federation
16, Klubnaya Street, Krasnodar, 350051
PhD (History)
E-mail: krasnodar-23@newmail.ru

Abstract

The paper analyzes leisure practices of the Kuban Cossack officers in the second half of the 19th – the early 20th centuries and factors influencing their choice. Various forms of leisure and entertainment accessible to different groups of the Cossack officers are reconstructed on the basis of analysing memoirs, diaries and other sources. The author describes trips to the neighbouring towns, amateur performances, visiting officers' clubs, amateur photography, riding, hunting etc.

Keywords: Kuban Cossack Host, officers, daily life, leisure, personal narratives.

Введение

В предпринимавшихся ранее исследованиях по реконструкции повседневной жизни казачьего офицерства акцент приходился на изучение его служебной повседневности [1–3], в тени которой оставалась такая важная часть каждодневной жизни офицера, как досуг. Изучение досуговой составляющей позволит не только очертить круг возможных занятий и развлечений казачьих офицеров в заданный период времени, но и определить факторы, оказывавшие влияние на формирование офицерского досуга, а также обозначить степень самостоятельности офицера в выборе досуговых предпочтений.

Материалы и методы

Исследование различных аспектов досуговой сферы повседневности офицеров Кубанского казачьего войска потребовало привлечения источников разнообразного характера, среди которых особенное место было отведено оставленным мемуарным свидетельствам и сохранившимся дневниковым записям, открывающим перед современными исследователями целый мир внутренних переживаний авторов. Были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-

психологический методы, а также метод вживания и вчувствования с последующей интерпретацией «чужих мыслей и слов».

Обсуждение и результаты

Занятость казачьего офицера на службе не была одинаковой и зависела от конкретных служебных обязанностей, взаимоотношений с сослуживцами, собственного отношения к службе и много другого, поэтому и количество свободного времени, которым располагали офицеры в течение суток, было разным. В своих устных воспоминаниях, записанных в виде многочасового интервью, генерал В.М. Молчанов, обращаясь к теме офицерского досуга в бытность своей службы на Кавказе, неоднократно подчеркивал ежедневный недостаток свободного времени у молодых офицеров: «У нас практически не было свободного времени... оставалось для отдыха только воскресенье. По будним дням у нас никогда не было времени, но в субботу вечером и в воскресенье у нас оставалось немного времени для общения» [4]. Но даже в это, казалось бы, свободное, не занятое службой время офицер не был вполне свободен в выборе способа своего отдыха и развлечения [5]. Полковые праздники, парады, обеды, ужины с обязательным присутствием всех офицеров поглощали значительную часть офицерского досуга.

С началом службы и в последующие годы многие офицеры сталкивались с проблемой поиска жилья. Отсутствие подходящего, когда «в значительных городах большинство офицеров принуждено жить чуть ли не в подвалах или в мансардах», а главное, его дороговизна тяготили в первую очередь семейных офицеров, «так как ныне существующий оклад настолько недостаточен, что даже штаб-офицеру нанять сносную квартиру, отопить ее (в продолжение длинной 5 месячной суровой зимы – при дороговизне дров от 24 до 30 руб. за сажень) и осветить ее на отпускаемые ныне квартирные деньги положительно невозможно» [6]. Для холостых офицеров квартирный вопрос зачастую благополучно разрешался благодаря своевременной поддержке друзей и сослуживцев: «Временно, до получения квартиры в казармах полка, меня принял к себе сотник Б. <...> Вскоре мне и хорунжему Евгению Николаевичу Попову дали квартиру на четвертом этаже, на “голубятне”. У нас было три комнаты. В крайних жили мы, а средняя, проходная, была пуста. <...> Года через два хорунжий Попов перешел в другую квартиру, и его комнату занял хорунжий Константин Павлович Золотарев, с которым я, как и с Е.Н. Поповым, был в самых дружеских отношениях» [7].

Обзаведение собственным жильем, даже если это была только отдельная комната в общей квартире, и расширение личного пространства вносили ощутимые изменения в жизнь молодого человека, несколько лет жизни которого до этого прошли в стенах закрытых военно-учебных заведений, где «строгое и точное, по часам и минутам, расписание повседневно обихода... День и ночь, работа и досуг, даже интимные отправления – все на людях, под обстрелом десятков чужих взоров» [8]. Теперь, став офицером, бывший юнкер чувствовал себя более свободным в организации собственного досуга и выборе привлекающих его занятий и развлечений. В то же время привычка к постоянному контролю, сложившаяся за годы обучения, подчас мешала, а отсутствие такового становилось настоящим препятствием в неудачных попытках самоорганизации и распределения свободного времени и расстраивало самые продуманные планы: «И как много было надежд и планов в то время. <...> Какая строгая программа жизни намечалась! <...> И вот книги лежат уже девять месяцев на этажерке, <...> газеты с неразорванными бандеролями валяются под письменным столом, журнал больше не высылают за невзнос очередной полугодовой платы, а сам подпоручик Ромашов пьет много водки в собрании, имеет длинную, грязную и скучную связь с полковой дамой, <...> играет в штосс и все чаще тяготеет к службе, и товарищами, и собственной жизнью» [9].

Мечты только произведенного офицера по устройству своего досуга разбивались о незнание жизненных реалий, и размышления героя очерка, размещенного на страницах «Разведчика», в той или иной степени были свойственны многим молодым офицерам: «О материальных средствах к жизни представления, конечно, не имел никакого, и мое будущее жалование, 48 рублей (считая тут и квартирные деньги), казалось мне, как и большинству таких же неопытных моих товарищей, слишком достаточным для совершенно безбедной жизни. Помню, что, рассчитав мой ежемесячный бюджет, я полагал

тратить на театр и прочие удовольствия 15 рублей в месяц, и эта последняя цифра мне казалась настолько крупной, что я был вполне уверен в невозможность даже прокутить такую большую сумму (родители мои умерли до поступления моего в училище, и, будучи юнкером, я не имел никогда более двух рублей в месяц; живя в училище на всем готовом, я не тяготился таким безденежьем)» [10]. Рассчитывая только на собственное жалование, офицер в самое ближайшее время оказывался в ситуации, когда «нужно было, следовательно, входить в новые долги до тех пор, пока жизнь не научила: что значит беречь каждую копейку» [11].

С обзаведением семьей стесненность в средствах, выделяемых на развлечения, только возрастала. В офицерском бюджете, приведенном на страницах периодического издания штаб-капитаном, семейство которого состояло из «жены, трех детишек и денщика», среди перечисленных расходов напрочь отсутствовали траты «на гостей, на театры, на концерты, на выписку газет и жуналов... Нет расходов на улучшение пищи в дни праздников, кроме больших. Мы не знаем, что такое именины, рождение и крестины. В доме моем никогда не употребляется водка, вино» [12]. Расходы семьи в течение года, разложенные на один месяц, составляли 110 руб. 90 коп., что превышало получаемое жалование на 21 руб. 40 коп.

Иначе обстояли дела у тех офицеров, которых материально поддерживали родные. Описывая свою службу в Екатеринодаре, А.Г. Шкуро вспоминал: «Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали. Несмотря на то что папаша давал мне в дополнение к жалованию ежемесячно 200 рублей – сумму немалую по тогдашней дешевизне жизни, особенно если принять во внимание, что я жил в родительском доме на всем готовом, – мне вечно не хватало денег, и я влез в долги» [13].

Полученные от родных, с трудом сэкономленные или даже одолженные деньги находили разное применение. Подробности развлечений офицерской молодежи сохранились благодаря документам официального делопроизводства, таким как, например, прошение екатеринодарского мещанина Якова Гутмана на имя наказного атамана об уплате ему подъесаулом 2-го Полтавского полка Педино и офицерами 1-го Черноморского полка подъесаулом Крыжановским и хорунжими Горбачевым, Брагуновым, Казановым и Помазановым 106 руб. 75 коп., и переписка дальнейшего разбирательства. Суть претензии шофера Гутмана состояла в том, что упомянутые офицеры отказались оплатить ему аренду и ремонт заказанного автомобиля, а также во время последовавшей перепалки ругали его «площадной бранью, угрожая револьверами и пашками», и толкали его, отчего он упал [14]. Проведенное расследование показало, что «28 апреля 1912 года компания перечисленных выше офицеров, пообедав в Центральной гостинице в 4 ½ час. дня отправилась в загородный сад “Яр”, при чем подъесаул Педино и хорунжий Казанов поехали на фаэтоне, а остальные – на автомобиле. Покатавшись на моторной лодке по Старой Кубани, офицеры пожелали выехать из загородного сада в 6 час. вечера, но шофера у автомобиля не оказалось. <...> Прождав с 1–1 ½ час. шофера и не имея других перевозочных средств, офицеры решились поехать на автомобиле в город с тем, чтобы автомобиль сдать в полицию, но не умея управлять таковым, проехали саж. 20, правым передним колесом въехали в канаву» [15]. По свидетельству очевидцев, «все офицеры были выпивши, и шофер отлучился в город с ведома их», что расходилось с показаниями самих офицеров. Из обозначенной просителем значительной суммы «52 руб. приходится за время занятия ими автомобиля с 4 ½ час. дня по 11 час. ночи, согласно соглашения по 8 руб. за каждый час, и 54 руб. 75 коп. за исправления поврежденных и поломанных частей автомобиля», среди которых «оказались порванным вентиляционный ремень, погнуты крылья и повреждены некоторые части машины» [16].

В какой степени являлось отмеченное в служебной переписке нетрезвое, вызывающее состояние офицеров частью нормы офицерского поведения, судить сегодня непросто. Неотъемлемой частью офицерского досуга в то время оставались обязательные пирушки, описанные практически всеми мемуаристами, непременным атрибутом которых были и алкогольные напитки: «В полку пили только французские вина “Монополь”, “Редерер”, “Мум”. Было в собрании и наше русское “Абрау-Дюрсо”. Французское шампанское стоило флакон 6 рублей, а “Абрау-Дюрсо” 3 рубля. “Мум” почти никогда не пили, и я спросил, зачем его выписывают из Франции, когда есть, по той же цене, лучшие марки – “Монополь”

и “Редерер”, тем более, что “Мум” никто не требует. Мне ответили: “Когда офицер так подохнет, что ему трудно выговорить «редерер» или «монополь», он всегда может промычать «мум»” [17]. В то же время личное отношение к алкоголю, и тем более пристрастие к нему, за редким исключением мемуаристами обходилось стороной. Никак не комментируя давнюю традицию совместных офицерских застолий, Е.И. Балабин нашел необходимым подчеркнуть собственное решение не употреблять спиртного до женитьбы: «Я твердо держался своего обещания... не пить ни водки, ни вина. Когда же в 1906 году женился, к нам часто приезжал мой тесть – инженер путей сообщения действительный статский советник Воробьев. Он любил выпить перед обедом рюмку водки, а компаньона не было. Жена начала уговаривать пить рюмку водки, когда приезжает тесть. Я стал при нем выпивать рюмку водки. Потом стал иногда и без него пить одну рюмку, пил в собрании при офицерах, и все-таки меня считали абсолютно непьющим. О моей исключительной трезвости знали и все офицеры Атаманского полка... Пьяным я никогда в жизни не был и больше одной рюмки никогда не пил» [18]. Осознавая необычность избранной позиции, мемуарист вспоминал о хитростях, позволявших ему не выделяться и не привлекать к себе излишнее внимание окружающих: «Мне собранский казак незаметно приносил бокалы с грушевой водой Дудергофских ключей – прекрасный напиток, который невозможно было по виду отличить от шампанского» [19]. Подтверждают исключительность такого поведения для офицера и сохранившиеся дневниковые записи: «После и до смотров шли выпивки – необходимая принадлежность всякой встречи и между офицерами. Кто бы и где бы ни встретился: “Что же, зайдем – колупнем, что ли?” С другой стороны нет никогда отказа» [20]. Общим в отношении офицерской среды к такого рода способам проведения досуга представляется не осуждение или снисхождение, а признание только необходимости ограничения возможных излишеств: «Так если он пьет, то не должен пить до неприличия, если он играет в карты, то не должен зарываться в игру настолько, чтобы это могло вредно отзываться на его бюджете, в виде долгов; если позволяет себе некоторые удовольствия неплатонического характера, то должен делать это так, чтобы оно не имело формы разврата, а лишь удовлетворения присущей каждому человеку естественной потребности» [21], позволяющее оставаться офицеру в допустимых рамках приличия.

Разница в возможностях, предлагаемых офицерам для проведения свободного времени центральными городами и тем, чем мог быть заполнен офицерский досуг в провинциальном городе, а тем более в станице, была столь ощутима, что позволяла кубанским офицерам вполне обоснованно считать, что «культурную жизнь» они «не получали готовой, но создавали ее сами, своими трудами» [22]. Большинство мемуаристов называется весьма скромный перечень доступных офицерам войска ежедневных развлечений, как, например, перечисленные М.И. Недбаевским игра «в карты, винт, преферанс» и танцы молодежи «под музыку, которая играла в собрании по праздникам» [23] или даже полное отсутствие таковых, за исключением редких встреч с семьями знакомых офицеров во время скромных домашних обедов или обычных прогулок: «Был праздничный день. Все свободные от службы чиновники и офицеры города N** торопливо спешили покинуть свои квартиры и скорей выйти на улицу, а оттуда пробраться на бульвар – единственное место отдыха и развлечения горожан» [24].

Выходом для кого-то из офицеров и, по сути, бегством от скуки, становились кратковременные поездки в близлежащие от места службы города, целью порой была просто смена окружающей обстановки, о чем в письме к сестре писал из Туркестана хорунжий 1-го Таманского полка Б. Абашкин: «Двадцатого я поехал в Асхабад¹ и пробыл там три дня. С удовольствием проездился туда, хотя там и не было никаких увеселений. Не было даже кинематографа. Мне приятно было уже то, что я попал в совершенно другую обстановку» [25]. Оказавшись в городе, ограниченный во времени, офицер старался не упустить ни одного из возможных удовольствий: «В город явился в 7 часов. Гостиницы все заняты, и я тотчас же пошел в биограф, а потом – ужинать в ресторан. Поужинать не пришлось, так [как] помешали 2 подьесаула, и я пошел с ними за коньяком, [и], вообще, [начали] кутить. Один совсем дед. Вдруг откуда[-то] взялись старые знакомые и Саша красавица. Бросил я подьесаулов и с ними – в биограф, и все время напевал красавице.

¹ Ашхабад.

Согласна ко мне ехать. Был у нее на квартире и оттуда – на вокзал. Скучно и спать хочется. Много интересных встреч и, вообще, в дороге, на трамвае» [26].

В условиях отсутствия возможности посещения театров во многих полках войска сложилась традиция постановки любительских спектаклей, в которых принимали участие как сами офицеры, так и их родные и знакомые. В программу домашних спектаклей, проводившихся с 26 января по 11 марта 1886 г. в собрании 2-го Ейского (льготного) конного полка, входили комедия «Удочка» и водевили «Зачем люди женятся», «Беда от женского сердца», «Простушка и воспитанная», «Жених из ножевой линии», «Аз и Ферт» [27]. В январе следующего 1887 г. в помещении офицерского собрания этого полка предполагалось проведение благотворительного спектакля. Среди заявленных пьес были комедия в четырех действиях «В осадном положении» и водевиль в одном действии «Жена напрокат». Начало планировалось на 7 1/2 ч, а цена одного места равнялась одному рублю. В афише сообщалось, что билеты можно было получить у сотника Майгура [28]. Постановки продолжились и в последующие годы. Впечатления публики от посещения спектаклей были самые хорошие и сохранились в памяти очевидцев. М.И. Недбаевский, получивший в 1900 г. назначение в станицу Уманскую в штаб-квартиру 2-го Ейского полка, вспоминал: «В Уманской было гарнизонное военное собрание, где несколько раз в год любители ставили комедии, хорошо разыгрываемые» [29].

Театральные постановки требовали от участников серьезной подготовки – распределялись роли, заучивались тексты, готовились декорации, шились костюмы, проводились репетиции. В большинстве своем пьесы выбирались комические. Для устройства драматических представлений военные собрания, в которых они проводились, обязаны были «испросить разрешение местного полицейского начальства и представить оному на просмотр составленную афишу о предполагаемом спектакле», от чего зависело разрешение «исполнения упомянутых пьес, если они не значатся в каталоге запрещенных» [30]. Так, в 1886 г. циркуляром Министерства внутренних дел сообщалось о воспрещении исполнения на «сценах частных театров, как столичных, так и провинциальных, драмы в 4-х действиях И.И. Бабкина под заглавием “Грезы”» [31]. Жизнь любительского театра вносила оживление в однообразие жизни местного общества, развлекала и сближала офицерские семьи, способствовала укреплению старых и завязыванию новых знакомств, надолго сохранялась в памяти: «Да, старые, но еще не погасшие, почти живые картины... Спектакли, считки, сходки, столкновения... Была кой у кого и любовь... У одного она завершилась браком, другой потрепал только свои нервы и на том закончил» [32].

Удивительным образом участие в любительских театральные постановках способствовало возникновению романов, в том числе романов с женами сослуживцев: «Началось это так: на Р.Х. 912 года в собрании были частые вечера, на которых я подолгу беседовала с подъесаулом Буткевичем... На вечерах кроме танцев у нас были разговоры о литературе, была даже попытка устроить спектакль, начались репетиции – все это сблизило подъесаула Буткевича с некоторыми семьями, где он стал бывать и где я с ним часто встречалась. Симпатия наша друг к другу с каждым разом проявлялась все больше и больше. Держала я себя всегда с подобающим достоинством и гордостью. И так, встреча за встречей, его полное ко мне уважение, предупредительность и любовь вскружили мне голову; его клятвы, целование креста и обещание хранить свято мое имя привели к печальному концу историю мою» [33]. Причин к таким сближениям было множество, среди которых отсутствие разнообразия развлечений и общения занимали совсем не последнее место, основной же из причин считалась тогда открывшаяся молодым офицерам доступность свободного общения с женщинами, которая и приводила к ненужным скоропалительным романам, а часто и к неудачным бракам. Пытаясь избежать того и другого, офицеры искали общения вне своего круга: «Не собираясь жениться, но понимая, что являюсь завидным женихом, я сторонился девушек из приличных семей. Большинство моих знакомых женщин были женами офицеров, не только моего полка; законы чести не позволяли нам заводить романы с женами друзей. Мое общение с женщинами ограничивалось так называемыми полковыми дамами нашего круга. Они не были проститутками. Скорее они были женщинами не слишком строгих правил» [34]. В рассуждениях на эту тему мемуаристы, как правило, немногословны. Тайны подобных встреч приоткрывают сегодня только дневниковые записи.

С началом открытия во второй половине XIX в. в крупных центрах расположения воинских частей Кубанского войска офицерских собраний, призванных, в том числе, «доставлять офицерам развлечение в свободное от службы время» [35], значительную часть этого времени офицеры стали проводить в их стенах. Предполагалось, что помещения собраний будут сборным местом для решения и разбора тактических задач, чтения лекций, бесед, сообщений и военной игры. Из развлечений в офицерских собраниях разрешались дозволенные законом игры – шахматы, бильярд, домино, кегли, из карточных допускались только коммерческие и притом на наличные деньги [36], а так называемые азартные игры были строго запрещены. Со временем такие собрания стали привычной частью офицерского досуга и превратились в центры общения офицеров разных возрастов и разного служебного положения.

Большие надежды в деле организации офицерского досуга возлагались на создаваемые повсеместно при офицерских собраниях полковые библиотеки, появление которых помогло снять остроту проблемы недоступности литературы для кубанских офицеров. В библиотеках находились каталоги, алфавитный и систематический, и особая офицерского собрания книга, в которую записывалась выдача книг членам собрания, а также книга, в которую члены собрания вносили свои желания относительно приобретения тех или других сочинений, журналов, газет и пр. [37]. К услугам любителей чтения библиотеками собраний предлагался стандартный набор периодических изданий, художественной и специальной литературы. Оставленные мемуарные свидетельства не дают представления, насколько велик был круг постоянных читателей полковых библиотек. Упоминая о существовании последних, авторы указывают на отсутствие интереса к чтению среди офицеров войска: «В полку была большая библиотека, которой мало кто интересовался. На столе постоянно лежали: Новое Время, Разведчик, Русский Инвалид, Русская Старина, Военный Сборник, Исторический Вестник, Нива и др.» [38]. Тем не менее другие сохранившиеся источники свидетельствуют, возможно, о редкой, но все же существовавшей среди казачьих офицеров тяге к чтению. Авторами немногочисленных дневников перечислялись не только названия читаемых или уже прочитанных ими книг, но и практически ежедневно фиксировалось ставшее привычным вечернее чтение: «Очень долго сидел с книгой в своем кабинете. Наконец лег спать, с Богом» [39].

Одним из интересных увлечений этого времени можно назвать любительское занятие фотографией. Это увлечение, доступное на рубеже веков далеко не каждому, как занятие, требующее прежде всего существенных расходов, имело своих поклонников и среди казачьих офицеров: «Одна статейка навела меня на очень хорошую мысль и дело – заняться фотографией» [40]. Выбору фотоаппарата по каталогу, выделению необходимых для его покупки средств и, наконец, желанному приобретению посвящена не одна строка в дневнике прапорщика 27-го Донского казачьего полка Н.И. Кузнецова: «Итак, завтра куплю аппарат, и хороший, и дешево, и все потому, что случайно. Хотя тогда придется перебиваться как-нибудь... Ведь очень интересная вещь, фотография, потом вспоминать бывалое одна роскошь» [41].

Освоение фотографии могло происходить самостоятельно по специальным пособиям, также можно было воспользоваться уроками по фотографии, которые в 1863 г. из номера в номер публиковал журнал «Промышленность» [42], в любом случае такое увлечение отнимало изрядное количество времени: «Опять аппарат, день хороший, и опять снимки, а сейчас хочу снять свою комнату... Вечер весь занят был фотографией, так что лег спать 1 1/2 ч. ночи. Так себе что-то вышло» [43].

Внимание фотографов-любителей привлекало все – лица родственников, знакомых, сослуживцев, праздничные события и будни. Удачные фотографии вставлялись в рамки, хранились в альбомах и дарились друзьям. Некоторые любители со временем достигали серьезных успехов. Первый раз фамилия есаула 1-го Ейского конного полка Н.С. Ремизова появилась на страницах Санкт-Петербургского журнала «Фотограф-любитель» в 1893 г. Он был награжден бронзовой медалью на Гамбургской фотографической выставке, на которую 418 любителей прислали 6365 снимков. Из России 14 человек отправили свои работы и получили 10 наград. На следующий год журнал сообщил о наградах за «русские работы» на международной выставке в «Кане»: «г. Ремизов – виды Кубанской местности». В 1897 г. «Фотограф-любитель» напечатал снимок есаула с редакционным комментарием:

«Автотипия “Казачий лагерь” воспроизведена с отпечатка г. Ремизова, который иллюстрировал наши восточные границы с Персией и прилегающие к ней местности. Сцена эта снята им объективом Далмейера, на пластинке Люмиер, в июле месяце и изображает офицерский обед казаков и их жизнь около Баку» [44].

Во второй половине XIX в. в армии стало всячески поощряться умение офицера хорошо ездить верхом. Способности офицера к верховой езде отмечались в аттестациях, а их отсутствие влияло на перемены в служебной деятельности офицера – строевая служба могла быть заменена, например, административной. По приказанию военного министра было распространено требование того, чтобы офицеры, желавшие поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, заранее испытывались в верховой езде, т.к. планировалось не допускать к приему офицеров, не умеющих ездить верхом.

Неудивительно поэтому, что совершенствованию в верховой езде кубанские офицеры посвящали значительную часть своего свободного времени. Одним из способов устройства дополнительной тренировки в полевой езде было участие желающих в дальних поездках, организованных как продолжение строевых занятий. Так, «в заключение зимних занятий с офицерами Хоперского конного полка по части строевого образования временно заведовавший Баталпашинским военным отделом подполковник Дьяков предложил господам офицерам совершить поездку в г. Екатеринодар на собственных строевых лошадях, с условием не делать менее восьмидесяти верст в день и переправляться через все встречающиеся на пути реки вброд, за исключением реки Кубани. На это предложение изъявили свое согласие: войсковой старшина барон фон Унгерн-Штернберг, сотник Булгаков и хорунжий Свидин» [45].

Путь от Баталпашинска до Екатеринодара в 321 версту офицеры проделали за десять дней. Путешествие оказалось непростым. Часть пути офицерам пришлось провести под проливным дождем, преодолевая дополнительные трудности из-за разлившихся рек. Возвращение домой из Екатеринодара прошло по новому маршруту: через «станции Саратовскую, Белореченскую, Майкоп, Лабинскую, Вознесенскую, Попутную» [46], предложенному наказным атаманом, проявившим неподдельный интерес к «экскурсии офицеров». Обратная дорога далась всем участникам тоже нелегко: «дорога тут была самая отвратительная. На протяжении пяти верст попадались то глубокие ямы, наполненные водой, то высокие пни срубленных деревьев» [47]. Между тем тяготы экскурсии не помешали краткому знакомству офицеров с незнакомыми местами: «Майкоп произвел на нас неблагоприятное впечатление, может быть, потому что мы слишком устали. Впрочем, он вполне может гордиться своим живописным месторасположением... По богатству грязи Майкоп представляет вторую после Екатеринодара Венецию на Кавказе. Улицы кривые, узкие, темные, без тротуаров. Достопримечательностей, кроме винокуренного завода, нет. Нет ни бульваров, ни парков, ни газовых фонарей, ни магазинов, ни гостиниц. Зато была одна поистине великолепная достопримечательность: некогда солдатская казарма (ныне общественная баня), где безраздельно, нисколько не стесняясь друг друга, мужчины и женщины купаются, обмениваясь самыми благородными комплиментами и в созерцании всех прелестей наготы» [48].

По завершении офицерской «экскурсии», на которую по свидетельству одного из участников, хорунжего Свидина, «на переезд 321 версты от Баталпашинска до Екатеринодара нами было затрачено 38 часов, а на обратный путь протяжением в 305 верст 44 часа» [49], начальством была предпринята попытка поощрения ее участников. В официальном донесении заведующего Баталпашинским отделом для них испрашивалось денежное пособие в размере годового оклада и докладывалось, что «офицеры те, имея служебное местопребывание в городе Баталпашинске, где дорогие квартиры и высокие цены на жизненные припасы, поставлены в крайне затруднительное положение в отношении содержания себя семействами» [50].

Увлечение конным спортом проявлялось и в интересе офицеров войска к скачкам. Способствовать развитию этого увлечения призваны были обязательные офицерские 2-верстные скачки с «препятствиями на призы», предназначенные «для развития между офицерами ловкости и лихости и для поощрения их к приобретению лошадей хорошего сорта» [51].

В начале 1872 г. приказом по военному ведомству было объявлено об учреждении «ежегодной Красносельской офицерской скачки на призы Их Императорских Величеств и Членов Императорской фамилии» «для строевых офицеров и состоящих адъютантами сей гвардейской и армейской кавалерии конной артиллерии и всех казачьих и иррегулярных войск» [52]. Эти главные скачки (их называли Большим Красносельским стипль-чезом) имели на 4 верстах (более 4 км) 12 препятствий. Основные из них: река, 3 рва шириной около 2 м, «укрепление» (комбинированное препятствие, напоминающее современный банкет), дощатый забор, «живая» изгородь, соломенный барьер, вал с «живой» изгородью, плетень. Максимальная высота препятствий достигала 140 см, ширина по фронту 20 м [53].

Для того чтобы предоставить возможность как можно большему числу офицеров участвовать в этой скачке, и в особенности тем офицерам, которые служили вне Петербургского военного округа, время поездки и участия в скачках было решено считать командировкой, а проезд офицеров и лошадей с проводниками оплачивался за счет казны. Однако, несмотря на столь заманчивые условия, в первые годы проведения «Красносельской скачки» кубанские офицеры не высказывали особенного желания принять в ней участие. Весной перед проведением первых Красносельских скачек командиры большинства полков Кубанского войска рапортовали о том, что офицеров, желающих участвовать в призовых скачках, не оказалось, за исключением сотника Хоперского полка Посевина и хорунжего Кубанского полка Соколова, который заявил желание участвовать в скачке в следующем году» [54]. В целом общее число участников также было невелико. Для участия в первых соревнованиях записалось 32 офицера. К Большому красносельскому стипль-чезу было допущено 27 [55].

Среди других распространенных увлечений чаще всего мемуаристами называется занятие охотой. Ее описанию посвящены многие страницы мемуарной литературы. Авторы с явным удовольствием восстанавливают в памяти подробности любимого ими или их близкими занятия: «Брат, торопясь, набивает патроны к охотничьему ружью, разговаривает с нами и одновременно диктует приказ по корпусу пришедшему старшему писарю. В одиннадцать с половиной часов вечера прибыло заказанное такси. Брат мчится на станцию, кондуктору в вагоне приказывает непременно разбудить его на таком-то полустанке, по лесу и лесом идет к дому лесника, пьет там крепкий чай и идет на определенное место ждать пролета гусей. На рассвете начинался лет. Иногда гуси налетят, но большей частью пролетят в стороне, вне выстрела, и брат идет к полустанку и с обратным поездом едет в Петербург и уже не просит кондуктора разбудить, сразу засыпает. В Петербурге его будят, он едет домой, принимает холодный душ, пьет крепкий-прекрепкий кофе и мчится в Николаевское кавалерийское училище читать лекции по тактике и военной истории» [56].

Выводы

Подводя итоги, можно отметить следующее. Принадлежность к офицерскому корпусу подразумевала склонность его представителей к занятиям и развлечениям, достойным звания офицера. В силу причин разного характера не весь их спектр на протяжении рассматриваемого периода был в равной степени доступен офицерам войска. Важнейшим из факторов, определяющим предпочтения представителей офицерской среды в выборе способов проведения свободного времени, представляется фактор доступности, под воздействием которого происходили формирование досугового пространства и выбор модели досуговой активности.

Примечания:

1. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
2. Гайворонская А.В. Социокультурный облик офицеров Кубанского казачьего войска (1860–1914 гг.): дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2013. 216 с.
3. Гайворонская А.В. К вопросу об особенностях военной службы кубанских офицеров в XIX – начале XX столетия // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3. С. 67–69.
4. Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 30.

5. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. Российские офицеры // Российский военный сборник. М.: Военный университет; Русский путь, 2000. Вып. 17. С. 144.
6. Быковский Н. Квартирный вопрос // Разведчик. 1893. № 120. С. 83.
7. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 73.
8. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Вагриус, 2004. С. 44.
9. Куприн А. Поединок // Куприн А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1971. С. 28.
10. Молодой офицер в Западном краю // Разведчик. 1892. № 100. С. 295.
11. Молодой офицер в Западном краю // Разведчик. 1892. № 101. С. 313.
12. Обзор печати // Разведчик. 1907. № 855–856. С. 158.
13. Шкуро А.Г. Гражданская война в России: записки белого партизана. М.: Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 56.
14. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 433. Л. 226.
 15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 433. Л. 241.
 16. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 433. Л. 240.
 17. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 71.
 18. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 72.
 19. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 71.
 20. Вертепов Д.А. Дневник терского казака. М.: Советский писатель, 2008. С. 55.
 21. Португалов Н. Этика офицера // Российский военный сборник. Вып. 17... С. 337.
 22. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 102.
 23. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 86.
 24. Пахомов М. Офицер на льготе // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1901. № 21.
 25. Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. М.: Рейтарь, 2005. С. 271.
 26. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года) / под ред. С.Н. Малахова, В.А. Хлебнова. Армавир – Белая Калитва – Отрадная: ИП Шурыгин В.Е., 2015. С. 64.
 27. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 4.
 28. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 17.
 29. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 105.
 30. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 18об.
 31. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4814. Л. 19.
 32. Вертепов Д.А. Дневник терского казака. М.: Советский писатель, 2008. С. 68.
 33. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10634. Л. 6.
 34. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 92.
 35. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8190. Л. 11.
 36. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8190. Л. 15.
 37. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8190. Л. 14.
 38. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 86.
 39. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 50.
 40. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 33.
 41. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 69.
 42. Устинов Б.Н. История Кубанской фотографии. Краснодар: Платонов, 2013. С. 76.
 43. Кузнецов Н.С. Фронтовой дневник (1 мая – 31 декабря 1915 года)... С. 70.
 44. Устинов Б.Н. История Кубанской фотографии... С. 55.
 45. Свидин И.Г. Спасибо за службу // Родная Кубань. 2005. № 3. С. 31.
 46. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 31.
 47. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 32.
 48. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 32.
 49. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 33.
 50. Свидин И.Г. Спасибо за службу... С. 33.
 51. КОВ. 1892. № 17. С. 1.
 52. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 783. Л. 1.
 53. Аминов Д. Скачки. URL: <http://www.equestrian.ru/hippodrome/races/682> (дата обращения: 02.10.2015).
 54. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 783. Л. 23, 25.
 55. Аминов Д. Скачки...
 56. Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое... С. 84.

References:

1. Matveev O.V. Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX v.): kategorii voinskoj mentalnosti. Krasnodar: Kubankino, 2005. 418 s.
2. Gayvoronskaya A.V. Sotsiokulturnyy oblik ofitserov Kubanskogo kazachyego voyska (1860–1914 gg.): dis... kand. ist. nauk. Krasnodar, 2013. 216 s.
3. Gayvoronskaya A.V. K voprosu ob osobennostyakh voennoy sluzhby kubanskikh ofitserov v XIX – nachale XX stoletiya // Kulturnaya zhizn Yuga Rossii. 2012. № 3. S. 67–69.
4. Molchanov V.M. Posledniy belyy general. Ustnye vospominaniya, statyi, pisma, dokumenty. M.: Ayris-press, 2012. S. 30.
5. Messner E., Vakar S., Verbitskiy F. Rossiyskie ofitsery // Rossiyskiy voennyi sbornik. M.: Voennyi universitet; Russkiy put, 2000. Vyp. 17. S. 144.
6. Bykovskiy N. Kvartirnyy vopros // Razvedchik. 1893. № 120. S. 83.
7. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2009. S. 73.
8. Denikin A.I. Put russkogo ofitsera. M.: Vagrius, 2004. S. 44.
9. Kuprin A. Poedinok // Kuprin A. Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 4. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1971. S. 28.
10. Molodoy ofitser v Zapadnom krayu // Razvedchik. 1892. № 100. S. 295.
11. Molodoy ofitser v Zapadnom krayu // Razvedchik. 1892. № 101. S. 313.
12. Obzor pechati // Razvedchik. 1907. № 855–856. S. 158.
13. Shkuro A.G. Grazhdanskaya vojna v Rossii: zapiski belogo partizana. M.: Izdatelstvo AST; Tranzitkniga, 2004. S. 56.
14. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (dalee – GAKK). F. 396. Op. 1. D. 10 433. L. 226.
15. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 433. L. 241.
16. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 433. L. 240.
17. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 71.
18. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 72.
19. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 71.
20. Vertepov D.A. Dnevnik terskogo kazaka. M.: Sovetskiy pisatel, 2008. S. 55.
21. Portugalov N. Etika ofitsera // Rossiyskiy voennyi sbornik. Vyp. 17... S. 337.
22. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 102.
23. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 86.
24. Pakhomov M. Ofitser na lgote // Kubanskiye oblastnyye vedomosti (dalee – KOV). 1901. № 21.
25. Eliseev F.I. Pervye shagi mladogo khorunzhego. M.: Reytar, 2005. S. 271.
26. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda) / pod red. S.N. Malakhova, V.A. Khlebnova. Armavir – Belaya Kalitva – Otradnaya: IP Shurygin V.E., 2015. S. 64.
27. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 4.
28. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 17.
29. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 105.
30. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 180b.
31. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 4814. L. 19.
32. Vertepov D.A. Dnevnik terskogo kazaka. M.: Sovetskiy pisatel, 2008. S. 68.
33. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10634. L. 6.
34. Littauer V. Russkie gusary. Memuary ofitsera imperatorskoy kavalerii. 1911–1920. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2006. S. 92.
35. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 8190. L. 11.
36. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 8190. L. 15.
37. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 8190. L. 14.
38. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 67. L. 86.
39. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 50.
40. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 33.
41. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 69.
42. Ustinov B.N. Istoriya Kubanskoy fotografii. Krasnodar: Platonov, 2013. S. 76.
43. Kuznetsov N.S. Frontovoy dnevnik (1 maya – 31 dekabrya 1915 goda)... S. 70.
44. Ustinov B.N. Istoriya Kubanskoy fotografii... S. 55.
45. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu // Rodnaya Kuban. 2005. № 3. S. 31.
46. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 31.
47. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 32.
48. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 32.
49. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 33.
50. Svidin I.G. Spasibo za sluzhbu... S. 33.
51. KOV. 1892. № 17. S. 1.

52. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 783. L. 1.
53. Aminov D. Skachki. URL: <http://www.equestrian.ru/hippodrome/races/682> (data obrascheniya: 02.10.2015).
54. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 783. L. 23, 25.
55. Aminov D. Skachki...
56. Balabin E.I. Dalekoe i blizkoe, staroe i novoe... S. 84.

УДК 94(47)

**Повседневность досуга офицеров Кубанского казачьего войска
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Александра Владимировна Гайворонская

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350051 Краснодар, улица Клубная, 16
Кандидат исторических наук
E-mail: krasnodar-23@newmail.ru

Аннотация. В статье проанализированы виды досуга кубанских казачьих офицеров второй половины XIX – начала XX вв. и факторы, влиявшие на их выбор. На основе исследования дневников, мемуарных свидетельств и других источников описываются доступные различным группам офицеров формы отдыха и развлечений, в частности поездки в близлежащие города, постановки любительских спектаклей, посещение офицерских собраний, любительская фотография, верховая езда и охота.

Ключевые слова: Кубанское казачье войско, офицерство, повседневность, досуг, источники личного происхождения.